

Философия Право

№ 3 (82)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 30 сентября 1999 г.
Регистрационный номер ПИ 019290

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гнатюк М. А.

ТЕМАТИЧЕСКИ-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНЕРЦИИ ПРОШЛОГО
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД 7

Касаткин С. Н.

ПОНЯТИЕ КОРПОРАЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЛИНГВО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ Г. ХАРТА 11

Ключков В. В.

ТРАДИЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ 18

Атаев Р. А., Шанько В. В.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ОБЩЕЙ
ТЕОРИИ ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ 24

Пушкарев В. В.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКТ «СОГЛАСИЕ»: ГНОСЕОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО
ФАКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 29

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Анохин Ю. В., Верхогляд Я. Е.

О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ 33

Шугуров М. В. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРЕДАЧИ БИОТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	39
---	----

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Игонина Н. А. К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЗАКОННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЧАСТЬ 2)	48
Москаленко С. Г., Борисова Е. С. ЭТИКО-ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ (К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ)	57
Фатхи В. И., Хакимов И. А. РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНКРЕТИЗАЦИИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	62

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Петракова А. С. КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	68
Беспалова А. А., Лубский А. В., Лубский Р. А. «ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ» И «ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ»: МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ	72
Загутин Д. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	79

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Намнясева В. В. ПАТОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПЕРСПЕКТИВА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	85
Жестеров П. В. РОЛЬ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	93

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Миллеров Е. В. К ПРОБЛЕМЕ ТОЛКОВАНИЯ ЗАПРЕТА НА ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ПЕЧАТНЫХ И АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД НРАВСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН	99
Халилова Р. М. О ПРИЗНАКАХ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗАЩИТУ ЗАКОНА	105
Матвиенко Е. А. ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	112

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Воробьев Г. А.

ЭНТРОПИЙНОЕ ДАВЛЕНИЕ В ПРОЦЕССАХ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 118

Козюк М. Н.

МЕДИАЦИЯ МЕЖДУ АРХАИКОЙ И МОДЕРНОМ 123

Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ВОЙНЫ 130

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Осяк А. Н., Пестов Р. А., Шаповалова Т. Н., Чернобровкина Н. И.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ 137

Костюченко Н. И.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ УПРАВЛЕНИЯ
И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. ФАЙОЛЯ) (СТОЛЕТИЮ ВЫХОДА
В СВЕТ РАБОТЫ А. ФАЙОЛЯ «ОБЩЕЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ» ПОСВЯЩАЕТСЯ) 144

Ким В. О.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА 150

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Лихтер П. Л.

ХОЛИЗМ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РЕДУКЦИОНИЗМ СОВРЕМЕННОГО МИРА:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 158

Пелевина Н. А.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК НАСИЛЬСТВЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ 166

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
А. С. Ханахмедов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
Г. Ч. Синченко, д-р филос. наук, проф.;
А. В. Лубский, д-р филос. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта: ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 1088,6 рубля (2 номера).

Выпускающий редактор: И. А. Мосенцева
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Сдано в набор 1.09.2017. Подписано к печати 25.09.2017. Выход в свет 28.09.2017.
Формат 60x84 1/8. Объем 21,4 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 19. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Gnatyuk M. A. THEMATIC AND SENSITIVE ASPECTS OF THE INERTIA OF THE PAST IN SOVIET SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH	7
Kasatkin S. N. A CONCEPT OF CORPORATION IN PERSPECTIVE OF H. HART'S LINGUISTIC-ANALYTICAL METHODOLOGY	11
Klochkov V. V. TRADITION AND SOCIAL ORDER: EXPLANATION MODELS AND CONTEMPORARY APPROACHES TOWARDS THE RESEARCH	18
Ataev R. A., Shanko V. V. PROBLEMATIC ISSUES OF THE USE AND APPLICATION OF METHODS OF GENERAL THEORY OF LAW IN LEGAL PRACTICE	24
Pushkarev V. V. THE THEORETIC AND LEGAL CONSTRUCT «CONSENT»: THE EPISTEMOLOGY OF THE JURAL FACT IN THE CRIMINAL PROCESS	29

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LEGAL POLICY OF THE STATE

Anokhin Yu. V., Verhoglyadov Ya. E. ON LEGAL POLICY OF COUNTERACTION OF EXTREMIST ACTIVITY AT THE INTERNATIONAL LEVEL	33
Shugurov M. V. POLITICAL AND LEGAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL TRANSFER OF BIOTECHNOLOGY IN THE INTERESTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT	39

THE UNDERSTANDING OF LAW AND LEGAL DOCTRINE

Igonina N. A. THE QUESTION OF THE STATUS OF LEGALITY IN THE SOCIAL SPHERE (PART TWO)	48
Moskalenko S. G., Borisova E. S. ETHICAL-PERSONALISTIC ASPECT OF THE DEONTOLOGICAL MOTIVATION (FOR THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN POLICE)	57
Fathy V. I., Khakimov I. A. THE ROLE OF SENSE OF JUSTICE IN THE SPECIFICATION OF NORMS OF CIVIL LAW	62

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Petrakova A. S. ENGINEERING OF THE PROCESSES OF PERSONALITY'S IDENTIFICATION AND SELF-IDENTIFICATION IN SOCIAL ONTOLOGY OF MIDDLE AGES	68
Bespalova A. A., Lubsky A. V., Lubsky R. A. «THE POLITICAL PERSON» AND «THE ECONOMIC PERSON»: MENTAL PROGRAMS AND MODELS OF SOCIAL BEHAVIOUR IN RUSSIA	72
Zagutin D. S., Samygin P. S., Samygin S. I. PROBLEMS OF FORMATION OF POSITIVE SENSE OF JUSTICE OF YOUTH IN MODERN RUSSIA	79

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF STRUGGLE AGAINST CRIME

Namnyaseva V. V. PATHOLOGY OF CRIMINAL LAW: PERSPECTIVE OR REALITY?	85
Zhesterov P. V. THE ROLE OF CRIMINAL REPRESSION IN THE PREVENTION OF SOCIAL CONFLICTS IN THE CONDITIONS OF FINANCIAL CRISIS	93

PROBLEMS OF THE LEGAL AXIOLOGY

Millerov E. V. THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE BAN ON MOVEMENT ACROSS THE CUSTOMS BORDER OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION PRINTED AND AUDIO-VISUAL MATERIALS CONTAINING INFORMATION THAT MAY HARM MORALS OF CITIZENS	99
Khalilova R. M. ABOUT THE SIGNS OF THE HUMAN RIGHT TO THE PROTECTION OF THE LAW	105
Matvienko E. A. THE THEORY OF HUMAN RIGHTS IN THE MODERN CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT: TENDENCIES AND RESTRICTIONS	112

SPIRITUAL AND SOCIAL AND CULTURAL BASIS OF LAW

Vorob'ev G. A. ENTROPIC PRESSURE IN THE DEFORMATION PROCESSES OF SOCIO-CULTURAL SPACE IN RUSSIAN SOCIETY	118
Kozuk M. N. MEDIATION BETWEEN REMOTE AND MODERN	123
Gulevsky A. N., Gulevskaya N. A. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF FUNCTIONS OF WAR	130

PHILOSOPHICAL AND LEGAL MEASUREMENT OF THE GOVERNMENT

Osyak A. N., Pestov R. A., Shapovalova T. N., Chernobrovkina N. I. SOCIAL CONTROL AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC REFLECTION	137
Kostiychenko N. I. PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL SYSTEMS MANAGEMENT (THE HISTORICAL ASPECT OF THE MANAGEMENT SCIENCE FORMATION AND THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL HERITAGE OF A. FAYOL – TO THE CENTENARY OF A. FAYOL'S WORK «GENERAL AND INDUSTRIAL MANAGEMENT» DEDICATED)	144
Kym V. O. PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF SOCIETY	150

HISTORY OF PHILOSOPHY OF LAW

Likhter P. L. THE HOLISM OF ANCIENT GREECE AND REDUCTIONISM CONTEMPORARY WORLD: LEGAL ASPECTS	158
Pelevina N. A. FEBRUARY REVOLUTION AS FORCED DESTRUCTION OF SOCIAL MEMORY	166

Гнатюк Максим Александрович
Gnatyuk Maksim Aleksandrovich

преподаватель кафедры управления персоналом Самарского государственного университета путей сообщения кандидат социологических наук.

Lecturer, Department of Personnel Management, Samara State Transport University, PhD in Sociology.
E-mail: gnatuk_m@yandex.ru.

**ТЕМАТИЧЕСКИ-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОЯВЛЕНИЯ ИНЕРЦИИ ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД**

**Thematic and sensitive aspects of the inertia of the past in soviet society:
social and philosophical approach**

В статье рассматриваются тематически-смысловые аспекты проявления инерции прошлого в советском обществе в контексте социально-философского анализа, позволяющие прояснить сложные отношения между властью и обществом в условиях тоталитарного «самодержавного» правления. Выявление и экспликация различных векторов социальной инерции как свойства социальной системы дали автору возможность определить элементы квазипреemptивности между царской и императорской Россией и советским периодом истории.

Ключевые слова: социальная инерция, инерция прошлого, социальность, инерция манипулирования массовым сознанием.

In article thematic and semantic aspects are considered of the inertia of the past in the Soviet society in the context of socio-philosophical analysis makes, it possible to clarify the complex relationship between power and society in terms of totalitarian «autocratic» rule. The identification and explication of social inertia vectors allows to find out the elements of quasi-succession between tsarist and imperial Russia and the Soviet period of history.

Keywords: social inertia, inertia of the past, sociality, inertia of mass consciousness manipulation.

Обращение к феномену социальной инерции в контексте российских социокультурных изменений позволяет сформулировать проблему, в основе которой находится вопрос о том, каким образом проявляется инерционность в социальных процессах в ходе социокультурных изменений в российском обществе, а также как концептуальное выявление и фиксация феномена социальной инерции дают возможность определить значимые элементы преemptивности между императорской Россией и советским периодом истории, между советской и постсоветской эпохами, выявить роль поведенческих практик, унаследованных от советского прошлого, в современных социокультурных изменениях.

Социальная реальность в России начинает меняться с утверждением нового политического режима осенью 1917 года. Октябрь, как считали советские политические вожди и идеологи, положил начало новой эре в ис-

тории человечества. Октябрьский переворот был направлен на реализацию проекта плана достижения цели при условии создания «нового человека». Россия превратилась в огромную экспериментальную площадку, где должны были происходить кардинальные преобразования [1].

При этом, как отмечал известный историк Ю. Н. Афанасьев, в период с 1917 года до начала 1930-х годов Россия «вроде бы» не только вышла из колеи, но и радикально разорвала все связи с прошлым, в котором она образовалась и в русле которого развивалась. Цели и замыслы были грандиозными: изменить общественное устройство страны, для чего предполагалось неизбежным и вполне естественным уничтожить миллионы одних и возвысить миллионы других [2].

Однако уже вскоре начинает действовать механизм инерции прошлого, парадоксальность проявления которой в советском обще-

стве заключалась в том, что она функционировала в условиях основанного на марксистско-ленинской идеологии тоталитарного строя, не допускавшего какие-либо упоминания о прошлом.

На новую социальную реальность в условиях формирования тоталитаризма накладывались социокультурные элементы прошлого как неявная стратегия социальной инерционности. Д. Биллингтон пишет даже об экспроприации большевиками популистского мифа о «народе». «Смутно заманчивая популистская вера, что “народ” располагает врожденными задатками для строительства нового социального порядка, позволяла большевикам маскировать орудия государственного контроля лексиконом народного освобождения. Без этой широко распространенной веры в “народ” как возрождающую жизненную силу большевикам было бы значительно труднее убедить русский народ и самих себя в нравственной оправданности насильственных санкций» [3].

Рассмотрение советского общества и практик его «вождей» неизбежно заставляет обратить внимание на их инерционную составляющую.

Прежде всего, это *инерция самодержавного правления*, которая оказалась столь «удачной» для большевистского всевластия на новом витке исторического развития России.

Еще Н. М. Карамзин исходил из того, что самодержавие есть «умная политическая система», которая прошла длительную эволюцию и сыграла уникальную роль в отечественной истории. Самодержавная система стала «великим творением князей московских», начало которой положил Иван Калита. Она представляла собой сложную конструкцию, опирающуюся на традиции, а также совокупность государственных и общественных институтов.

При этом, например, граф Уваров утверждал, что самодержавие является «главным условием политического существования России», фундаментом, на котором базируется ее государственность. Именно самодержавие «соединило расторгнутые члены государства и уврачевало язвы его» [4].

Современные отечественные историки и философы исходят из того, что самодержавие утвердилось на Руси как главный государственнообразующий институт. Но при этом концентрация ничем не ограниченной полноты полномочий в руках самодержавца-моносубъекта не

предполагала формирования ответственности за государство у всех остальных, в том числе и у околовластных элитных групп.

Если же в культуре доминирует «отцовская» матрица, не содержащая в себе основания для легитимации полномочий и интересов элиты, последняя вынуждена «прислоняться» к властителю-отцу, наделенному подобной легитимностью [5, с. 88–89]. При этом исследователи говорят о слабости институциональных, а главное, культурных рамок-ограничителей самодержавного произвола на Руси, о том, что идея божественного происхождения верховной власти без укоренившейся в культуре идеи законности – это и есть самодержавная идея на основе «отцовской» культурной матрицы [5, с. 101, 109].

Достаточно отчетливо проявилась также *инерция бюрократизации*, которая наложилась на новые социально-политические и управленческие реалии. Как пишет М. Левин, созданная Сталиным сверхдержава являлась и должна быть бюрократической. Таково определяющее качество государства, владеющего всеми ресурсами страны. Обращение к историческим прецедентам, продолжает автор, естественно везде, но в Советском государстве оно проявлялось особенно ярко. На практике сталинская Россия приняла идеологические принципы царского государства на почти официальном уровне [6, с. 258, 601].

Вместе с тем появился новый феномен – номенклатура. Советская номенклатура – это, в сущности, новый класс, а не просто группа чиновников. Она составляла верхний слой партийно-советской бюрократии с перспективой превращения ее в связанную круговой порукой замкнутую касту. Лица, попавшие в «номенклатуру», как правило, всю жизнь перемещались с одной должности на другую, словно колода карт.

Отчетливо проявлялась также *инерция принудительного труда*, идущего от старой России и востребованная новой властью.

А. Л. Темницкий полагает, что внеэкономическую зависимость рабочих от руководства предприятий можно рассматривать как одну из универсальных традиций в сфере трудовых отношений. Господство зависимого принудительного труда заложено в генезисе российских фабрик и воспроизводилось как под влиянием инерции в трудовой культуре, так и под

воздействием целенаправленной политики Советского государства, связанной с возвышением идеологических форм принуждения к труду над экономическими [7, с. 35].

М. Левин исходит из того, что в СССР государство восстановило традицию царского режима (по крайней мере, до отмены крепостничества в 1861 году) – прикреплять рабочую силу к строго определенному месту [6, с. 129].

В Советском Союзе использование принудительного труда на основе трудовой повинности активно применялось на всех этапах социалистического хозяйствования, за исключением эпохи нэпа, так как усиление внеэкономических форм зависимости в сфере труда всегда давалось властям легче, чем обеспечение принципов его научной организации. Практики же коллективного и контролируемого «сверху» труда были гораздо ближе советским рабочим, чем свободная деятельность с ее гипотетическими возможностями заработать много и вместе с тем в итоге не получить ничего. Много внимания уделялось совершенствованию командования все более увеличивающимся числом рабочих, упрочению трудовой дисциплины, идеологическому воспеванию героев трудового фронта, но не повышению культуры и квалификации работников [7, с. 43–44].

В обществе отчетливо проявлялась также *инерция социокультурного раскола*. А. С. Ахиезер, разрабатывая свой подход к изучению специфики российского общества, стремился коррелировать культурную антропологию и теоретическую социологию. Его преимущественно интересовало культурное содержание социальных процессов, переход культуры – образцов, ценностей, культурных программ – в социальное действие, в деятельность как воплощение культурных смыслов. Концепт социокультурного раскола в итоге обрел отчетливую семантическую и эмпирическую нагрузку.

В своей книге «Россия: критика исторического опыта» определяющим культурно-историческим явлением российской истории Ахиезер предлагает считать именно социокультурный раскол, то есть существование в одном обществе противоположных систем смыслообразования, ценностей и практик, препятствующих процессу рационализации.

Вследствие социокультурного раскола «всплыли» на поверхность социума низшие классы. С ликвидацией прежней социальной структуры строители «новой жизни» пробудили и привели в движение все самое худшее, что есть в человеческой личности, – животные инстинкты и эгоизм [2]. Так, уже в новых условиях заработала сила инерции, когда на «поверхности» общества активно стали проявлять себя люмпены и маргиналы.

Первоначально причиной нравственного вырождения были установки большевистской власти на привлечение простого народа к управлению государством. Партийные, советские, хозяйственные организации, прежде всего ЧК и другие институты террора, а также комбеды в селе стали заполняться людьми, для которых совесть не имела никакого значения. Доносы стали привычным способом продвижения по карьерной лестнице. Селекцию черни Сталин сделал основой кадровой политики, особенно когда дело касалось отбора в его личный аппарат [8].

Следует выделить и инерцию манипулирования массовым сознанием и общественным мнением в императорской России, где ему также придавалось существенное значение, но в СССР это явление начинает играть особую роль. Ресурсами властвующих субъектов становились: «вектор силы», властные и статусные полномочия, «административные ресурсы»; манипулятивные социальные технологии; средства идеологического оболванивания. Важное значение в ходе властного воспроизводства приобретал принцип партийно-вождистской и идеологической преемственности, которая строилась на сложном сочетании (псевдо) династического и (псевдо) сакрального [9].

В основе манипулятивных технологий находилось воздействие на мотивацию людей, их сознание и социальное поведение. Так, в новых социально-политических условиях советского общества все более явно проявлялась инерция прошлого, когда власть ставила человеческую личность в ситуацию полной зависимости и подчиненности, при этом требуя от граждан не просто подчинения, а безграничной преданности.

Выявление тематически-смысловых аспектов инерции прошлого в советском обществе свидетельствует о том, что социальная инер-

ционность проявлялась и через собственно советские феномены. Так, инерция агрессивности и психологии «осажденной крепости» существовала на протяжении всего советского периода, хотя после смерти Сталина и стала несколько сдержанной. Не менее значимой оказалась инерция страха – порождение сталинской тоталитарной системы. Собственно советским явлением можно считать и инерцию «ресурсно-сырьевого проклятия», когда сырьевая экономика почти автоматически воспроизводит ресурсный социум. В советском обществе все более явно проявлялась функциональная значимость инерции прошлого, когда

власть ставила человека в состояние полной зависимости и подчиненности.

Таким образом, вычленение тематически-смысловых аспектов проявления инерции прошлого в советском обществе в контексте социально-философского анализа позволяет прояснить сложные отношения между властью и обществом в условиях тоталитарно-«самодержавного» правления.

Очевидно, что советское бюрократическое государство унаследовало от Российской империи многие институты, тем самым продолжив царскую традицию государственного строительства и управления.

Литература

1. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
2. Афанасьев Ю. Мы – не рабы? // Континент. 2008. № 138.
3. Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры: пер. с англ. М., 2001.
4. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I // Река времен. М., 1995. Кн. 1.
5. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
6. Левин М. Советский век. М., 2008.
7. Темницкий А. Л. Социальные и культурные проявления институтов неэкономической зависимости в сфере труда российских рабочих // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 1.
8. Красин В. Рабы КПСС: антропологическая катастрофа Советского Союза. URL: <http://www.svarozhich.net/new/2010/>.
9. Глебова И. И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007.

Bibliography

1. Geller M. Machine and cogs. The history of Soviet man formation. Moscow, 1994.
2. Afanasyev Yu. We are not slaves? // Continent. 2008. № 138.
3. Billington J. Icon and ax. The experience of Russian culture interpretation: trans. from English. Moscow, 2001.
4. Reports of the Minister of Education S. Uvarov for the Emperor Nicholas I // The River of the times. Moscow, 1995. Book 1.
5. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. History of Russia: the end or the new beginning? 2nd ed., rev. and additional. Moscow, 2008.
6. Levin M. Soviet era. Moscow, 2008.
7. Temnitsky A. L. Social and cultural manifestations of insituts of non-economic dependence in the sphere of labor of Russian workers // Journal of Institutional Research. 2010. Vol. 2. № 1.
8. Krasin V. Slaves of the CPSU: anthropological catastrophe of the Soviet Union. URL: <http://www.svarozhich.net/new/2010/>.
9. Glebova I. I. Images of the past in the structure of Russia's political culture: abstract of dis. ... doctor of politycy. Moscow, 2007.

Касаткин Сергей Николаевич
Kasatkin Sergei Nikolayevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института
ФСИН России кандидат юридических наук.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of FPS of Russia, PhD in Law.
E-mail: kasatka_s@bk.ru.

**ПОНЯТИЕ КОРПОРАЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ
ЛИНГВО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ Г. ХАРТА***

Concept of corporation in perspective of H. Hart's linguistic-analytical methodology

Статья посвящена методологии объяснения понятия корпоративной личности (юридического лица), предложенной в проекте аналитической юриспруденции британского философа и правоведа Г. Харта. Данный подход обсуждается в контексте критики автором традиционных (дескриптивных) определений правовых понятий и вводимой им методологической альтернативы, учитывающей специфику юридического языка. Фиксируется вывод Харта, согласно которому особенности «корпорации» обусловлены не особым описываемым объектом (его реальностью / фиктивностью), а спецификой соответствующего юридического словопользования, его оснований, аналогий, сдвигов значений и пр.

Ключевые слова: корпорация, юридическое лицо, юридический язык, правовые понятия, правоведческое определение, аналитическая юриспруденция, методология юриспруденции.

The article focuses on a methodology of explanation of a concept of corporation (legal entity) proposed in the project of analytical jurisprudence by a British philosopher and jurist, Herbert Hart. This approach is discussed within a context of the author's criticism of traditional (descriptive) definitions of legal concepts and the methodological alternative introduced by him, which takes into account specificity of legal language. Hart's conclusion is fixed, according to which peculiarities of «corporation» are conditioned not by a special described object (its reality or fictitiousness), but by specificity of relevant legal usage, its reasons, analogies, shifts of meaning, etc.

Keywords: corporation, legal entity, legal language, legal concepts, jurisprudential definition, analytical jurisprudence, methodology of jurisprudence.

Одним из элементов философско-правовых воззрений британского мыслителя, профессора Оксфордского университета Г. Харта (1907–1992) выступает его проект аналитической юриспруденции как объяснения базовых правовых понятий (терминов) в контексте философии лингвистического анализа. Настоящая статья обращается к рассмотрению малоизвестной и специфической для отечественной науки правоведческой методологии Харта, а также следующих из нее особенностей объяснения правового понятия корпорации (юридического лица).

Юридический язык и проект аналитической юриспруденции. Итак, в своих очерках 1950-х годов ученый предлагает авторское истолкование различных правовых понятий,

включая категорию «корпоративная личность» (юридическое лицо). Методологической и дисциплинарной основой подобного истолкования выступает его проект аналитической юриспруденции, которая позиционируется автором в качестве философского объяснения базовых понятий (терминов) юридического языка [12, § II; 7, с. 404–423]. Подобный проект выступает синтезом традиционной (позитивистской) аналитической юриспруденции (И. Бентам, Дж. Остин, Г. Кельзен, У. Хофельд и др.) и аналитической лингвистической философии (Л. Витгенштейн, Г. Райл, Дж. Л. Остин и пр.). Харт, по сути, предлагает реформу традиционного правоведения в контексте ключевых идей философского анализа языка [8]. Среди них можно назвать

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Методология анализа юридического языка в работах Герберта Харта: от доктрины аскриптивизма и отменяемости правовых понятий к проекту аналитической юриспруденции», № 16-03-00804.

следующие: центрирование исследований языка, его трактовку как речевой деятельности и системы инструментов, приоритет дискурсивной практики перед абстрактными теоретическими формулами, идею множественности дискурсов («языковых игр») и речевых функций, доктрину значения как употребления, трактовку языка как манифестации мира («формы жизни») и т. п.

С этих позиций в своем объяснении правовых понятий Г. Л. А. Харт отталкивается от реальных речевых практик, стремится охватить их множественность, разнородность, неопределенность и пр., выявить содержащиеся в них смысловые связи и разграничения, а также принять последние в качестве своеобразной точки отсчета для правовой теории и критерия проверки ее положений. Как следствие, Харт акцентирует «аномалии» юридического дискурса (значения и функции его терминов и утверждений), которые, по его мнению, не учитываются традиционной (и господствующей в юриспруденции) логико-дескриптивной философией языка и соответствующим методом определения правовых понятий [14; 13; 4; 12; 10; 6; 7].

В числе подобных особенностей юридического дискурса Харт в разное время называет его неопределенность, открытость, отменяемость, разнородность (логическую неунифицированность) оснований применения его терминов и пр. [14; 13; 12; 8]. Однако ключевой «аномалией» юридического языка, на которой акцентирует внимание автор, выступает его «социальный», нормативно-институциональный характер [7, § 2.5, 3.2]. Философ приходит к выводу, что базовые правовые понятия (термины) не имеют прямых «фактуальных» / эмпирических референтов. Их содержание (значение) определяется сугубо нормативно-институциональным речевым контекстом: практикой их употребления в сообществе (правовой системе) [14; 13]. Типичной формой их употребления выступает не описание, а приписывание, «аскрипция»: действие с помощью правил («оператив»: «Это – ваше») или производство нормативного вывода (нормативная квалификация конкретного случая: «У вас есть право / обязанность», «Он сделал это») [14; 13]. Следовательно, по Харту, юридический язык – это разнородность дискурса, связанного с провозглашением и применением правил [13, с. 376]. Его

сердцевину образуют суждения с точки зрения или посредством принятых норм, то есть «внутренние утверждения» (дискурс «участника» правовой системы), которые, в свою очередь, создают основу для производных суждений о нормах или всей правовой системе, то есть для «внешних утверждений» (дискурса «наблюдателя») [4; 3, гл. 4–5].

В этом контексте Г. Л. А. Харт отказывается от традиционной дефиниции *per genus et differentiam* (через указание рода и видовых отличий) как надлежащего метода объяснения правовых понятий. По мысли философа, такой подход игнорирует нефактуальность юридических терминов и их особую связь с правилами, их роль в производстве юридического вывода. Он вводит в заблуждение, предполагая, что правовые понятия прямо описывают некую вещь или фактическое положение дел, и нацеливая на их обнаружение [13; 4; 12]. В противовес этому Харт вводит собственный метод «философского определения», предлагая объяснять правовые понятия / термины в составе характерных целостных предложений (утверждений) и производя, во-первых, рефлексию и систематизацию оснований «истинности», уместности их употребления, во-вторых, экспликацию их особой, «первичной» речевой функции [13, § II–III]. В этой перспективе философ и формулирует собственное истолкование языка корпораций.

Лингво-аналитическое объяснение правового понятия корпорации. Как отмечает Г. Л. А. Харт, традиционно объяснения корпоративной личности в юриспруденции принимают форму вопроса о ее определении: «Что такое корпорация?» Философ полагает, что данный подход работает с изолированным правовым термином и нацеливает на поиск стоящего за ним, обозначаемого объекта, порождая споры о том, какова природа последнего [13, § I–IV]. Харт указывает на существование в юриспруденции триады базовых учений о ключевых правовых понятиях, усматривающих референты таких понятий в необычных (сложных, будущих или психологических) эмпирических фактах, в вымысле (фикции) или в сверхчувственных объектах [13, с. 372]. Сообразно этому корпорация трактуется здесь либо как собирательное обозначение сложных фактов об обычных людях, либо как имя вымышленного лица, либо же как имя реально-

го, но бестелесного субъекта [13, с. 373–374].

Согласно Г.Л.А. Харту, все подобные правовые теории дефектны в силу их общей приверженности дескриптивной модели (философии) языка, в рамках которой ведется полемика и которая тем самым остается без надлежащего прояснения (критики): «Теории традиционной формы могут дать лишь искаженную трактовку значения выражений, относящихся к корпоративным организациям, поскольку... все они исходят из общего допущения, согласно которому эти выражения должны означать или описывать нечто, и, следуя этому, дают собственные и противоречащие друг другу объяснения его специфичности как сложной, скрытой или вымышленной сущности. Между тем искомая специфика содержится не здесь, а в отличительных чертах выражений, употребляемых в ходе провозглашения и применения правил» [13, с. 396].

Отсюда, по Г. Л. А. Харту, методологическая стратегия философско-правового исследования юридического словаря, в том числе терминологии корпораций, должна состоять не в поиске некоего объективного фактуального референта, независимого от позиции нормативной системы, то есть «языка правил», с последующим заключением о реальности или фиктивности существующей терминологии. (Не должна она состоять и в установлении общего, универсального логического критерия, лежащего в основе «правильного» юридического словоупотребления.) Представляется, что такая стратегия должна быть направлена на реконструкцию, рефлексию и упорядочение реальной речевой практики: на выявление представленной здесь «понятийной семьи» (таксономии) через фиксацию разнородных оснований применения термина и взаимосвязей между ними, а также через демонстрацию специфического способа его употребления.

Сообразно особой – нефактуальной, институционально-нормативной – природе правовых понятий и соответствующему методу их «философского определения» Г. Л. А. Харт подчеркивает необходимость рассмотрения терминологии корпораций в составе целостных типичных утверждений (типа «ООО “А и К” имеет договор с В» или «ООО “Смит и К” должна Уайту 10 фунтов»), а также установления их особой речевой функции, состоящей в производстве юридического вывода. По мысли ав-

тора, утверждения о правах и обязанностях корпораций, предполагая существование правовой системы, имеют особую связь с ее конкретными правилами. Согласно Харту, если спросить: «Почему ООО “А и К” имеет право?», то надлежащий ответ будет включать лишь две составляющие: 1) утверждение о юридических правилах, согласно которым при определенных обстоятельствах наступают определенные юридические следствия; 2) утверждение о том, что в данном случае эти обстоятельства имеют место. При этом, настаивает автор, тот, кто говорит, что «ООО “А и К” имеет право», не *утверждает* наличие соответствующих правил или обстоятельств, но осуществляет на их основании нормативный, юридический вывод [13, с. 376–378]. Вместе с тем далее философ указывает также на возможность описательного употребления юридического словаря как вторичного, или производного [14, § II; 4; § III; 2, § III].

Наряду с общими чертами юридического дискурса для языка корпораций, по Г. Л. А. Харту, характерен и особый, «обобщенный» тип терминологического обозначения и нормативного рассмотрения, предполагающий связь правовых последствий с разнородным набором обстоятельств. Автор пишет: «В любой [нормативной] системе... правила могут связывать тождественные следствия с любой совокупностью весьма различных фактов. Правило крикета связывает одно и то же следствие [т. е. “выбывание из игры”] с ситуациями, когда калитка сбивается мячом при подаче или ее защитником после попадания к нему мяча, либо когда отбитый бьющим мяч пойман до удара о землю. И выражение “вне игры” [слово *out*] употребляется при принятии решения или заявлении претензии в соответствии с данным правилом, а также в других случаях его словесного применения. Здесь легко увидеть, что ни один из этих различных способов выбывания из игры не составляет значение данного выражения [*out*] в существенно большей степени, чем другие, хотя между ними и *может* быть некоторое сходство или аналогия» [13, с. 379–380]. Однако, продолжает философ, сложнее увидеть это в тех важных случаях, где «правила рассматривают *последовательность* различных действий или положений дел объединяющим их способом» [13, с. 380]. Так, в игре правило может связывать единичное следствие с

последовательными действиями множества различных людей («Команда выиграла игру») или обязать действовать в одной точке последовательности в зависимости от более ранних обстоятельств, причем безотносительно к личности ее участников (штраф команде с уже изменившимся составом за более ранние нарушения). Во всех этих случаях «единство последовательности действия или положений дел обусловлено лишь подпаданием под определенные правила; в остальном они *могут* быть сколь угодно различными» [13, с. 380–381]. Согласно Харту, здесь и обнаруживаются существенные элементы языка юридических корпораций, так как «в праве жизни десяти человек... могут регулироваться разрозненными правилами, на основании которых у них будут различные права и обязанности, и тогда для права они будут выступать собранием индивидов. Но их действия могут подпадать и под правила другого рода, ставящие то, что должно быть сделано всяким или большинством из них, в сложную зависимость от того, что было сделано или случилось ранее. И тогда о связанной так последовательности мы можем говорить [объединяющим образом]... употребляя терминологию (подобную терминологии права корпораций), которая продемонстрирует, что к данным фактам мы применяем именно *этот* тип правила. Но когда в такой ситуации мы попытаемся дать определение этой терминологии, единство правила может ввести нас в заблуждение... побуждая... [вместо поиска основания тождественности словоупотребления] разыскивать тождественную, продолжающуюся *в рамках* этой последовательности вещь, лицо или качество» [13, с. 381].

С этих позиций Г. Л. А. Харт формулирует альтернативный методологический подход к объяснению языка корпораций: «Чтобы объяснить, что такое общество с ограниченной ответственностью, нам нужно обратиться к соответствующим юридическим правилам, определяющим условия, при которых характерное для него предложение, как, например, “ООО «Смит и К°» должна Уайту 10 фунтов”, истинно. Затем мы должны показать, каким образом наименование общества с ограниченной ответственностью действует в качестве элемента юридического вывода, используемого для того, чтобы применять и особые правила права корпораций, и правила, которые пер-

воначально были выработаны для индивидов (такие как предписания договорного права)... [При этом] здесь будет нужно подчеркнуть, что при особых условиях, определенных специальными нормами, иные правила применяются к поведению индивидов в корне отличным, хотя все еще схожим, образом по сравнению с тем, как эти же положения применяются к индивидам в отсутствие таких особых условий... [Здесь] мы имеем дело не с аномальными или вымышленными сущностями [как считают традиционные теории юридических лиц], а с новым или расширенным, хотя и аналогичным, употреблением юридических правил и связанных с ними выражений» [13, с. 392].

В свете сказанного Г. Л. А. Харт дает следующую версию философского определения корпорации на примере названия вымышленного государства Нусквамии: «Чтобы объяснить интересующее нас слово, мы должны... взять целостное утверждение “Нусквамия должна вам 1000 фунтов” и описать его употребление, возможно, следующим образом:

1. Здесь, на территории Нусквамии, есть действующая правовая система. По законам этой системы определенные лица при соблюдении определенных условий и для определенных целей уполномочены получать денежные суммы и осуществлять иные действия, аналогичные тем, которые требуются для заключения договора займа между частными субъектами.

2. Когда такие уполномоченные лица совершают подобные действия, наступают определенные последствия, аналогичные тем, которые связываются со схожими действиями частных лиц, включая обязанность предусмотренных правом субъектов вернуть денежные суммы из установленных правом источников.

3. Выражение “Нусквамия должна вам 1000 фунтов” не является утверждением о существовании данных правил или... обстоятельств, но оно истинно в конкретном случае, когда они имеют место, и употребляется при производстве юридического вывода на основании этих правил в конкретном случае» [13, с. 391].

Изложенный способ объяснения, по Г. Л. А. Харту, имеет преимущество перед традиционными подходами. Он, с одной стороны, устраняет ряд заблуждений и сложностей аналитического правоведения (включая его жесткую зависимость от спекулятивной

метафизики [13, § I]), юридической доктрины и практики, с другой – обеспечивает обсуждение подлинных практических проблем (например, судебной аргументации) и более непосредственную работу юриспруденции со своим материалом: «Если мы отложим в сторону вопрос: “Что такое корпорация?” и вместо этого спросим: “При каких типах условий право приписывает обязанности корпорациям?”, это... прояснит действительную работу правовой системы и с точностью выявит вопросы, стоящие на карте, когда судьи... распространяют правила, выработанные для индивидов, на корпоративные организации» [13, с. 397].

Иллюстрируя сказанное, Г. Л. А. Харт обращается к двум трактовкам вопроса об ответственности корпораций за преступления с *mens rea*, иначе говоря, двум способам истолкования слова «мочь» в вопросе: «Может ли общество с ограниченной ответственностью совершить преступление, включающее знание и намерение (например, обман)?» Объясняющий способ, согласно философу, заключается в анализе юридических оснований и препятствий для распространения действия существующих правил на новую сферу отношений, то есть допустимости применения к корпорациям того или иного типа аналогии с индивидом с точки зрения правовой системы. «В какой мере... [конкретный] источник аналогии может или должен быть использован, является... дискуссионным правовым вопросом, но важно понимать, что именно в этом юридическом, а не в некотором логическом, вопросе и состоит отличительная особенность данной проблематики... а также сила слова “мочь” в вопросе: “Может ли компания быть ответственна за преступление, включающее... обман?”» [13, с. 397–398]. Вводящий же в замешательство способ состоит в том, чтобы «дать определения компании и вывести из них ответы на поставленный вопрос. “Компания – это простая абстракция, вымысел, метафизическая сущность”. “Компания не обладает сознанием и, следовательно, не может... [совершать преступление с *mens rea*]”. Подобные утверждения, по Харту, запугивают дело, поскольку они выглядят как вечные истины о природе корпораций, данные нам определениями... [и создают] впечатление, будто все правовые утверждения о корпорациях *должны* согласовываться с этими положениями во избежание логических про-

тиворечий. Поэтому кажется, что есть нечто по ту сторону и выше аналогий... [используемых] для применения к корпорациям правил, выработанных для индивидов, и что это нечто ограничивает или регулирует подобное применение» [13, с. 398–399].

Критика теорий корпоративной личности. В контексте предложенного подхода Г. Л. А. Харт разбирает философско-методологические ограничения имеющейся «триады» теорий корпоративной личности.

Первой из них является *теория «сокращений»* или *«собираемых имен»*, согласно которой утверждения, обозначающие корпорации, суть скрытые обобщения или сокращения утверждений о правах и обязанностях индивидов (и таким образом сводимы к последним). По Харту, базовая ошибка этих теорий состоит в «поиске парафразы или перевода в другие термины утверждений, обозначающих корпорации, вместо определения условий, при которых такие высказывания истинны, и того способа, которым они употребляются» [13, с. 393]. Такой парафраз – даже в случае признания специфики и сложности таких высказываний, как «ООО “Смит и К^о” имеет договор с У», и указания на правовые последствия для связанных с корпорацией индивидов – не может передать силу и значение первоначального утверждения. С одной стороны, он дает слишком мало, поскольку не указывает на функцию преобразуемого оригинала (производство юридического вывода на основании специальных правил, относящихся к компаниям, и правил, распространенных на данный случай по аналогии с индивидами), с другой – он дает слишком много, рассеивая единство оригинала и заменяя его утверждением о несметном числе юридических прав, обязанностей и т. п. многочисленных индивидов, о которых мы не думали или не могли думать, используя первоначальное утверждение [13, с. 393–395].

Вторая разбираемая автором *реалистическая теория* заявляет, что за именами корпораций стоят реальные социальные общности, организованные группы. Критикуя такую позицию, Г. Л. А. Харт указывает на необходимость различать юридическую и «моральную» личность таких общностей – последняя как раз и сбивает с толку: «Такие группы существуют независимо от юридических правил (в утверждении этого факта как раз и состоит один вво-

дящий в замешательство смысл “нефигции”)... и мы склонны задаваться... [вопросом “Что есть любое объединение или организованная группа?”]» [13, с. 396]. Однако, возражает автор, исследуя юридическую личность корпорации, нам следует «заменить эту вечно ставящую в тупик форму вопроса следующей: “При каких условиях мы говорим об определенном количестве и последовательности людей как о простой совокупности индивидов, а при каких условиях мы, наоборот, используем объединяющие фразы, распространенные на данный случай по аналогии с индивидами?”... [Тогда] мы прекратим говорить о групповой личности... как если бы она была единым качеством или набором качеств. Ибо мы обнаружим, что есть множество совершенно различных (психологических или других) условий [с разной правовой или политической значимостью], при которых мы изыскиваемся таким обобщающим личностным образом» [13, с. 396–397].

Наконец, согласно третьей рассматриваемой Г. Л. А. Хартом теории – *теории фикции* – корпорации суть вымышленные сущности. По мысли автора, характерный порок таких теорий состоит «в сокрытии того, что, когда к компаниям применяются как слова, обычно используемые по отношению к индивидам, так и сопряженная с этим аналогия, с указанным применением связаны существенное расхождение в способе, которым здесь употребляются подобные выражения, и соответствующий сдвиг в значении» [13, с. 399]. Между тем, подчеркивает автор, «когда мы говорим “X является служащим Y и K°”, факты, которые оправдывают использование слов “X является служащим”, не *просто* те же самые, что и факты, подкрепляющие утверждение “Смит является служащим Брауна”... Любые слова или фразы, соединяясь с названиями корпораций, приобретают особое юридическое употребление, ибо в подобных случаях... [они] соотносятся с фактами не только посредством правил обыденного... языка, но и посредством норм... права... [Однако, говоря о фиктивности языка корпораций] мы предполагаем, что [здесь, как в романах, мы] используем слова в их обычном смысле и просто делаем вид, что существует нечто, к чему они применяются» [13, с. 399–400]. Таким образом, по Харту, теория фикции также препятствует уяснению специфики юридического языка: «Ана-

логия с живым человеком и сдвиг значения составляют... существо того способа юридического утверждения, который касается корпоративных организаций. Но корпорации суть лишь то, чем они являются. Аналогия не есть тождество, а потому, хотя теперь мы и можем (как юристы) говорить, что компания намеревалась совершить обман, это не имеет теоретических следствий. И сдвиг в значении не является фикцией, так что потребность в логической согласованности с неуместным понятием чистой Воли, созданной правом, не следует добавлять к тем трудностям, с которыми сталкиваются судьи... [в прецедентной системе, обязанные] решать, насколько аналогии, скрытые в праве, позволяют им распространять на корпорации правила, выработанные для индивидов, когда, как кажется, этого требует правосудие» [13, с. 401].

В заключение отметим, что предлагаемый Хартом метод объяснения правовых понятий обладает спецификой по отношению к традиционной юриспруденции, центрируя философско-аналитическую проблематику юридического языка, особенности значения и «силы» его дискурсивного аппарата, в том числе особый способ рассуждения о корпорациях, присущие ему аналогии, сдвиги значения и пр. Такой подход не направлен на прямое решение вопросов юридической догмы и практики (на «технические определения»), обсуждение их ценностных и нормативно-доктринальных аспектов [11; 1], их взаимосвязей с достижениями социальных наук [5] и т. п.

Однако философ признает границы своей методологии, ее комплементарность иным теоретическим подходам [12; 2, § III], подчеркивая при этом важность ее особого предмета и инструментария, ее роли в прояснении понятийного каркаса правовой мысли, в формировании концептуальных основ обсуждения частных и практико-ориентированных проблем права [12, § II; 3, введение, гл. 1]. В духе идей философско-лингвистического анализа Харт стремится устранить ряд традиционных ошибок, обусловленных непроясненностью в применении юридического языка, жесткой зависимостью от спекулятивно-метафизических и логико-дескриптивных определений и т. п., предлагая более надежный базис для правовой теории и четкие ориентиры для юридической (судебной) аргументации.

Литература

1. Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of political philosophy // Oxford journal of legal studies. 2004. Vol. 24.
2. Hart H. L. A. Essays in jurisprudence and philosophy. Oxford, 1983.
3. Hart H. L. A. The Concept of law. 2nd ed. with Hart's Postscript. Oxford, 1994.
4. Hart H. L. A. Theory and definition in jurisprudence // The aristotelian society. 1955. Suppl. Vol. 29.
5. Боденхаймер Е. Современная аналитическая юриспруденция и границы ее полезности // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М., 2017.
6. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск, 2016.
7. Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014.
8. Касаткин С. Н. Концепция юридического языка Герберта Харта: опыт реконструкции // Философия права. 2016. № 5.
9. Касаткин С. Н. Правосубъектность как категория: практика юридического языка // Вопросы экономики и права. 2009. № 9.
10. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск, 2016.
11. Фуллер Л. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Правоведение. 2005. № 6.
12. Харт Г. Л. А. Аналитическая юриспруденция в середине двадцатого века: ответ профессору Боденхаймеру // Философия и язык права. М., 2017.
13. Харт Г. Л. А. Определение и теория в юриспруденции // Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014.

Bibliography

1. Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of political philosophy // Oxford journal of legal studies. 2004. Vol. 24.
2. Hart H. L. A. Essays in jurisprudence and philosophy. Oxford, 1983.
3. Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. with Hart's Postscript. Oxford, 1994.
4. Hart H. L. A. Theory and definition in jurisprudence // The aristotelian society. 1955. Suppl. Vol. 29.
5. Bodenhaimer E. Modern analytical jurisprudence and the limits of its usefulness // Hart G. L. A. Philosophy and language of law. Moscow, 2017.
6. Didikin A. B. Analytical philosophy of law: origins, genesis and structure. Tomsk, 2016.
7. Kasatkin S. N. How to define social concepts? Herbert Hart's conception of ascriptivism and defeasibility of legal language. Samara, 2014.
8. Kasatkin S. N. Herbert Hart's conception of legal language: an attempt of reconstruction // Philosophy of law. 2016. № 5.
9. Kasatkin S. N. Legal personality as a category: a practice of legal language // Issues of economics and law. 2009. № 9.
10. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A. Analytical philosophy, legal language and philosophy of law. Tomsk, 2014.
11. Fuller L. Positivism and fidelity to law: a reply to professor Hart // Jurisprudence. 2005. № 6.
12. Hart G. L. A. Analytical jurisprudence in mid-twentieth century: a reply to professor Bodenhaimer // Philosophy and language of law. Moscow, 2017.
13. Hart G. L. A. Definition and theory in jurisprudence // Kasatkin S. N. How to define social concepts? Herbert Hart's conception of ascriptivism and defeasibility of legal language. Samara, 2014.

Клочков Виктор Викторович
Klochkov Victor Victorovich

заведующий кафедрой теории права Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета кандидат исторических наук, доцент.

Head, Department of Theory of Law, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: vvklochkov@sfedu.ru

**ТРАДИЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ
МОДЕЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ**

**Tradition and social order: explanation models and contemporary approaches
towards the research**

В статье рассматривается теория модернизации во взаимосвязи с проблемой социальной традиции, исследуется ее роль и значение в эволюции социальных порядков. Анализируются теория элит Р. Лакмана и концепция социальных порядков Д. Нортона и Дж. Уоллиса. Обосновывается значение «рациональной теории традиции» М. Оукиотта для исследований подобного рода.

Ключевые слова: теория социальной эволюции, политические и социальные институты, теория модернизации, теория традиции, теория элит, теория социальных порядков, «рациональная теория традиции».

The theory of social modernization has been revealed in the article as well as the problem social tradition, the role and significance of the social tradition in the evolution of the social order is examined. A kind of special attention is given to the analysis of the Richard Lachman's elite theory and Douglas North and John Wallace's theory of social order. The significance of Michael Oakshott's «rational theory of tradition» to such kind of research is also examined.

Keywords: theory of social evolution, political and social institutions, theory of social modernization, theory of tradition, elite theory, theory of social order, «rational theory of tradition».

Изучение характера и направленности социально-политических изменений является одной из ключевых проблем гуманитарного знания. Известный французский анналист Ж. ле Гофф однажды заметил, что исследователь «всегда предпочитает человеческие существа абстракциям, но не в состоянии понять их иначе, чем в рамках тех социальных и политических систем, в которых они жили» [1, с. 203]. Попытка осмысления социально-политических трансформаций в различные исторические эпохи породила множество объяснительных моделей, одной из которых стала теория модернизации.

Теоретическая концептуализация модернизации как интеллектуальной парадигмы является продуктом относительно недавнего прошлого. Современный российский политолог С. Н. Гавров отмечает, что модернизация есть максимальное выражение идеологии прогресса, которая доминировала в общественном сознании до середины XX века [2, с. 186]. В этом отношении модернизация, выступая од-

ной из объяснительных моделей трансформации общества, может быть описана как составная часть всякого развития и соотноситься с последним, как общее с частным.

В то же время она понимается как совокупность экономических, демографических, психологических и политических изменений, претерпеваемых традиционным обществом в процессе его трансформации [3, с. 23]. Очевидно, что такое осмысление характера общественных изменений требует от исследователя внимания не только к объяснительной модели, но и к эмпирическим данным, так или иначе дающим возможность показать, какие качественные характеристики общества и насколько претерпевают изменения здесь и сейчас. При этом основополагающей категорией анализа выступает понятие современности как некой проблемной ситуации, в которой оказывается общество вследствие размывания или распада системы отношений и ценностей, обеспечивавшей легитимацию социальных порядков и осмысление общей картины мира

у членов этого общества [4, с. 587]. Таким образом, модернизация может быть представлена как дефиниция, используемая для характеристики процесса социальных изменений, посредством которого менее развитые общества обретают черты и характеристики высоко развитых.

Получив широкое распространение в качестве объяснительной модели в 60-е годы прошлого века, теория модернизации быстро обнаружила существенные недостатки. Главным из них являлось рассмотрение политической традиции как препятствия на пути модернизации, консервирующего социальную «отсталость» и затрудняющего институциональные реформы [5, р. 124]. Поэтому в 70–80-е годы XX столетия происходит серьезная переоценка места и роли традиции в модернизационном процессе. Исследователи приходят к выводу, что традиция (особенно это касается права) должна анализироваться с конкретно-исторической точки зрения, поскольку в различном историческом контексте традиционные структуры ведут себя по-разному: как препятствуя, так и способствуя процессу модернизации. Этому аспекту модернизационной теории посвящены многочисленные работы основоположника социологической школы в модернизационной теории Ш. Эйзенштадта. Ему же принадлежит идея о том, что в ходе успешной модернизации общества традиция не разрушается, но определенным образом преобразуется, что дает основание говорить о появлении посттрадиционного общества [6, р. 216].

Такое понимание роли традиции в трансформации общества способствовало переосмыслению форм и способов социальных изменений. Так, социальная революция, рассматриваемая марксизмом как ключевая форма трансформации традиционного общества в общество современного типа, разрушает институциональную его структуру. В свою очередь, институты имеют ценность только, когда существует поддерживающая их социальная традиция. Подобное развитие событий не является побочным эффектом революции, напротив, оно типично для результатов революционного процесса [7, с. 568–569].

Таким образом, к началу XXI столетия получила теоретическое осмысление роль традиции в модернизационном процессе. Исследователи пришли к выводу о том, что

связь, которая соединяет общество с его прошлым, никогда не может исчезнуть полностью. Она наследуется благодаря самой природе общества и составляет основу традиции [8, р. 326]. Более того, по справедливому замечанию Э. Хобсбаума, традиция в определенной степени может конструироваться, чтобы обеспечить легитимность политических действий, в том числе самого радикального характера, способствовать легитимации институтов и личного авторитета [9, р. 9]. Последствия таких действий по конструированию определенной образа традиции могут оказаться более чем реальными.

Такое понимание традиции существенным образом повлияло на модификацию исследовательской повестки при изучении политических институтов различных обществ, переживающих процесс модернизации. Основное внимание исследователей постепенно переключилось с анализа революционных изменений на изучение места и роли традиционных политических институтов в процессе модернизации, а также на определение круга тех общественных институтов, которые самым непосредственным образом обеспечивают трансляцию политической традиции в ходе модернизации общества. Акцент исследования смещается с прогнозирования социально-политических изменений в сторону выявления ненамеренных социальных последствий интенциональных действий акторов исторического процесса.

При этом следует понимать, что социальные целостности, такие как политические элиты или классы, являются не эмпирическими объектами, а конструктами распространенных общественных теорий и объяснительных моделей, одной из которых также выступает теория модернизации. Эти конструкты относятся к некоторым идеальным объектам, существование которых зависит от теоретических допущений. Поэтому теория модернизации в ее современном варианте исходит из того, что социальные феномены следует анализировать с помощью терминов, характеризующих индивидов, их действия и отношения между ними.

Примерами прикладных теорий, изучающих социальную структуру общества, переживающего модернизационные изменения во взаимосвязи с процессом становления институ-

тов современного государства, являются теория конфликта элит Р. Лахмана и концепция социальных порядков ограниченного и открытого доступа, предложенная Д. Нортгом и Дж. Уоллисом. Обе теории примечательны тем, что описывают и анализируют социальные конструкты при помощи терминологического словаря, тесно связанного с действиями индивидуальных акторов исторического процесса.

Теория конфликта элит, предложенная Р. Лахманом в качестве объяснительной модели взаимодействия различных социальных групп в процессе трансформации политических институтов, исходит из предположения о возможности определения комплекса причинно-следственных связей, благодаря которым акторы исторического процесса преобразуют социальную структуру, создавая дальнейшие стратегические возможности для изменения институтов власти и политического участия. Основная идея Р. Лахмана заключается в том, что «цепочки случайных изменений» начинаются с элит, а не классов или отдельных индивидов. Именно конфликт элит, по мнению Р. Лахмана, приводит в движение и задает направление институциональной трансформации системы политических связей и институтов, результатом чего является в том числе изменение политической формы государства [10, с. 31].

Элиты Р. Лахман определяет как группы лиц, обладающих политической властью и возможностью присваивать ресурсы неэлит и входящих в обособленный организационный аппарат. Элита сама по себе определяется характеристиками того организационного аппарата, в который она входит. Общество состоит из нескольких соперничающих элит. Суть этого соперничества заключается в стремлении каждой отдельной элиты к защите и расширению автономии и власти. Социальные и политические изменения производятся элитами, действующими для себя, путем использования политических институтов того организационного аппарата (государства), в который она входит.

Таким образом, теория конфликта элит предполагает четко выявляемую на эмпирическом материале причинно-следственную связь между конфликтом и последующими институциональными и структурными трансформациями. Элиты способны быстрее реагировать

на социальные изменения, чем классы, потому что располагают возможностью распространять свою автономию на средства организации для изъятия ресурсов у производящих классов. Иначе говоря, элита является более гибким элементом социальной структуры и определяется не в последнюю очередь своей способностью упреждать те изменения в производственных отношениях, которые угрожают ее автономии.

Концепция социальных порядков ограниченного и открытого доступа, предложенная Д. Нортгом и Дж. Уоллисом, исходит из допущения о том, что социальная организация зависит от тех способов, которыми общество решает проблему ограничения насилия. В соответствии с этим критерием авторы выделяют три формы социальной организации, отличные друг от друга способами и формами легитимного применения насилия [11, с. 39].

Исторически первым был примитивный социальный порядок, существовавший в обществах охотников и собирателей до появления производящего хозяйства. Второй тип социальной организации описывается авторами как порядок ограниченного доступа, или естественное государство, основу которого составляли личные отношения между властными индивидами. Кроме того, специфической чертой социального порядка ограниченного доступа является то обстоятельство, что естественные государства ограничивают доступ индивидов к властным корпорациям и контролируют способность индивидов создавать организации, независимые от государства. Третий тип социальной организации, именуемый порядком открытого доступа, возникает в конце XVIII – первой половине XIX века и характеризуется наличием безличных категорий индивидов (граждан), которые взаимодействуют друг с другом на обширном пространстве разнообразных социальных практик. При этом нет необходимости иметь представление об индивидуальной идентичности партнеров, а сама идентичность определяется как набор безличных характеристик. Возможность формировать организации, пользующиеся широкой общественной поддержкой, предоставляется всем, кто соответствует минимальным безличным критериям. Доступ к организациям при таком типе социальной регуляции свободен и формален.

Д. Норт и Дж. Уоллис подчеркивают, что переход от естественного государства к порядкам открытого доступа представляет собой вторую (после неолитической) социальную революцию, рождение общества современного типа. Переход же влечет серию перемен в политической сфере, которые обеспечивают большую степень участия граждан и гарантируют безличные политические права. В процессе перехода возникают новые, более прозрачные и подконтрольные обществу политические институты, структурирующие процесс принятия решений и обеспечивающие правовую поддержку более широкого круга организационных форм, включая политические партии, общественные и экономические организации.

Заметим, что переход от естественного государства к порядкам открытого доступа в концепции Д. Норты и Дж. Уоллиса имеет явное сходство с переходом от традиционного общества к современности в классической теории модернизации. Однако имеются и существенные различия. Во-первых, указывается, что ключевой для данной объяснительной модели является проблема того, каким образом естественные государства осуществляют переход к обществам открытого доступа. Переход начинается в естественном государстве и должен быть совместим с его логикой. Объяснить переход в этом отношении – значит показать, как в естественном государстве возникают условия, ставящие элиты в положение, когда в их интересах перейти к безличным соглашениям. Во-вторых, Д. Норт и Дж. Уоллис определяют ряд пороговых условий для осуществления перехода, среди которых важное значение имеют верховенство права для элит, а также наличие постоянно существующих форм общественных и частных организаций, включая само государство. И здесь важно осознать, в силу каких причин и условий элиты преобразуют свои уникальные привилегии в безличные права, принадлежащие им в равной степени. Кроме того, следует обратить внимание на то, что Д. Норт и Дж. Уоллис используют в своей объяснительной модели терминологический словарь. Позиция авторов в отношении элит в обществах ограниченного доступа перекликается с теорией конфликта элит Р. Лахмана и заставляет обратить особое внимание на то, каким образом и в каких формах политическая

традиция способствует переходу к социальной организации открытого доступа.

Объяснительные модели Р. Лахмана и Д. Норты оказываются весьма продуктивными в том отношении, что позволяют значительно изменить исследовательскую повестку при изучении исторической эволюции политических институтов в координатах «традиция – модернизация». Они со всей очевидностью показывают, что роль традиции в обществе, переживающем процесс модернизации, зачастую недооценивается и требует более детального осмысления. Данные объяснительные модели заставляют исследователей обратить внимание на то, какие общественные институты и в каком отношении обеспечивают трансляцию политической традиции в период модернизации. При изучении революционных процессов очень важным становится выявление ненамеренных социальных последствий интенциональных действий акторов исторического процесса, а также способов легитимации политических действий с точки зрения традиции. Кроме того, анализируя социальные целостности с помощью терминов, Р. Лахман, Д. Норт и Дж. Уоллис наглядно показывают, что элиты и классы являются конструктами объяснительных моделей, само существование которых зависит от теоретических допущений. Что же касается эволюции форм государства, то изучению подвергаются в первую очередь те институты и факторы, которые сделали возможным переход от базисного естественного государства к зрелому и далее к порядкам открытого доступа. Анализ особенностей политической традиции также имеет здесь первостепенное значение.

Подводя итоги, можно выделить два существующих в настоящее время подхода к объяснению того, что представляет собой социальная традиция. Исторически первым был взгляд на проблему, который можно с известной долей условности назвать антирационалистическим. Его характерной особенностью является некритическое принятие традиции. Антирационалисты склонны считать, что традицию нужно понимать как нечто данное. Ее можно осознать, но нельзя рационализировать. Такого взгляда, в частности, придерживался Э. Берк, автор знаменитых «Размышлений о революции во Франции». Именно он

ввел в научный оборот термин «традиция» [12, с. 209].

Противоположных взглядов придерживаются сторонники рационального подхода к социальной реальности. Рационалисты не склонны считаться с традицией, поскольку стремятся оценивать вещи и институты объективно и независимо от сознания людей, которые жили до этого. Но все не так просто, ибо, заявляя подобное, рационалист сам попадает в плен рационалистической традиции. Постепенно стало очевидно, что проблема традиции почти всегда связана с антирационалистской реакцией. На этот аспект проблемы обратил внимание М. Оукшотт [13, с. 59–60].

Выходом из ситуации могла бы стать позиция, которую К. Поппер некогда остроумно назвал «рациональной теорией традиции». Ее суть состоит в том, что критическое приятие, изменение или отвержение традиции может произойти только путем ее должного осознания. Уничтожить традицию нельзя, можно лишь перейти к новой. Мы освобождаемся от запретов традиции, если осмысливаем ее, пытаемся принять ее или отвергнуть. Теория традиции является социологической, поскольку традиция представляет собой социальное явление. Его главная аксиома – никогда ничего не происходит так, как замышлялось, поскольку огромное значение имеют ненамеренные следствия социальных действий индивидов и социальных групп [12, с. 212].

Базовые проблемы рациональной теории традиции могут быть описаны следующим образом:

- 1) как она сохраняется в качестве следствия человеческих действий, если последние ненамеренны;
- 2) какова функция традиции в социальной жизни.

Очевидно, что мы не смогли бы жить в социальном мире, если бы он не содержал множества регламентаций (яркий пример – парламентская процедура). Они важны именно как способ организации и функционируют в каче-

стве традиции независимо от того, будут ли они рациональными, необходимыми или т. п. По-видимому, создание традиций аналогично той роли, которую в науке играет создание теорий. Социальные теории являются инструментами, посредством которых вносится некоторый порядок в процессе осмысления социальной жизни. То же справедливо и в отношении традиции. Рационалисты настаивают на принципиальной возможности для индивида действовать рационально. Однако это невозможно, если не сформировано представление о том, какой будет реакция на действия. Рациональное действие предполагает наличие внешней системы, реагирующей предсказуемо хотя бы отчасти.

Главная разновидность этой внешней среды – политические и социальные институты, тесно связанные с традицией. Институты, как и традиции, следует анализировать в терминах индивидуальных личностей, их связей и действий, позиций и убеждений. Об институтах речь идет в том случае, когда некая (изменяющаяся) группа индивидов следит за соблюдением определенного множества норм или выполняет очевидные социальные функции. О традициях – когда необходимо описать единообразие человеческих позиций, форм поведения, ценностей или вкусов. Традиции, таким образом, более тесно связаны с личностями, чем учреждения. Последние могут быть амбивалентны, то есть действовать прямо противоположно по отношению к своим очевидным функциям. Происходит так потому, что учреждения контролируются людьми (способными ошибаться) и другими учреждениями (также способными на это). Традиция в этом смысле – связующее звено между личностями и обезличенными учреждениями. Именно она способна сохранять и распространять позицию ее основателя или носителя далеко за пределы его личной жизни. Очевидно, что в этом и заключается главный смысл рационального отношения к традиции.

Литература

1. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
2. Гавров С. Н. Модернизация во имя Империи. М., 2004.

Bibliography

1. Le Goffe J. The Civilization of the Medieval West. Moscow, 1992.
2. Gavrov S. N. Modernization for the Sake of the Empire. Moscow, 2004.

-
-
3. Шевелев В. Н. Россия: от модернизации к трансформации. Ростов н/Д, 2008.
 4. Капустин Б. Г. Современность // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3.
 5. Marshall T. H. Class, Citizenship and Social Development. N.-Y., 1964.
 6. Eisenstadt S. N. Post-Traditional Societies and the Continuity and Reconstruction of Tradition // Post-Traditional Societies / ed. by S. N. Eisenstadt. N.-Y., 1972.
 7. Поппер К. Предсказание и пророчество в социальных науках // Предположения и опровержения. М., 2004.
 8. Shils E. Tradition. Chicago, 1981.
 9. Hobsbaum E. The Invention of Tradition. Cambridge, 1985.
 10. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010.
 11. Норт Д., Уоллис Дж. Насилие и социальные порядки. М., 2011.
 12. Поппер К. На пути к рациональной теории традиции // Предположения и опровержения. М., 2004.
 13. Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays. L., 1962.
3. Shevelev V. N. Russia: from the Modernization to Transformation. Rostov-on-Don, 2008.
 4. Kapustin B. G. Modernity // New Philosophical Encyclopedia. Moscow, 2001. Vol. 3.
 5. Marshall T. H. Class, Citizenship and Social Development. N.-Y., 1964.
 6. Eisenstadt S. N. Post-Traditional Societies and the Continuity and Reconstruction of Tradition // Post-Traditional Societies / ed. by S. N. Eisenstadt. N.-Y., 1972.
 7. Popper K. Prediction and Prophecy in Social Sciences // Conjectures and refutations. Moscow, 2004.
 8. Shils E. Tradition. Chicago, 1981.
 9. Hobsbaum E. The Invention of Tradition. Cambridge, 1985.
 10. Lachman R. Capitalists in spite of themselves. The elite conflict and economic transitions in Early Modern Europe. Moscow, 2010.
 11. North D., Wallace J. Violence and social Orders. Moscow, 2011.
 12. Popper K. On the way to the rational theory of tradition // Conjectures and refutations. Moscow, 2004.
 13. Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays. London, 1962.

Атаев Рашид Алиевич
Ataev Rashid Alievich

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России
кандидат исторических наук.

Head, Department of Tactical and Special Training, Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in History.
Тел.: 8 (928) 75-77-474.

Шанько Виктор Викторович
Shanko Victor Victorovich

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института
МВД России кандидат педагогических наук.

Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogical.
Тел.: 8 (909) 44-58-909.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Problematic issues of the use and application of methods of general theory of law in legal practice

Статья посвящена актуальным проблемам применения методов общей теории права в юридической практике. Авторы отмечают, что данные методы находят свою конкретизацию и развитие в частных методах познания, а также в методиках, которые используются в практической деятельности.

Ключевые слова: специальные методы, юридическая практика, частные методы, общие методы, общая теория права, философская материя.

Article is devoted to current problems of application of methods of the general theory of the right in legal practice. Authors note that these methods find the specification and development in private methods of knowledge and also in techniques which are used in practical activities.

Keywords: special methods, legal practice, private methods, general methods, general theory of law, philosophical matter.

Рассматривая проблемные вопросы использования и применения методов общей теории права в юридической практике, можно убедиться в том, что у авторов нет единого мнения о решении данного вопроса, а именно целого ряда методологических проблем общей теории права. Так, одним из основных аспектов полемики между исследователями является использование и применение методов общей теории права в юридической практике.

Безотносительно к конкретной отрасли знаний метод представляет собой совокупность приемов или способов изучения реальной действительности и получения о ней объективных знаний. В свою очередь, совокупность методов научного познания действительности формирует методологию исследования.

Под методологией теории права понимается система особых приемов, принципов и способов изучения общих закономерностей возникновения, становления и развития правовых явлений.

Общей теории права свойственно наличие не одного отдельно взятого приема, принципа или способа исследования права, а их системы, совокупности. Многие из них достаточно широко используются и в других науках. В первую очередь это касается принципов исследования правовой и иной материи, а также философских подходов.

Разумеется, общую теорию права можно изучать различных философских, мировоззренческих и идеологических позиций. Это понятно и естественно.

Однако необходимо отметить, что политическое и идеологическое «многообразие»,

различные философские и мировоззренческие позиции и подходы к изучению права вовсе не исключают, а, наоборот, всячески предполагают получение объективных знаний, полноценной научной информации об исследуемой материи, используя определенный перечень принципов и приемов, одинаковых для всех наук, среди которых следует выделить:

– принцип всесторонности исследования права. Основной смысл его заключается в том, чтобы изучать правовые явления не сами по себе, как они есть, а в их взаимосвязи и взаимодействии друг с другом. Полнота и всесторонность исследования предполагают также рассмотрение права с различных позиций, формирующих общее представление о нем;

– исторический принцип в исследовании права, позволяющий рассматривать существующие правовые явления не только с точки зрения их состояния, но и с позиций их прошлого и предполагаемого будущего;

– принцип комплексности в изучении права. Суть его заключается в том, чтобы исследовать правовые явления не только с юридической точки зрения, но и с позиций других наук: философии, социологии, политологии, так как это позволяет рассматривать все составные стороны и элементы права не только в статике, но и в динамике.

Необходимым при этом становится использование в процессе познания правовых явлений как юридических категорий («право», «законность», «правоотношение», «правотворчество», «правоприменение»), так и понятий из арсенала других наук.

Так, в частности, весьма важным является использование таких философских категорий и понятий, как «сущность», «форма», «содержание», «структура», «функция», «система», «элемент», «компонент», выступающих в качестве исходных положений в процессе исследования различных институтов.

В юридической литературе в связи с широким использованием философских категорий справедливо указывается на то, что не нужно пренебрегать «философизацией» или «социологизацией» правовой науки, так как понятийный и категориальный аппарат, выработанный философией, является отражением всех открытых и познанных свойств материи,

включая и право. Только полагаясь и опираясь на философские категории, можно идти от первоначального представления о правовой материи к менее общему, углубленному пониманию ее.

Однако важно при этом не подменять юридическое исследование философским, социологическим или любым другим.

Признавая значимость методологической роли философских категорий и понятий и справедливость слов о том, что стремление низвести научную абстракцию до уровня быденного сознания, ничего, кроме вреда, не принесет. Вместе с тем нельзя не заметить, что переоценка их методологического потенциала, увлечение абстрактными построениями и рассуждениями, граничащими с отрывом от эмпирической материи, от живой повседневной практики, могут привести к не менее пагубным последствиям в процессе исследования государства и права и выработки их теории. Это касается всех без исключения философских категорий и понятий, но в первую очередь относится к таким наиболее часто используемым при изучении различных правовых явлений категориям, как общее и особенное, необходимое и случайное, конкретное и абстрактное, возможное и действительное, форма и содержание, причина и следствие.

Вся сложившаяся в процессе функционирования правовых явлений практика, весь накопленный при этом опыт, все свойственные ей особенности и черты должны быть учтены и соответствующим образом отражены в используемых категориях и понятиях. Только в этом случае последние применительно к исследуемой материи наполняются конкретным содержанием и приобретают вполне определенный социальный смысл, а следовательно, можно говорить об их методологической значимости и эффективности как средств познания права.

Постоянное изучение и обобщение практики функционирования государства и права разных стран, понимаемой как общественно-политическая и материальная деятельность людей и их организаций, направленная на дальнейшее укрепление и совершенствование этих институтов, позволяют выявить и широко использовать те многочисленные факторы, которые способствуют непрерывному разви-

тию их экономических, социальных, политических и других основ, установлению отношений между их различными частями, образованию их наиболее оптимальной структуры и непрерывному совершенствованию механизма их функционирования.

Анализ практики даст возможность, кроме того, свести к минимуму или полностью устранить всякого рода негативные моменты, мешающие нормальному функционированию права, глубже понять и использовать механизм их взаимодействия с экономикой, обществом, различными компонентами базисного и надстроечного порядка. Анализ практики позволяет также всесторонне разработать и углубить основные положения общей теории права, усовершенствовать ее понятийный аппарат, выявить главные тенденции и закономерности ее развития и методологические особенности.

Известны различные классификации методов общей теории права, причем между учеными имеются достаточно весомые разногласия в понимании тех или иных видов методов, затрудняющие их использование в научных изысканиях по общей теории права.

В зависимости от сферы применения выделяют следующие виды методов общей теории права:

- всеобщий диалектико-материалистический метод (диалектический метод);
- общие методы (общенаучные методы);
- специальные и частные методы (частнонаучные) [1, с. 25–28].

При этом необходимо отметить, что диалектико-материалистический метод трактуется как универсальный, который «распространяется на все без исключения конкретные науки и на все этапы, или стадии, процесса познания» [1, с. 25–28]. Однако некоторые исследователи не считают данный метод особым методом и относят его к разряду общих методов [2, с. 13–14]. В свою очередь ряд авторов пишут не о диалектическом, а о философском методе, содержание которого составляют всеобщие принципы познания и бытия [3, с. 17].

Общие методы используются во всех науках и сводятся к методам формальной логики.

Специальные методы – это методы, которые разрабатываются отдельными науками и применяются в различных отраслях знаний.

А. Ф. Черданцев считает, что частнонаучные методы свойственны узкой группе наук,

а специальные присущи одной конкретной науке, что различия с классификацией и трактовкой методов общей теории права» [4, с. 32].

В классификации методов по уровню их научного познания различаются методы высшего, среднего и низшего уровней.

Методы высшего уровня познания отражают общие принципы познания в целом, задают научным исследованиям определенную направленность, обеспечивают их концептуальную определенность. Их совокупность именуется парадигмой.

Методы, которые включаются в средний уровень научного познания, носят междисциплинарный характер и используются всеми науками для изучения одноименных объектов. Они составляют группу общенаучных методов. Методы, относящиеся к низшему уровню, являются частнонаучными, непосредственно ведущими к получению конкретных знаний [5, с. 13–17].

Так же известна классификация, в которой различаются эмпирический и теоретический уровни познания [6, с. 372–373]. Эмпирический уровень представляет собой наблюдение, сравнение, измерение, описание, эксперимент, то есть изучается внешняя сторона явлений. Такое познание осуществляется при помощи органов чувств человека. А на теоретическом уровне исследователь проникает в суть явлений.

Рассматривая вышеизложенные классификации методов научного познания, необходимо отметить, что последняя из них является общепризнанной и не вызывает никаких возражений. Одноименная с ней классификация, в которой обозначены высший, средний и низший уровни познания, является неприемлемой, так как, выделяя подобные уровни, сторонники и последователи данной классификации ставят разные методы познания в неравное положение. Поэтому при использовании этой классификации создается представление, что методы, которые относятся к низшему уровню познания, являются менее важными, чем методы, включаемые в его высший уровень. Это неправильный вывод, так как в науке не может быть более и менее значимых методов познания.

Проанализировав последнюю классификацию, необходимо отметить, что вызывает возражение включение последователями данной

классификации в общий ряд научных методов и методов формальной логики, так как они присущи человеческому познанию в целом. В отличие от научных методов, которые в большей степени являются продуктом человеческой, мыслительной и научной деятельности. Их применение естественно и традиционно для каждого человека, в силу того, что они основываются на открытых древнегреческим философом Аристотелем законах человеческого мышления. На данных методах «строится как научное, так и обыденное знание» [6, с. 372–373]. Научные же методы используются главным образом в научном познании.

В свою очередь, общелогические методы познания в общей теории права используются повсеместно (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, аналогия, моделирование). Необходимо отметить, что при использовании в науке и на практике научных методов познания всегда параллельно применяются и общелогические методы познания.

Анализируя рассматриваемую классификацию методов научного познания, необходимо пояснить, что нельзя согласиться с теми ее сторонниками, которые, выделяя всеобщий диалектический метод, склонны считать его особым и наиболее важным методом познания. В научной литературе советского периода отмечалось, что «не подлежит сомнению, что метод материалистической диалектики как единственно научный всеобщий метод познания лежит в основе изучения таких сложнейших общественных явлений, как государство, демократия, право» [7, с. 115]. В свою очередь современная наука не допускает возможности существования в общественных науках непререкаемых истин. Поэтому неслучайно приоритет и даже научная состоятельность всеобщего метода материалистической диалектики подвергаются отдельными учеными сомнению.

Так, А. Б. Венгерова не устраивало противопоставление в советской юридической науке рассматриваемого метода другим методам. Это, по мнению исследователя, «лишало теорию государства и права знаний реальных государственно-правовых явлений и процессов, придавало ей схоластический, умозрительный характер, снижало научную обоснованность ее рекомендаций» [8, с. 19]. А. Б. Венгерова счи-

тал, что, «по-видимому, материалистическая диалектика с ее приматом необходимого над случайным и другими постулатами под напором новых знаний конца XX века и нового исторического опыта исчерпала в основном свой познавательный и прогностический потенциал, по крайней мере в социальной сфере» [8, с. 19], а на смену диалектико-материалистическим воззрениям придет синергетика – «наука о самоорганизующихся, случайностных процессах» [8, с. 19]. Она, как утверждал А. Б. Венгерова, «либо будет включать диалектику как частный метод синергетики – и то лишь для некоторых областей, – либо вообще заменит ее принципиально новыми подходами к действительности» [8, с. 19], необходимо отметить, что мы солидарны с ним в том, что данный метод не может быть противопоставлен иным методам научного познания. Он занимает в ряду этих методов равное с другими методами положение.

Рассматривая классификацию методов научного познания по сфере их применения, необходимо выделить общие и частные методы.

Общие методы вырабатываются философией, но возможны случаи, когда такой статус приобретают методы, создаются иными науками. Так, в ходе «математизации» науки широкое распространение получил такой метод познания, как формализация.

Частные методы разрабатываются отдельными науками и применяются в какой-то одной науке или в группе наук. В правоведении используются как частные методы неюридических наук, так и частные методы, выработанные в юриспруденции.

Необходимо отметить конкретные методы научного познания, такие как диалектический, логический, исторический, системный, сравнительный и прогностический методы, методы восхождения от конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к конкретному, а также метод формализации.

Диалектический метод изучает действительность в ее противоречивости, целостности и развитии. Логический метод рассматривает объект познания без учета всех исторических случайностей, отдельных фактов, особенностей, вызванных конкретно-исторической обстановкой. Исторический метод изучает объективную действительность, которая познается уже такой, какая она есть,

со всеми ее закономерностями и случайностями. Системный метод устанавливает внутреннее строение той или иной системы, место в ней каждого элемента и выявляет связь и закономерности между ними. Сравнительный метод основан на сопоставлении различных систем и явлений с целью выявления их сходства и различия. Прогностический – обеспечивает осмысление перспектив развития познаваемого явления. Благодаря методу восхождения от конкретного к абстрактному создаются научные абстракции, которые отражают закономерности предмета той или иной науки и позволяют сформировать ее понятийный аппарат. Метод формализации заключается в выработке знаковой системы, отражающей содержательную сторону изучаемого предмета, что

позволяет глубже изучить закодированные при помощи этой системы явления.

Применяемые в юриспруденции общие методы научного познания находят свою конкретизацию и развитие в частных методах, а также в методиках, которые используются в ходе практической деятельности. Так, системный метод лежит в основе систематического способа толкования права. Из этого можно сделать вывод, что методы могут применяться как непосредственно, так и через выработанные уже юридической наукой специальные методы познания и методики осуществления той или иной юридической деятельности.

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные в данной статье проблемы нуждаются в своем дальнейшем изучении и рассмотрении.

Литература

1. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 1: Теория государства. М., 2002.
2. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2001.
3. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002.
4. Общая теория права / под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995.
5. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999.
6. Мухаев Р. Т. Теория государства и права. М., 2001.
7. Введение в философию: в 2-х ч. / И. Т. Фролов, Э. А. Араб-Оглы, Г. С. Арефьева и др. М., 1990. Ч. 2.
8. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970.
9. Венгерова А. Б. Теория государства и права. М., 1998.

Bibliography

1. General theory of state and law. Academic course: in 2 vols / ed. M. N. Marchenko. Vol. 1: Theory of the state. Moscow, 2002.
2. Theory of state and law / ed. N. I. Matuzov and A. V. Malko. Moscow, 2001.
3. Theory of State and Law / ed. V. M. Korelsky and V. D. Perevalov. Moscow.
4. General theory of law / under total. ed. A. S. Pigolkin. 2nd ed., revised. and additional. Moscow, 1995.
5. Cherdantsev A. F. Theory of State and Law. Moscow, 1999.
6. Mukhaev R. T. Theory of state and law. Moscow, 2001.
7. Introduction to philosophy: in 2 parts / I. T. Frolov, E. A. Arab-Ogly, G. S. Arefieva, ect. Moscow, 1990. Part 2.
8. Marxist-Leninist general theory of state and law. Basic institutes and concepts. Moscow, 1970.
9. Vengerov A. B. The theory of state and law. Moscow, 1998.

Пушкарев Виктор Викторович
Pushkarev Victor Victorovich

доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Preliminary Investigation, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia behalf of V. Yu. Kikot, PhD in Law.

E-mail: vvp77r@rambler.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКТ «СОГЛАСИЕ»:
ГНОСЕОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**The theoretic and legal construct «consent»: the epistemology of the jural fact
in the criminal process**

В статье анализируются основания возникновения, изменения и прекращения уголовно-процессуальных отношений в связи с применением правил о согласии в уголовном судопроизводстве. Исследуется субъектный состав и процедуры института согласия. Полученные данные кладутся в основу теоретико-правового обоснования необходимости изменения действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях совершенствования его норм и регулируемых ими отношений.

Ключевые слова: уголовное преследование, уголовно-процессуальный статус, участники уголовного судопроизводства, согласие.

The article analyzes the grounds for the appearance, change and termination of criminal procedural relations arising in connection with the application of the rules on consent in criminal proceedings. The subject composition and procedures of the institution of consent are investigated. The obtained data are the basis for the theoretical and legal justification for the need to change the current version of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to improve its norms and the social relations they regulate.

Keywords: criminal prosecution, criminal procedural status, participants in criminal proceedings, consent.

Монтескье Шарль Луи Секонда, рассуждая о способе составления законов и духе законодателя, сделал значимый вывод о том, что судебные формальности просто необходимы для свободы, однако они станут препятствовать целям тех самых законов, которые их установили, если число их будет велико. Дела будут тянуться без конца, – продолжал он, – собственность станет неустойчивой: собственность одной стороны станут отдавать другой без расследования или разорять и ту, и другую бесконечными расследованиями [2, с. 643].

Приведенные слова не утратили своего смысла, поскольку, говоря о современном уголовном судопроизводстве с точки зрения результатов правотворчества и итогов правоприменения, приходится констатировать, что ему не в полной мере свойственна четкость правовых определений и внятность механизмов процессуального регулирования, которые, в целом определяют степень совершенства действующего уголовно-процессуального законодательства, отлаженность уголовно-процессуальных отношений, эффективность деятельности органов

и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследования, а также суда.

В данной канве размышлений можно сформулировать множество проблем, свойственных нынешнему состоянию отечественного уголовного судопроизводства. Однако в соответствии с темой, заявленной в названии настоящей статьи, выделим совершенно обделенный вниманием со стороны ученых-процессуалистов вопрос об институте согласия в уголовном судопроизводстве, при том что он непосредственным образом влияет на его целесообразность в целом и способен как препятствовать эффективной процедуре производства по уголовному делу, так и действовать на нее обратно противоположным, положительным образом.

Уголовно-процессуальный закон в своей насущной редакции определяет термин «согласие» как разрешение руководителя следственного органа для следователя, а также разрешение прокурора, начальника органа дознания для дознавателя на производство ими соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений (п.п. 41.1 ст. 5 УПК РФ).

Вполне очевидно, что при выработке приведенной дефиниции законодатель воспринял значение слова «согласие» в буквальном смысле словарной статьи толкового словаря С. И. Ожегова как «разрешение, утвердительный ответ на просьбу, с согласия начальника (имея его согласие)» [3, с. 1850]. Однако анализ института согласия и связанных с ним согласительных процедур в уголовном судопроизводстве убедительно вскрывает неполноту изложенного в п.п. 41.1 ст. 5 УПК РФ определения.

В первую очередь, совершенно необходимо правильно определить субъектный состав уголовно-процессуальных отношений в связи с необходимостью получения согласия, который является базовым для изучения и описания конструкта «согласие» в уголовном судопроизводстве, определяет его правовую сущность и процессуальное содержание.

В соответствии с ч. 2 ст. 3, ч. 1–2 ст. 461 и ч. 3 ст. 462 УПК РФ для осуществления уголовного преследования необходимо согласие государства:

а) согласие Российской Федерации требуется для исполнения запроса о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации, относительно гарантий о том, что данное лицо не будет выслано, передано либо выдано третьему государству (п. 3 ч. 3 ст. 462 УПК РФ). Надо отметить, что выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности является одним из самых распространенных видов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Решение о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства, принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем (ст. 462 УПК РФ);

б) согласие иностранного государства требуется для задержания, привлечения в качестве обвиняемого, осуждения лица, которое было выдано, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 461 УПК РФ). Кроме того, согласие иностранного государства требуется для проведения процессуальных действий в отношении лиц, находящихся или находившихся у него на службе и пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 3 УПК РФ для осуществления уголовного преследования необходи-

мо согласие международной организации, когда требуется проведение процессуальных действий в отношении лиц, которые являются или являлись членами ее персонала и пользуются иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

Осуществление уголовного преследования невозможно, например, без получения следователем согласия руководителя следственного органа на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (ч. 4 ст. 39 УПК РФ).

Согласие прокурора требуется получить дознавателю на производство соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений. Например, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ дознаватель должен получить согласие прокурора на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Прокурор не обладает процессуальными полномочиями давать согласие следователю на соответствующие действия и решения [1, с. 43].

Также полномочия дознавателя ограничены необходимостью получения согласия начальника органа дознания на производство определенных следственных и иных процессуальных действий и на принятие соответствующих процессуальных решений

Развернутый анализ положений 3–5 позволяет сделать промежуточный вывод о существенной ограниченности действия нормы, изложенной в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, и подчеркнуть ее по большей части декларативный характер [4, с. 309–314]. Процессуальная самостоятельность у дознавателя отсутствует фактически полностью. Вполне очевидно, что сложившееся положение требует определенного вмешательства со стороны субъектов, обладающих законодательной инициативой, а полномочия прокурора в отношении дознавателя представляются избыточными и часть их следует переложить на начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

Согласие свидетелей:

а) лиц, обладающих свидетельским иммунитетом на дачу показаний (ч. 2 ст. 11 УПК РФ); член Совета Федерации, депутат Государственной Думы – об обстоятельствах, которые стали

им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий (п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ);

б) согласие свидетеля на производство в отношении него освидетельствования, за исключением случаев, когда это необходимо для оценки достоверности его показаний (ч. 1 ст. 179 УПК РФ);

в) согласие свидетеля на производство судебной экспертизы (ч. 4 ст. 195 УПК РФ);

г) согласие свидетеля, находящегося за пределами РФ, на вызов для производства процессуальных действий на территории РФ (ч. 1 ст. 456 УПК РФ).

7. Согласие лиц на их опрос защитником для собирания им доказательств (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

8. Согласие потерпевшего (п. 3 ч. 2, п. 4 ч. 5, ч. 7 ст. 42, ч. 3 ст. 161, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 456 УПК РФ).

9. Согласие законных представителей (ч. 3 ст. 161, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 456 УПК РФ).

10. Согласие гражданского истца (ч. 7 ст. 44, ч. 1 ст. 456 УПК РФ).

11. Согласие гражданского ответчика (п. 4 ч. 2 ст. 54, ч. 1 ст. 456 УПК РФ).

12. Согласие эксперта, находящегося за пределами РФ, на вызов для производства процессуальных действий на территории РФ (ч. 1 ст. 456 УПК РФ).

13. Согласие обвиняемого, подозреваемого, подсудимого (ч. 2 ст. 33, п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 104, ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 213, ч. 1 ст. 275, ч. 1 ст. 314, ч. 15 ст. 328 УПК РФ).

14. Согласие государственного или частного обвинителя, дающее право обвиняемому на согласие с предъявленным ему обвинением и на ходатайство о применении особого порядка принятия судебного решения (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

15. Согласие лиц, проживающих в жилище, на его осмотр (ч. 1 ст. 12 УПК РФ).

16. Согласие свидетельствуемого лица на фотографирование, видеозапись и киносъемку, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица (ч. 4, 5 ст. 179 УПК РФ).

17. Согласие лиц на оглашение в открытом судебном заседании их переписки, записи телефонных и иных переговоров, телеграфных, почтовых и иных сообщений (ч. 4 ст. 241 УПК РФ).

18. Согласие сторон на оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, на демонстрацию фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов в случае неявки потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев,

предусмотренных ч. 2 и 6 ст. 280 УПК РФ (ч. 1 ст. 280 УПК РФ).

19. Согласие владельца на реализацию, утилизацию или уничтожение имущества (ч. 4.1 ст. 82 УПК РФ).

20. Согласие руководителя коммерческой или иной организации на возбуждение уголовного дела и привлечение к уголовному преследованию (ст. 23 УПК РФ).

21. Согласие большинства присяжных заседателей (с. 8 ст. 343 УПК РФ).

22. Согласие Совета Федерации и Государственной Думы (п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

23. Конституционного Суда Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

24. Согласие Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

25. Согласие соответствующей квалификационной коллегии судей (п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

Во вторую очередь необходимо постановить, что согласие в уголовном судопроизводстве выступает в качестве юридического факта в уголовно-процессуальном праве и именно как юридический факт обладает характерным и крайне значимым признаком – нормативностью, то есть является уголовно-процессуальной нормой, что устанавливает определенные и весьма жесткие требования к его нормативной дефиниции.

Однако проведенный анализ хронологии принятия и содержания федеральных законов, один из которых ввел [5, ст. 2830], а другой через восемь лет изменил [6, ст. 60] нормативное положение, сформулированное в п.п. 41.1 ст. 5 УПК РФ, а также положений действующего УПК РФ по поводу института согласия, позволяет констатировать, что данная уголовно-процессуальная норма (п.п. 41.1 ст. 5 УПК РФ) является дефектной по следующим признакам:

1) неоправданно ограниченно представлен круг субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые возникают, изменяются или прекращаются в связи с получением согласия определенных лиц и органов в уголовном судопроизводстве;

2) неверно выражена цель получения согласия, которая, как это совершенно очевидно, не направлена на получение согласия как *разрешения* в семантическом поле ранее приведенного определения С. И. Ожегова *начальника*;

3) не презюмирована необходимость процессуального отражения – удостоверения согласия (или несогласия) надлежащим образом в соответствующем процессуальном документе, чем нарушен важный признак процессуальной формы юридических фактов;

4) не отражены особенности уголовно-процессуальных отношений, связанных с соглашательскими процедурами в уголовном судопроизводстве – досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и примирение сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с чем нивелируется процессуальное значение волеизъявления частных лиц в уголовном судопроизводстве, позволяющее существенным образом повысить его эффективность и упростить процедуру производства по уголовному делу.

Сложившееся в действующем уголовно-процессуальном праве положение и результаты его исследования обоснованно приводят к умозаключению о том, что в целях эволютивного совершенствования значимых норм российского уголовно-процессуального закона крайне необходимо выработать новую дефиницию «согласие» в уголовном судопроизводстве и изложить п.п. 41.1 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: *«41.1) согласие – отраженное в процессуальном документе разрешение управомоченных лиц или органов на производство соответствующих следственных и иных*

процессуальных действий и на принятие процессуальных решений, связанных в том числе с применением досудебного соглашения о сотрудничестве и примирением сторон».

В приведенном определении раскрывается роль и значение согласия как юридического факта, обеспечивающего динамику отдельного уголовно-процессуального отношения, а также всей системы уголовно-процессуальных связей, складывающихся при производстве по уголовному делу. В таком качестве согласие предопределяет сущность и содержание уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по его поводу, выступает ориентирующим фактором для участников уголовного судопроизводства и процессуальным методом воздействия на них посредством регулирования их поведения и охранительного воздействия. Согласие в уголовном судопроизводстве оказывает влияние на весь процессуальный механизм, определяя его дальнейшее движение в заданном направлении, эффективность и законность соответствующих процессуальных действий и решений.

Литература

1. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. М., 2017.
2. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. Кн. 29. Гл. 1.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
4. Пушкарёв В. В. Соотношение уголовно-процессуальной функции следователя с принципом процессуальной независимости и самостоятельности: направления совершенствования досудебного производства через призму ретроспективного и сравнительно-правового анализа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 5 (28).
5. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О Прокуратуре Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
6. Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 60.

Bibliography

1. Grinenko A. V. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: an article-by-article scientific and practical commentary: a textbook. Moscow, 2017.
2. Montesquieu Sh. Selected works. Moscow, 1955. Book 29. Chapter 1.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2005.
4. Pushkarev V. V. Correlation of the criminal procedural function of the investigator with the principle of procedural independence and independence: the direction of improving pre-trial production through a prism of retrospective and comparative legal analysis // Library of the criminalist. Science Magazine. 2016. № 5 (28).
5. The federal law from 6.05.2007 № 87-FZ «About introduction of amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Federal law “About Prosecutor’s Office of the Russian Federation”» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2007. № 24. Art. 2830.
6. The federal law from 12.30.2015 № 440-FZ «About introduction of amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding specification of powers of the chief of body of inquiry and the investigator» // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2016. № 1 (part I). Art. 60.

Анохин Юрий Васильевич
Anokhin Yury Vasilievich

заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России по научной работе
доктор юридических наук, доцент.

Deputy Head on Scientific Work, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Doctor of Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (3852) 379-102.

Верхогляд Ян Евгеньевич
Verkhoglyadov Yan Evgenyevich

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института
МВД России.

Lecturer, Department of Civil-Law Disciplines, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation.
Тел.: 8 (3852) 379-394.

**О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ**

On legal policy of counteraction of extremist activity at the international level

В статье рассматривается современная ситуация в сфере противодействия экстремизму. Отдельное внимание уделяется нормативным документам и мероприятиям, реализуемым международным сообществом в этом направлении. По результатам проведенного анализа авторы выделили проблемные аспекты и предприняли попытку сформулировать рекомендации по совершенствованию правовой антиэкстремистской политики.

Ключевые слова: экстремизм, воинствующий экстремизм, терроризм, ООН, план, противодействие, международное взаимодействие.

In this article consider the current situation in the field of countering extremism. Special attention is paid to normative documentation and activities implemented by the international community in this direction. Based on the results of the analysis the authors singled out the problematic aspects and attempted to formulate recommendations for improving the legal anti-extremist policy.

Keywords: extremism, violent extremism, terrorism, UN, plan, counteraction, international cooperation.

Важность исследования вопросов построения антиэкстремистской политики не вызывает сомнения, так как в большинстве государств регистрируются правонарушения настоящей направленности. Актуальность рассмотрения именно международного аспекта обусловлена масштабностью деятельности и структурной разветвленностью некоторых экстремистских организаций, от чего противодействие исключительно на уровне одного государства представляется нерациональным. Кроме того, целесообразность изучения сложившейся правовой политики по противодействию экстремизму в мировом сообществе и отдельных иностранных государствах определена возможностью вычленения негативных обстоятельств, которые необходимо избегать при формировании собственной антиэкстремистской полити-

ки, а также выделения наиболее ценного положительного опыта. Слепое заимствование последнего в лучшем случае может привести к нулевой эффективности, а в худшем – к отрицательным последствиям. Необходимо комплексное изучение всех обстоятельств, в которых перенимаемые элементы функционируют в иных условиях. Это весьма обширный круг вопросов для предварительного изучения: начиная от менталитета населения и заканчивая уровнем доступности Интернета.

Несмотря на то, что в некоторых государствах ответственность за подобные деяния существует еще с XIX века (к примеру, Уголовный кодекс Индии 1898 года в ст. 153А содержал норму, предусматривающую ответственность за разжигание вражды или ненависти между «различными классами индийских

граждан») [1, с. 119], в настоящий момент отсутствуют общепризнанное определение экстремизма [2, с. 129] и четкая классификация его видов, что составляет дополнительную сложность. Подобное обстоятельство сказывается на формулировании основополагающих направлений политики по противодействию экстремизму в нормативных правовых актах и правоприменительной практике уполномоченных структур.

Недавние события на Украине, в Сирии и последующая реакция мирового сообщества продемонстрировала не менее серьезные проблемы в вопросах общей оценки, к примеру, безусловно опасной противоправной деятельности – терроризма, именовании некоторых вооруженных формирований «умеренной оппозицией» и т. п.

Даже тот факт, что прошло почти 70 лет с момента принятия некоторых международных документов, ставших фундаментом для последующего построения противодействия экстремизму и его крайней форме проявления – терроризму*, так и не разрешает вопрос эффективного противодействия экстремизму. Одной из причин подобной тенденции Х. Карзай, экс-президент Афганистана, назвал отсутствие доверия на международном уровне между ведущими государствами: Россией, Индией, Китаем и США [3].

Нельзя категорично утверждать, что работа по вопросам улучшения качества международного сотрудничества в сфере противодействия экстремизму не ведется. Так, 22 декабря 2015 года с попыткой консолидировать усилия выступил генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (далее – ООН) Пан Ги Мун. Подготовленный им План действий по предупреждению воинствующего экстремизма (A/70/674) [4] (далее – План) 12 февраля 2016 года утвердила Генеральная Ассамблея ООН, постановив продолжить его рассмотрение на соответствующих мероприятиях.

Именно этот документ призывает страны мобилизовать свои силы и средства, сообща

противодействовать экстремизму. Исход инициативы именно от ООН обуславливается ее статусом единственного международного межправительственного органа, который способен выступать от всего мирового сообщества во всех случаях, когда воинствующие экстремисты стремятся посеять нетерпимость и рознь [5].

Проблемным моментом в представленном Плате видится отсутствие четкого определения понятия «воинствующий экстремизм». Учитывая, что с 1989 [6] по 2017 год открытым остается вопрос разработки единых и принятых всеми государствами на международном уровне понятий «терроризм» и «экстремизм», вычленение именно воинствующего экстремизма видится не совсем целесообразным. Дополнительно вносят неясность в План пересекающиеся употребления «воинствующего» и «насильственного» экстремизма.

Формулировки «террористические группы» и «воинствующие экстремистские группы» в Плате зачастую определяются как тождественные. Превалируют упоминания именно о террористических организациях: Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), Боко харам, Аль-Каида**. К примерам угроз, создаваемых воинствующим экстремизмом, относят деятельность, в том числе присущую террористам: похищения, убийства, нападения на госучреждения и так далее [5]. В содержание национальных планов, которые подразумеваются в качестве одного из элементов построения государственно-правовой политики, рекомендуются к включению меры по привлечению к ответственности боевиков-террористов, осуществляющих выезды за границу. Дополнительно отметим, что рассматриваемый Планом воинствующий экстремизм схож с определением терроризма в США: «предумышленное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами, обычно с целью повлиять на настроение общества» [7, с. 54].

* В качестве примера можно привести документы как общей (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года; Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года, и так далее), так и специальной направленности (Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 года; Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 года; Международная конвенция ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 года и так далее).

** Запрещенные на территории России террористические организации.

Подобные высказывания еще сильнее стирают грань между рассматриваемыми понятиями. С аналогичной позицией выступил заместитель главы Министерства иностранных дел РФ по вопросам противодействия терроризму О. В. Сыромолотов, высказав мнение о том, что таким способом предпринимаются попытки к манипулированию в своих интересах понятием «террористическая или экстремистская организация». Также чиновник обратил внимание на то, что настоящий План можно охарактеризовать как механизм для создания «цветных революций» [8].

В Плате четко указано, что, несмотря на исследования факторов, способствующих воинствующему экстремизму, за последние 15 лет максимально достоверных статистических данных о причинах радикализации отдельных лиц не имеется. Следовательно, изложенную информацию в Плате допустимо назвать в определенной степени субъективной, однако объективно положительные элементы настоящего документ все же содержит. Наряду с общими и весьма распространенными способами противодействия, рекомендуется вовлекать общины в профилактическую работу, осуществлять меры по ресоциализации экстремистов. Важным решением, на наш взгляд, видится выделение в качестве приоритетных и одних из наиболее эффективных направлений по предотвращению экстремизма наравне с глобальными национальные и региональные уровни деятельности власти [5].

В целом План может оказать значительную помощь в формировании государственно-правовой политики по противодействию экстремизму, но в большей степени тем странам, которые угрозу экстремизма в полной мере пока не осознали и не приняли масштабных мер реагирования. К примеру, для России настоящий документ каким-то открытием не стал, так как планы и стратегии разрабатывались и существовали ранее, а перечисленные меры в большинстве своем уже реализовывались государством.

Остается неясным вопрос о том, почему мировое сообщество в контексте международной организации, обладающей, казалось бы, наибольшим авторитетом, первоначально не разработает четкие определения экстремизма и терроризма, а лишь потом преступит к построению системы противодействия таковым

явлениям. Актуальность данного вопроса дополнительно подчеркивает неспособность некоторых государств самостоятельно сформулировать понятийный аппарат. К примеру, в Великобритании на высшем уровне обсуждается проблема необходимости выработки определения термина «антисемитизм» [9]. Подобная инициатива была поддержана как в Великобритании, так и за ее пределами, однако фактически антисемитизм – это проявление экстремизма. Видится не совсем логичным в отсутствие общего определения выработать частные, а тем более, не дав ясную характеристику экстремизму, определять антисемитизм, русофобию и так далее.

Отдельного упоминания заслуживает научно-технический прогресс, результаты которого не обошли стороной и вопрос противодействия экстремизму на всемирном уровне. В планах Совбеза ООН к 30 апреля 2017 года подготовить меры по борьбе с пропагандисткой деятельностью террористов и экстремистов через Интернет и социальные сети, чтобы обезопасить наибольший сегмент пользовательского сообщества – молодежь [10].

Настоящая инициатива актуальна, но, как и в рассмотренном выше вопросе, есть более глобальная задача, которой в силу ряда причин не уделяется внимания. Так, отсутствует международно-правовой акт, четко регламентирующий взаимодействие государств по противодействию экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве. Как справедливо отмечает Ю. Н. Троегубов, разработка и принятие подобного документа, к примеру, по инициативе ООН, значительно облегчило бы борьбу с противоправной деятельностью экстремистских и террористических организаций в Интернете [11, с. 146].

Предварительно резюмируя все вышеизложенное, отметим, что как мировым сообществом в целом, так и конкретными странами, меры к построению правовой политики в сфере противодействия экстремизму предпринимаются, однако их последовательность и эффективность оставляют желать лучшего.

Отсутствие фактического взаимодействия по вопросам противодействия терроризму [12] и экстремизму является потенциальной угрозой безопасности всех стран. Сотрудничество, пусть и на минимальном уровне, необходимо, так как благодаря ему возможно качественное

венно противодействовать, например, религиозному экстремизму (после признания запрещенными в одних странах, многие экстремистские организации продолжают свободно функционировать на территории иных государств, где их деятельность не рассматривается как противоправная). Противодействие экстремизму в Интернете также окажется более эффективным при консолидации усилий всего мирового сообщества, тем самым предотвратив вербовку новых членов в ряды запрещенных организаций.

Сегодня большинство государств предпринимают попытки к конструированию собственных определений рассматриваемых нами противоправных явлений. Вместе с тем в отсутствие единой или хотя бы одобренной большинством участников мирового сообщества позиции складываются недопустимые ситуации, когда группы лиц, совершающие в Сирии откровенно преступные деяния (публичные казни и пытки, обстрелы школ, минирование детских игрушек и т. п.), некоторыми государствами признаются «умеренной оппозицией» и получают различного рода поддержку.

Одной из важных задач, стоящих перед мировым сообществом, видится формулировка и нормативное закрепление понятий экстремизма и терроризма. Разрешение ее позволит разграничить два, безусловно, взаимосвязанных явления и разработать качественную систему противодействия им. Следует отметить, что опыт построения российской антиэкстремистской политики целесообразно считать одним из основных элементов при осуществлении работы в рассматриваемых направлениях.

Количество регистрируемых преступлений на почве ненависти за рубежом, которые по смыслу схожи с экстремистскими в РФ, общее число пострадавших [13, с. 99] развенчивают миф об особо острой напряженности в межнациональных и межрелигиозных взаимоотношениях исключительно на территории РФ по сравнению с другими странами. Так, в 2012 году в России зарегистрировано 696 преступлений, совершенных на почве национальной и иной ненависти, в США – 5 796, в Великобритании – 42 236 (2012–2013 гг.), в Канаде – 1 414 [14]. Согласно данным официальных отчетов Федерального бюро расследований, в 2005 году от преступлений на

почве ненависти в США пострадало 8 208 человек, в 2006 году – 9 652, в 2007 году – 9 536, в 2008 году – 9 691, в 2009 году – 8 336 [13, с. 99], в 2010 году – 8 208 [15], в 2011 году – 7 713 [16], в 2012 году – 7 164 [17], в 2013 году – 7 242 [18], в 2014 году – 6 727 [19]. В Российской Федерации, по неофициальным данным, общее число жертв составило не менее 84 в 2015 году и не менее 171 в 2014 году [20, с. 5].

Изучение ситуации в иностранных государствах обуславливает следующие выводы: зарубежная критика российской государственной политики в сфере противодействия экстремизму не совсем обоснована [21]; имеющийся опыт по построению антиэкстремистской политики РФ целесообразно рассматривать мировому сообществу как один из материалов для анализа и последующего формирования общих подходов к противодействию экстремизму; российским субъектам правотворчества следует избегать попыток слепого внедрения иностранных стандартов, а стратегия развития правовой политики России должна базироваться на принципе сокращения и постепенного свертывания рецепции иностранного права при более детальном анализе собственного опыта прошлых лет [22, с. 35].

В заключение, возвращаясь к противодействию экстремизму на международном уровне, отметим, что 15 июня 2017 года принято решение о структурном изменении Секретариата ООН. В его составе появится Контртеррористическое управление, в которое войдут отделы и структуры из Департамента по политическим вопросам, которые ранее занимались проблемами терроризма (Канцелярии Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий и Контртеррористического центра ООН). Борьба с терроризмом и предотвращение воинствующего экстремизма рассматриваются в качестве одной из основополагающих задач нового управления [23]. Насколько целесообразно такое организационное решение, какова будет его эффективность, покажет только будущее, однако если базовые вопросы относительно понятийного аппарата и качества взаимодействия между государствами не будут решены, вероятнее всего, степень экстремистских и террористических угроз для мирового сообщества останется на том же уровне.

Литература

1. Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. М., 2008.
2. Никитин А. Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.
3. Экстремизм появляется благодаря плохим политикам – Карзай. URL: <http://365info.kz/2016/04/ekstremizm-poyavyaetsya-blagodarya-plohim-politikam-karzaj/>
4. План действий. Генеральный секретарь 15 января 2016 года представил Генеральной Ассамблее План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/plan-action-prevent-violent-extremism>.
5. План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. URL: http://www.unic.ru/sites/default/files/RU_Plan.pdf.
6. Меры по предупреждению международного терроризма. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N89/203/96/PDF/N8920396.pdf>.
7. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма: методическое пособие для пропагандистов / под общ. ред. Л. Н. Панковой, Ю. В. Таранухи. М., 2010.
8. Российский МИД обвинил США в попытках размыть понятие терроризма. URL: <https://ria.ru/world/20161111/1481165531.html>.
9. Мэй выступает за официальное определение антисемитизма. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38288199>.
10. СБ ООН намерен выработать меры по борьбе с пропагандой экстремизма. URL: <http://ria.ru/world/20160511/1431459046.html>.
11. Троегубов Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39).
12. Чижов объяснил неэффективность спецслужб Европы в борьбе с терроризмом. URL: <https://rg.ru/2016/07/15/chizhov-obiasnil-neefferktivnost-specsluzhb-evropy-v-borbe-s-terrorizmom.html>.
13. Клейменов М. П. Преступность ненависти в США // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 1 (30).
14. Кто угрожает мигрантам из Центральной Азии в России? URL: <http://www.stanradar.com/>

Bibliography

1. Kapinus O. S. Modern criminal law in Russia and abroad: some problems of responsibility. Moscow, 2008.
2. Nikitin A. G. Extremism as an object of general theoretical and general legal analysis: dis. ... PhD in law. Kazan, 2010.
3. Extremism appears due to bad policies – Karzai. URL: <http://365info.kz/2016/04/ekstremizm-poyavyaetsya-blagodarya-plohim-politikam-karzaj/>.
4. Plan of action. On 15 January 2016, the Secretary-General submitted to the General Assembly Plan of action to prevent violent extremism. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/plan-action-prevent-violent-extremism>.
5. Plan of action to prevent violent extremism. URL: http://www.unic.ru/sites/default/files/RU_Plan.pdf.
6. Measures to prevent international terrorism. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N89/203/96/PDF/N8920396.pdf>.
7. Prevention (warning) of extremism and terrorism. Methodical tool for propagandists / under the general editorship of L. N. Pankova, Yu. V. Taranukha. Moscow, 2010.
8. The Russian Foreign Ministry accused the US of trying to blur the notion of terrorism. URL: <https://ria.ru/world/20161111/1481165531.html>.
9. May speaks for an official definition of anti-semitism. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38288199>.
10. The UN Security Council intends to work out measures to combat the propaganda of extremism. URL: <http://ria.ru/world/20160511/1431459046.html>.
11. Troyegubov Yu. N. Problems of counter-extremism in the Internet // Humanitarian vector. Series: history, political science. 2014. № 3 (39).
12. Chizhov explained the ineffectiveness of Europe's special services in the fight against terrorism. URL: <https://rg.ru/2016/07/15/chizhov-obiasnil-neefferktivnost-specsluzhb-evropy-v-borbe-s-terrorizmom.html>.
13. Kleimenov M. P. Criminality of hatred in the USA // Bulletin of Omsk university. Series «Law». 2012. № 1 (30).
14. Who threatens migrants from Central Asia in Russia? URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20751-kto-ugrozhaet-migrantam-iz-tsentralnoj-azii-v-rossii.html>.

news/full/20751-kto-ugrozhaet-migrantam-iz-tsentralnoj-azii-v-rossii.html.

15. Hate crime statistics: Victims. URL: <https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2010/narratives/hate-crime-2010-victims>.

16. Hate crime statistics: Victims. URL: <https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2011/narratives/victims>.

17. Hate crime statistics: Victims. URL: https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2012/topic-pages/victims/victims_final.

18. Hate crime statistics: Victims. URL: https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2013/topic-pages/victims/victims_final.

19. Hate crime statistics: Victims. URL: https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2014/topic-pages/victims_final.

20. Верховский А. Движение ультраправых в ситуации давления. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2015 году в России. URL: http://hro.org/files/doklad_sova.pdf.

21. ERCI conclusions on the implementation of the recommendations in respect of the Russian Federation subject to interim follow-up. URL: <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Russia/RUS-IFU-IV-2016-026-ENG.pdf>.

22. Анохин Ю. В., Аничкин Е. С., Бирюков С. В. и др. Стратегия российской государственно-правовой политики и вопросы обеспечения прав человека / под общ. ред. Ю. В. Анохина. Барнаул, 2015.

23. Генеральная Ассамблея приняла решение создать в ООН Контеррористическое управление, которое возглавит заместитель Генсекретаря. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=28126#.WUi6MEWLTIV>.

15. Hate crime statistics: Victims. URL: <https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2010/narratives/hate-crime-2010-victims>.

16. Hate crime statistics: Victims. URL: <https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2011/narratives/victims>.

17. Hate crime statistics: Victims. URL: https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2012/topic-pages/victims/victims_final.

18. Hate crime statistics: Victims. URL: https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2013/topic-pages/victims/victims_final.

19. Hate crime statistics: Victims. URL: https://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2014/topic-pages/victims_final.

20. Verhovskiy A. The movement of the ultrarights in pressure situation. Xenophobia and radical nationalism and counteraction to them in 2015 in Russia. URL: http://hro.org/files/doklad_sova.pdf.

21. ERCI conclusions on the implementation of the recommendations in respect of the Russian Federation subject to interim follow-up. URL: <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Russia/RUS-IFU-IV-2016-026-ENG.pdf>.

22. Anokhin Yu. V., Anichkin E. S., Biryukov S. V., et. Strategy of Russian state-legal policy and issues of ensuring human rights / under the general editorship of Yu. V. Anokhina. Barnaul, 2015.

23. The General Assembly decided to establish in the UN the Office of Counter-Terrorism, which will be headed by the Deputy Secretary General. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=28126#.WUi6MEWLTIV>.

Шугуров Марк Владимирович
Shugurov Mark Vladimirovich

профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии
доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8(906) 308-61-58.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРЕДАЧИ БИОТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

Political and legal problems of international transfer of biotechnology in the interests of sustainable development

Статья посвящена анализу политико-правовых аспектов международной передачи биотехнологии как способу обеспечения сохранения и устойчивого использования генетических ресурсов экосистем в контексте глобальной политики перехода к устойчивому развитию. Автор фокусирует внимание на парадигме баланса интересов развитых и развивающихся стран в сфере передачи технологии и доступа к генетическим ресурсам как основании международно-правового режима передачи биотехнологии. Большое внимание уделяется значимости международных усилий по формированию научно-технического потенциала развивающихся стран в направлении использования и модернизации традиционных знаний и технологий для сохранения экосистем.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, передача технологии, устойчивое развитие, развивающиеся государства, традиционные знания, биоразнообразие.

Article is devoted to analysis of political and legal aspects of international transfer of biotechnology as a tool of ensuring conservation and sustainable exploitation of genetic resources of ecosystem in the context of global policy on transition to sustainable development. Author focuses on paradigm of the balance between interest of developed and developing countries in the area of technology transfer and access to genetic resources as a basis of international legal regime of technology transfer. Much attention is paid to forming scientific and technological potential of developing countries in the direction of using and modernizing traditional knowledge and technologies for purposes of conservation of ecosystems.

Keywords: international scientific and technological cooperation, technology transfer, sustainable development, developing countries, traditional knowledge, biodiversity

В 2015 году – в рамках принятия Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года – биоразнообразие, его сохранение и устойчивое использование в еще большей степени стало рассматриваться как фактор перехода к устойчивому развитию. Благодаря большому числу мероприятий и предпринятым инициативам на национальном, региональном и международном уровнях в последние годы общественность и правительства осознали значение биоразнообразия. Следствием этого стало заметное повышение политической приоритетности вопросов биоразнообразия, что нашло свое выражение в выработке национальных, региональных и международных стратегий. Одновременно это привело к еще большей востребованности правовых инструментов управления сохранением и

устойчивым использованием биоразнообразия, включая правовое регулирование соответствующего тематического международного научно-технического сотрудничества (далее – МНТС).

Современная политика в сфере биоразнообразия, опирающаяся на мультистейкхолдерский подход, а также предпринимаемые в ее рамках решения основываются на результатах научных исследований, в частности, на выработанных в экологической науке экосистемном подходе, согласно которому нормальное функционирование экосистем зависит от разнообразия (состава и обилия) входящих в них видов [1, с. 978]. Тем не менее к рассматриваемой сфере вполне применим также ресурсный подход, так как генетические ресурсы – это важнейший источник получения сельскохозяй-

* Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00400.

ственной продукции, а также веществ, используемых в промышленности и фармацевтической отрасли. Однако деградация видового состава и его обилия вследствие нерационального использования биоразнообразия со стороны хозяйственной деятельности человека приводит к деградации и дестабилизации экосистемных функций, что чревато серьезными последствиями не только для природы, включая климатическую стабильность, но и в конечном счете для самого человека. Способом поддержания баланса между эксплуатацией генетических ресурсов и необходимостью их сохранения является использование новейших знаний и технологий в формате широкого международного научно-технического сотрудничества.

Ввиду глобального характера деградации биоразнообразия предпринимаются столь же масштабные инициативы по предотвращению утраты экосистем, с одной стороны, и апробации моделей их неистощительного использования – с другой. Ключевую роль в управлении сохранением и устойчивым использованием биоразнообразия играет международное право, нацеленное на координацию усилий, предпринимаемых на национальном и региональном уровнях [2]. Важность проблематики биоразнообразия подтверждается тем, что ей уделяется отдельное внимание не только в обобщающих работах по международному праву [3, с. 395–396; 4, с. 108–109], но и в исследованиях специального характера [5; 6; 7; 8]. Однако надо отметить отсутствие специальных работ, которые были бы посвящены международно-правовому регулированию научно-технического сотрудничества в рассматриваемой сфере и особенно такой наиболее сложной его формы, как передача технологий.

Для поощрения и развития международного сотрудничества в сфере передачи технологий в целях сохранения и разумного использования биоресурсов непреходящее значение продолжает сохранять Повестка дня на XXI век, принятая в 1992 году. В главе 15 подчеркивается важность генетического материала для благосостояния населения, что продемонстрировано последними достижениями в области биотехнологии. Повестка дня на XXI век не является источником строгих правовых обязательств для государств в сфере сохранения и устойчивого использования биоресурсов, однако в ней содержатся важные программные положения политико-правового характера, представляющие собой подтверждение и кон-

кретизацию положений КБР, касающихся вопросов передачи технологий.

Другой документ – Программа выполнения Повестки дня на XXI век, принятая в 1997 году, хотя и не содержит развернутых формулировок относительно такой формы МНТС, как исследования и разработки, но останавливается на ряде других важных форм, в частности, на передаче технологии. Так, п.п. с п. 66 «Биологическое разнообразие» указывается, что правительства и мировое сообщество при поддержке международных учреждений должны надлежащим образом способствовать передаче технологии, включая биотехнологию, развивающимся странам в соответствии с положениями Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 года (далее – КБР). В качестве связанного с передачей технологии направлений деятельности указаны: выделение новых и дополнительных финансовых ресурсов для реализации положений Конвенции (включая МНТС. – *М. III.*) (п.п. d), развитие международного сотрудничества в целях наращивания и укрепления национального потенциала, в том числе людских ресурсов, и создания учреждений (п.п. k).

В Плане выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.), на которой была поставлена задача значительного сокращения темпов утраты биоразнообразия, обращает на себя внимание п.п. f) п. 44 главы IV «Охрана и рациональное использование природной ресурсной базы экономического и социального развития». В нем предусматриваются меры по сохранению устойчивого использования биоразнообразия – обеспечение более активного предоставления финансовых ресурсов и передачи экологически чистых технологий развивающимся государствам и государствам с переходной экономикой. Отметим, что в п. 10 принятого на десятом совещании сторон КБР (Нагоя, Япония, 18–29 октября 2010 года) Стратегического плана КБР в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2010–2020 годы подчеркивалось, что степень эффективности выполнения сторонами КБР, являющимися развивающимися странами, своих обязательств по Конвенции во многом зависит от эффективности выполнения сторонами, являющимися развитыми странами, своих обязательств по предоставлению финансовых ресурсов и передаче технологии.

Если переходить к анализу КБР как ключевому международному договору, заложив-

шему наиболее полные основы международно-правового режима передачи технологий в интересах устойчивого развития, то уже в преамбуле договаривающиеся стороны признали, что из обеспечения доступа к технологии возникает перспектива расширения имеющихся в мире возможностей для решения проблемы утраты биоразнообразия. В статье 2 Конвенции под термином «технология» понимается биотехнология, определяемая в качестве любого вида технологии, связанного с использованием и биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов либо процессов с целью их конкретного использования. Из смысла приведенного определения следует, что технологии – необходимый инструмент как для научных исследований, так и для практических разработок. Однако в данном определении не раскрыты все области использования биотехнологии. Так, если обратиться к ст. 1 «Цели», то в качестве таковых выделяется сохранение биоразнообразия, устойчивое использование его компонентов, совместное получение на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов. При этом в качестве способов достижения указано предоставление необходимого доступа к генетическим ресурсам и надлежащая передача соответствующих технологий, а также обеспечение должного финансирования.

В настоящее время указанные способы достижения целей КБР представляют собой самостоятельные международно-правовые режимы. При этом из текста данной статьи не совсем понятно, относятся ли указанные способы ко всем целям или преимущественно к третьей. То, что передача технологии, обеспечение доступа к генетическим ресурсам, равно как и финансирование, являются способами достижения всех трех целей, свидетельствуют ст. 15 и 16. В этом случае важно, что в соответствии с буквой Конвенции они используются для сохранения биоразнообразия и его неистощительного потребления (ст. 6, 8, 9, 10), а также для совместного использования выгод от применения генетических ресурсов. Данные цели являются одновременно целями международной передачи технологий и соответствующего международно-правового режима.

Международно-правовой режим передачи биотехнологии, задаваемый целями Конвенции, направлен на регулирование отношений между сторонами, являющимися развитыми госу-

дарствами, обладающими современными приоритетными технологиями, и сторонами – развивающимися государствами, располагающими генетическими ресурсами и одновременно традиционными знаниями. Интересы развитых стран нашли свое отражение в ст. 15 «Доступ к генетическим ресурсам», а в ст. 16 «Доступ к технологии и ее передача» речь идет об интересах развивающихся государств.

Одновременно надо отметить, что в Конвенции рассматриваются не только технологии, которые являются результатом НТП (об этом свидетельствуют обязательства по проведению научных исследований и осуществлению разработок в ст. 12 и 18), но и традиционные знания и практики коренных и местных общин, позволяющие использовать полезные свойства биоресурсов в качестве технологий. Так, упомянутые в п. 4 ст. 18 местные и традиционные технологии также вписаны в международное научно-техническое сотрудничество и рассматриваются как служащие достижению целей Конвенции. Отсюда возникает вопрос: о передаче каких технологий говорит Конвенция? Именно ответ на этот вопрос позволяет понять весь объем международно-правового режима передачи технологий в аспекте проблематики биоразнообразия и достигаемый с его помощью уровень баланса интересов.

Первый слой проблематики передачи технологий и, соответственно, срез международно-правового режима передачи биотехнологии весьма выразительно представлен в положениях специальной ст. 16 «Доступ к технологии и ее передача», а также в связанных с ними положениями п. 2 ст. 19 «Применение биотехнологии и распределение связанных с ней выгод», а также п. 4 ст. 20 «Финансовые ресурсы», в которых поднимаются вопросы международных обязательств по передаче технологии развивающимся странам. Ясно, что здесь речь идет о передаче биотехнологии, являющейся результатом НТП, то есть современных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР), от развитых стран по линии «Север – Юг» развивающимися, не обладающим научно-техническим потенциалом для создания такой технологии.

В частности, в п. 1 ст. 16 подтверждается, что доступ к технологии и ее передача между договаривающимися сторонами являются важными элементами достижения целей Конвенции. Далее сформулировано обязательство о том, что «каждая договаривающаяся сторона

обязуется в соответствии с положениями настоящей статьи предоставлять и (или) облегчать Другим Договаривающимся сторонам доступ к технологии, которые имеют отношение к сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия, или предполагают использование генетических ресурсов и не наносят существенного ущерба окружающей среде, а также передачу им таких технологий». Разумеется, здесь необходимо внести уточнение, которое корректирует указанный первый слой международно-правового режима. В частности, термин «каждая» не должен интерпретироваться буквально, поскольку здесь имеется в виду каждая сторона, которая располагает такими технологиями. Примечательно, что в настоящее время к таковым относятся не только развитые страны, но и государства с переходной экономикой, достигшие существенных успехов в научно-технических разработках и участвовавшие по линии сотрудничества «Юг – Юг».

Тем не менее если далее исходить из представленной схемы, наглядным образом свидетельствующей о технологическом разрыве, но отражающей, как показано выше, лишь часть реального положения дел и часть всего объема рассматриваемого международно-правового режима, то она все же предполагает равноправную и справедливую по своему замыслу модель обмена: предоставление технологий, позволяющих более эффективно и неистощительно использовать генетические ресурсы, обнаруживать их новые свойства и получать на их основе новые продукты и процессы, с одной стороны, и предоставление доступа к генетическим ресурсам, традиционно используемым на основе знаний и практик коренных народов, с другой. В результате две группы договаривающихся сторон изначально находятся в равном положении, так как они располагают значимыми благами, подлежащими обмену. Одновременно они обладают установкой обмениваться своими ресурсами – технологическими, возможными благодаря высокому научно-технологическому потенциалу, и, соответственно, генетическими, возможными благодаря природному фактору, а также формируемыми веками традиционными знаниями и практиками.

В подтверждение исходной ситуации равноправного обмена приведем положение п. 3 ст. 16, где говорится о том, что каждая договаривающаяся сторона «принимает надлежащие законодательные, административные или по-

литические меры с тем, чтобы договаривающимся странам, особенно тем, которые являются *развивающимися странами, предоставляющим генетические ресурсы* (курсив мой. – М. Ш.), обеспечивался доступ к технологии, предполагающей использование данных ресурсов, и передавалась технология на взаимно согласованных условиях». В тесной связи с данным положением находится положение п. 2, предусматривающего обязательство обеспечивать и(или) облегчать доступ к технологии и ее передачу развивающимся странам на справедливых и наиболее благоприятных условиях, в том числе на льготных и преференциальных, если достигнута взаимная договоренность, и, когда это необходимо, в соответствии с механизмом финансирования, созданным согласно ст. 20 и 21.

Представляется, что международно-правовой режим передачи технологий является составной частью предполагаемого справедливо-го обмена технологиями и генетическими ресурсами в целом, включающей в себя механизмы доступа к ним. Поэтому передача технологий развивающимся странам, направленная на достижение целей Конвенции, не может рассматриваться как некий акт благотворительности. В качестве такого акта не может рассматриваться и предоставление генетических ресурсов.

С нашей точки зрения, предоставление технологий развивающимся странам – это не только право, сколько обязанность развивающихся государств, а также других договаривающихся сторон, которые располагают такими технологиями. Указанной обязанности соответствует право развивающихся государств на технологии, являющиеся результатами НИОКР. В данном случае возникает принципиальный вопрос о фундаментальных основаниях права договаривающихся сторон, не располагающих технологиями, на доступ к подобному рода технологиям. Ясно, что рассматриваемое право не возникает только исходя из положения п. 1 ст. 16. Более существенным основанием является право человека и народов на науку, предусмотренное п.п. б п. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Одновременно с этим возникает и вопрос о праве развитых государств на доступ к генетическим ресурсам и традиционным знаниям. В первом случае данное право обусловлено тем, что генетические ресурсы, хотя и находятся под юрисдикцией государств, располагающих ими, но в силу того, что они являются

глобальными благами, на определенных условиях могут предоставляться заинтересованным странам. В итоге право одних сторон на доступ к технологиям как социальным благам коррелирует праву других сторон на доступ к генетическим ресурсам, также являющимся социальными благами. При этом возникает вопрос о том, что если договаривающиеся стороны, располагающие соответствующими технологиями, обязаны обеспечить доступ к ним на справедливых и благоприятных условиях, то должны ли развивающиеся страны предоставлять доступ к своим генетическим ресурсам? С нашей точки зрения, ввиду того, что развивающиеся страны являются уязвимыми по сравнению с развитыми, то они должны рассматриваться как стороны, обладающие правом, но не как обязанные стороны.

Из вышесказанного следует, что международно-правовому режиму регулирования передачи технологии коррелирует международно-правовой режим доступа, основы которого были заложены в КБР. Пункт 1 ст. 15 «Доступ к генетическим ресурсам» подтверждает суверенные права государств на свои природные ресурсы и проистекающее отсюда право правительств определять доступ к генетическим ресурсам и регулировать его национальным законодательством. В пункте 2 закреплено обязательство сторон создавать условия для облегчения доступа к своим генетическим ресурсам (стороны происхождения) в целях экологически безопасного использования другим договаривающимся сторонам и не налагать ограничений, которые противоречат целям Конвенции.

Если далее конкретизировать указанный выше обмен, то можно выделить другие его характерные черты. Так, следует указать на то, что для данного режима характерен акцент не только на обмене «услугами» предоставления доступа к генетическим ресурсам на основе предварительного обоснованного согласия и к технологиям, но и акцент на содействие коренному изменению той ситуации, при которой развитые страны позиционируются как технологические доноры, а развивающиеся – исключительно как реципиенты. В качестве мер изменения такого положения предусматривается вовлечение развивающихся стран в МНТС (ст. 12 «Исследования и подготовка кадров», ст. 18 «Научно-техническое сотрудничество»). Помимо проведения совместных исследований в отношении генетических ресурсов, которые были предоставлены развивающимися государ-

ствами (п. 6 ст. 15, п. 1 ст. 19), предусматривается совместная разработка данных технологий (п. 4 ст. 16, п.п 4 и 5 ст. 18) и далее – совместное использование результатов исследований и разработок на справедливой и равной основе, к числу которых также, безусловно, относится технология (п. 7 ст. 15), включая местные и традиционные технологии (п. 4 ст. 18).

В любом случае выполнение обязательств по передаче технологий и обеспечению доступа к ним, предполагающее финансовые инвестиции и формирование кадрового потенциала в целом, сопряжено с определенными трудностями, связанными с тем, что технологии как результаты НИОКР являются зачастую охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, хотя, если исходить из контекста Конвенции, передаваемые технологии могут быть не только проприетарными, но и непроприетарными. В то же время в Конвенции задаются новые ориентиры дальнейшего развития международной системы защиты прав интеллектуальной собственности (далее – ИС) в случае передачи проприетарных технологий, что свидетельствует об актуальности вопроса о вертикальном соотношении международного экологического права и международного права в сфере охраны прав ИС [9, p. 138]. Так, в п. 1 ст. 16 говорится о том, что в том случае, если технологии обусловлены патентами и другими правами ИС, то такой «доступ и передача обеспечиваются на условиях, которые учитывают достаточно эффективную охрану прав ИС и соответствуют ей. Настоящий пункт применяется в соответствии с пп. 3, 4 и 5 ниже». Представляется, что эффективность в этом случае должна рассматриваться не как высокий уровень защиты, отвечающий интересам исключительно правообладателей, но как такой уровень, обеспечивавший передачу технологии, которая, в свою очередь, содействовала бы достижению целей Конвенции. О передаче проприетарной технологии на взаимно согласованных условиях говорится также в п. 3 ст. 16 с учетом ст. 20 и 21, посвященных в том числе финансированию передачи технологии.

Примечательно, что стороны также взяли на себя обязательство по п. 4 ст. 16 принять соответствующие законодательные, административные или политические меры с тем, чтобы частный сектор облегчал доступ к технологиям, поощрял их совместную разработку и последующую передачу в интересах как пра-

вительственных организаций, так и частного сектора в развивающихся странах. Очевидно, что и в этом случае затрагиваются вопросы соблюдения и защиты прав ИС.

В свете вышесказанного большое значение имеет п. 5 ст. 16, говорящий о том, что Стороны исходят из того, что патенты и иные права на ИС могут оказывать влияние на осуществление Конвенции. Из этого проистекает обязательство по сотрудничеству в этой области, регулируемое национальным законодательством и нормами международного права, с целью обеспечения того, чтобы эти права способствовали и не противоречили ее целям. Сформулированные положения свидетельствуют о наличии серьезной проблемы корреляции между международным экологическим правом и общемировой системой защиты прав ИС. В настоящее время серьезным барьером по выполнению международных обязательств по передаче биотехнологий выступает, с одной стороны, высокий уровень патентной охраны технологий, а с другой – недостаточная развитость национальных систем защиты прав ИС на уровне национальных законодательств развивающихся стран. И, наконец, один из барьеров – разнонаправленность интересов, свойственных данным группам стран в области охраны интеллектуальной собственности.

Если говорить о втором срезе международно-правового режима передачи технологий, то, как мы указали, развивающиеся страны очень разнообразны: это и наименее развитые страны, и развивающиеся страны, которые приобрели статус государств с переходной экономикой, достигнув значимых экономических и научно-технических успехов. В настоящее время дополнением траекториям передачи технологии «Север – Юг» и «Юг – Юг» становится направление «Юг – Север», которое достаточно ясно прослеживается на примере современных потоков технологий, например из Китая, что расширяет объем анализируемого международно-правового режима. Однако это происходит не только благодаря подъему уровня НИОКР в ряде государств с переходной экономикой, от которых международное сообщество ожидает более активных действий по их позиционированию в качестве доноров развития – не только в качестве финансовых, но и технологических, но и благодаря возможности более активного обеспечения со стороны развивающихся стран доступа развитых государств к своим знаниям и традиционным технологиям. В последнем случае они

выступают своеобразными «двойными» донорами, так как составной частью международно-правового режима доступа к генетическим ресурсам является возможность получать традиционные знания и технологии, позволяющие выделить полезные свойства данных ресурсов.

В этом плане развивающиеся страны обладают потенциалом, который не позволяет говорить о них как о реципиентах современных технологий. Ценность традиционных знаний, которые понимаются как «знания как», состоит в том, что они могут быть основой для современных технологических инноваций и изобретений, в которых заинтересованы научные и предпринимательские круги развитых государств. Если говорить о различиях между технологиями и традиционными знаниями, то они заключаются не только в том, что первые являются результатом НТП, а вторые – нет, но и в том, что технологии – это охраняемый результат интеллектуальной деятельности, интегрированным в существующий режим охраны прав ИС, тогда как режим правовой охраны традиционных знаний с трудом вписывается в конструкции прав ИС. Режим защиты традиционных знаний в настоящее время находится в процессе становления. Данное обстоятельство, а также высокий уровень защиты прав на передаваемые технологии не позволяют характеризовать существующий международно-правовой режим передачи технологий в его широком понимании как эффективный и сбалансированный.

Тем не менее Конвенция, как мы уже видели, предусматривает обязательства, которые позволяют повысить его эффективность. К одному из направлений относятся меры, предусмотренные в п. j ст. 8, посвященной сохранению экосистемного биоразнообразия. В частности, сюда относятся меры по поддержанию тех знаний, нововведений и практики коренных народов и местных общин, которые могут быть полезны для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. Как показывает практика, на управляемых общинами территориях сохранность генетических ресурсов гораздо выше, чем на территориях, регулируемых правительствами [10, с. 40]. Вполне можно говорить о том, что указанные меры, безусловно, требующие конкретизации, выступают неким противовесом для возможного нового витка технологической зависимости развивающихся государств от развитых стран, поскольку традиционные знания и технологии,

будучи вовлечены в русле НИОКР, способны раскрыть свой потенциал. Помимо этого, развивающиеся страны вступают в научно-техническую кооперацию с развитыми государствами, уже обладая определенным, хотя и специфическим, потенциалом.

Здесь также необходимо учитывать и еще один нюанс. Известно, что устойчивое развитие предполагает еще и четвертое – культурологическое измерение. В этом контексте переход на исключительно современные технологии в целях сохранения и использования биоразнообразия может подорвать отмеченную самобытность местных общин и коренных народов. Поэтому весьма актуальным является предусмотренное в п. с ст. 10 обязательство договаривающихся государств по сохранению и поощрению традиционных способов использования биологических ресурсов «в соответствии со сложившимися культурными обычаями, которые совместимы с требованиями сохранения или устойчивого использования». Безусловно, данное обязательство адресовано не только развивающимся, но и развитым странам.

Между тем международное сообщество далеко от идеализации буквально всех традиционных технологий, поскольку их внушительная часть, например технологии вылавливания морских генетических ресурсов, являются истощительными. Поэтому, как бы они не были связаны с традиционным образом жизни, от них необходимо отказываться при одновременной модернизации тех общеизвестных технологий, которые обладают потенциалом для решения задач сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. Возможности данной модернизации открывает МНТС, тем не менее несущее риски для данных технологий в силу отсутствия на международном уровне безукоризненной системы их защиты. С данным достаточно сложным вопросом тесно связана проблема распределения прав ИС в процессе предусматриваемых КБР совместных исследований и разработок в сфере технологий и генетического материала.

Важнейший вклад в совершенствование международно-правового режима передачи технологии в рассматриваемом секторальном срезе устойчивого развития внес Нагойский Протокол 2010 года к КБР. Необходимо отметить, что цель его совпадает с третьей целью КБР. Так, в ст. 1 устанавливается, что Протокол направлен на «обеспечение совместного использования на справедливой и равной ос-

нове выгод от применения генетических ресурсов, в том числе путем обеспечения надлежащего доступа к генетическим ресурсам и надлежащей передачи соответствующих технологий, учитывая права на данные ресурсы и на технологии, и путем надлежащего финансирования, содействуя таким образом сохранению биологического разнообразия и устойчивому использованию его компонентов». Тем не менее Протокол «специализируется» на вопросах доступа к генетическим ресурсам, регулируемых ст. 15 КБР, а также совместного использования выгод. На это прямо указывается в ст. 3 «Сфера действия», определяющей, что Протокол применяется к генетическим ресурсам в рамках сферы действия ст. 15 Конвенции «Доступ к генетическим ресурсам» и к выгодам от использования таких ресурсов.

В результате в его фокусе находится режим доступа к генетическим ресурсам, которые, как мы уже показали, тесно связаны с доступом к традиционным знаниям и практикам, о чем свидетельствует второе предложение ст. 3 о том, что Протокол также применяется к традиционным знаниям, которые связаны с генетическими ресурсами, в рамках сферы действия Конвенции и к выгодам от их применения. В Протоколе, выступающим инструментом для осуществления положений Конвенции о доступе к генетическим ресурсам, содержится большее количество специальных положений, включая положения преамбулы, затрагивающие режим традиционных знаний (ст. 7, 12). Вопросы передачи технологии в смысле ст. 16 КБР, равно и вопросы МНТС, не являются для него главными, однако рассматриваются, так как передача технологии обозначена как *средство* ее достижения. Следуя подходу, закрепленному в КБР, преамбула Протокола закрепляет признание важного вклада передачи технологий и технологического сотрудничества в устойчивое развитие для создания исследовательского и новаторского потенциала в целях добавления ценности генетическим ресурсам в развивающихся странах в соответствии со ст. 16 и 19 Конвенции. Данное положение воспроизводится в п.п. g п. 5 ст. 22 «Потенциал», где говорится о передаче технологии и создании инфраструктуры и технического потенциала для обеспечения *устойчивости* такой передачи в качестве направления взаимодействия, нацеленного на формирование потенциала.

В целом в Нагойском Протоколе внимание акцентируется на надлежащей передаче тех-

нологий, связанных с использованием живых систем в целях противодействия изменению климата и ведения сельского хозяйства. Обязательствам поощрения передачи технологий посвящена ст. 23 «Передача технологии и технологическое взаимодействие и сотрудничество», касающаяся содействия развивающимся государствам в обеспечении доступа к ним, особенно наименее развитым и малым островным государствам. При этом речь идет не просто о передаче биотехнологии, но и о привлечении развивающихся государств, как это также предусмотрено КБР, к ее разработке.

Вполне очевидно, что международно-правовой режим передачи технологий должен оцениваться в категориях справедливости и равенства, которые выступают одновременно и его принципами, поскольку передача технологии, как и режим доступа к генетическим ресурсам, рассматривается в ст. 1 КБР в качестве способа достижения целей, в том числе совместного получения и использования благ на справедливой и равной основе от применения генетических ресурсов. Отметим, что указанный принцип выступает в качестве принципа-цели, показывающего *как и на каких основаниях* будет использоваться технология.

В подтверждение моделируемого справедливого режима передачи технологии укажем, что совместное использование выгод от использования благ, связанных с генетическими ресурсами, является не только результатом режима обеспечения доступа к генетическим ресурсам, предполагающего последующее совместное пользование ими, но и итогом передачи технологии, предполагающим совместное пользование на равной и справедливой основе выгодами от применения технологий. На это указывает ст. 19 «Применение биотехнологии и распределение связанных с ней выгод». С нашей точки зрения, в ней совершенно не раскрываются данные выгоды, а поэтому она является дефектной, хотя и содержит очень важные положения, относящиеся к другим тематическим направлениям сотрудничества. При этом указанные выгоды выступают для развивающихся стран возможностью формирования жизнеспособного научно-технического потенциала, позволяющего не только сохранять, но и рационально использовать биоразнообразие, в том числе раскрывать новые полезные свойства генетического материала и возможностей его использования, что влечет за собой укрепление социально-экономическо-

го потенциала и решения проблем голода и бедности. Думается, что бенефициарами также являются и развитые государства в плане открытия и дальнейшего использования новых полезных свойств генетических ресурсов.

Таким образом, есть все основания говорить о принципе совместного пользования выгод от применения современных и традиционных технологий и знаний. Об этом достаточно ясно свидетельствует п. j ст. 9 Конвенции, включившей обязательство поощрять совместное пользование на справедливой основе выгодами, которые вытекают из применения таких знаний, нововведений и практик. Данное положение повторяет положение преамбулы о совместном пользовании на справедливой основе выгодами, хотя и не раскрывает их. С нашей точки зрения, здесь в качестве бенефициара уже выступают развитые государства в лице их контрагентов.

В Нагойском Протоколе, так же как и в Конвенции, речь идет о совместном использовании выгод от применения традиционных знаний на основе типовых договорных положений (ст. 12 Протокола), сочетающихся с совместным использованием выгод от применения технологий. Хотя Протокол и не раскрывает перечень данных выгод, его преимуществом является то, что он включает Приложение, в котором расписаны разновидности выгод (денежных и неденежных) от доступа к генетическим ресурсам и совместного использования благ от их применения. Не вызывает сомнения то, что данные выгоды – это обещания стран развитых развивающимся государствам в случае более активного предоставления со стороны последних принадлежащих им генетических ресурсов. Обращает на себя внимание тот факт, что здесь прослеживаются выгоды, имеющие непосредственное отношение к МНТС и его формам, включая передачу технологии (совместное владение правам ИС; передачу на справедливых и наиболее благоприятных условиях поставщику генетических ресурсов, в том числе когда это согласовано на льготных и преференциальных условиях знаний и технологий, связанных с использованием генетических ресурсов, в том числе биотехнологию, или актуальных для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия; укрепление потенциала в сфере передачи технологии сторонам-пользователям, которые являются развивающимися странами, и сторонам, представленными госу-

дарствами с переходной экономикой; разработку технологий в странах происхождения, которые предоставляют генетические ресурсы; развитие возможностей коренных и местных общин в области сохранения и устойчивого использования их генетических ресурсов; выгоды для развития научных исследований и разработок). Между тем, как думается, на практике распределение выгод всегда будет в пользу контрагентов из развитых стран.

В заключение проведенного исследования следует подчеркнуть, что эффективность рассмотренного международно-правового института, которая выражается в достижении целей международных соглашений по биоразнообразию, зависит от политической воли догово-

ривающихся государств к согласованию интересов в сфере международного научно-технического сотрудничества, его финансирования, а также доступа к генетическим ресурсам. Одновременно с этим передача современных биотехнологий должна не вытеснять традиционные знания и технологии в сфере сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, а дополнять их. В связи с этим повышается актуальность интеграции процесса выполнения соответствующих международных обязательств в рамки Стратегического плана по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия на 2011–2020 годы, а также активизации деятельности конвенционных и внесконвенционных механизмов.

Литература

1. Павлов Д. С., Букварева Е. Н. Биоразнообразие и жизнеобеспечение человечества // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 11.
2. Шайдуллина А. А. О системе источников международного экологического права, регулирующих сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия // Евразийский юридический журнал. 2011. № 8.
3. Murphy S. Principles of International Law. St. Paul, 2006.
4. Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право. М., 2007.
5. Gillespie A. Conservation, biodiversity and international law: new horizons in environmental and energy law. Northampton, 2012.
6. Вылегжанин А. Н. Биоразнообразие морской среды и международное право // Государство и право. 2001. № 3.
7. Бекяшев Д. К. Международно-правовые проблемы сохранения устойчивого использования морского биоразнообразия в открытом море // Международное право в XXI веке: мир и безопасность, сотрудничество, права человека. М., 2016.
8. Бекяшев Д. К., Бекяшев К. А. Рыболовство и сохранение морского биоразнообразия в открытом море: проблемы и перспективы международно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4.
9. Shugurova I. V., Shugurov M. V. International technology transfer: controversial global policy issues // Environmental law and policy. 2015. Vol. 45 (3/4).
10. Глобальные перспективы в области биоразнообразия-3. Монреаль, 2010.

Bibliography

1. Pavlov D. S., Bucvareva E. N. Biodiversity and the life support of mankind // Herald of Russian academy of sciences. 2007. Vol. 77. № 11.
2. Shaydullina A. A. On the system of sources of international environment law regulating the conservation and sustainable development of biodiversity // Eurasian law journal. 2011. № 8.
3. Murphy S. Principles of international law. St. Paul, 2006.
4. Kopylov M. N. Introduction to international environment law. Moscow, 2007.
5. Gillespie A. Conservation, biodiversity and international law: new horizons in environmental and energy law. Northampton, 2012.
6. Vylegzhanin A. N. Biodiversity of marine environment and international law // State and law. 2001. № 3.
7. Bekyashev D. K. International legal problems of conservation of sustainable exploitation of marine biodiversity in mare liberum // International law in XXI century: peace and security, cooperation, human rights. Moscow, 2016.
8. Bekyashev D. K., Bekyashev K. A. Fishing and conservation of marine biodiversity in mare liberum problems and perspectives of international legal regulation // Eurasian law journal. 2016. № 4.
9. Shugurova I. V., Shugurov M. V. International technology transfer: controversial global policy issues // Environmental law and policy. 2015. Vol. 45 (3/4).
10. Global perspectives in the field of Biodiversity-3. Montreal, 2010.

Игонина Надежда Александровна
Igonina Nadezhda Aleksandrovna

заведующая отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук.

Head, Department of Scientific Research Institute, Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation, PhD in Law.

E-mail: igonadezhda@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЗАКОННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЧАСТЬ 2)

The question of the status of legality in the social sphere (part two)

Данная статья является продолжением одноименной статьи, опубликованной во втором номере журнала «Философия права» за 2017 год. В обоснование теории развивающегося права, предложенной профессором Ю. А. Тихомировым, в которой законность представлена как мера действия закона, автором раскрываются составные части механизма обеспечения законности в социальной сфере через качество действующего законодательства в социальной сфере, правоприменение (комплексную реализацию законов и иных нормативных правовых актов), правосознание и контрольно-надзорную деятельность государства.

Ключевые слова: качество закона и результаты реформирования социальной сферы, социальные права человека, меры социальной поддержки граждан, предложения по совершенствованию социального законодательства.

Нормативно-правовые рычаги позволяют напрямую влиять на характер общественных отношений, корректировать их, обеспечивать реализацию прав человека. Роль и значение такого регулирования в социальной сфере настолько велики, что зачастую качество жизни людей находится в прямой зависимости от проработанности закона и точности его исполнения. Своевременность принятия закона, регламентирующего социальные отношения, позволяет минимизировать риски неправомерных действий, социальных волнений и даже социального хаоса. Особенно важным представляется оперативное принятие блока коррелируемых правовых актов, быстрая и правильная реакция законодателя при появлении рисков в правовой сфере*.

Specified scientific work is a continuation of an article published in the journal «Philosophy of law» №2 for 2017. In support of the theory of the developing law, proposed by Professor Y. A. Tikhomirov, in which the legality of measure of the law, the author reveals part of the mechanism ensuring the rule of law in the social sphere: the quality of existing legislation in the social sphere, enforcement (comprehensive implementation of laws and other normative legal acts), legal awareness, control and Supervisory activities of the state.

Keywords: quality of the law and the results of reforming of social sphere, social human rights, measures of social support of citizens, proposals to improve the «social» legislation.

В качестве примера государственного регулирования социальных отношений можно привести законодательные меры, принимаемые в России, США, Великобритании, Казахстане, Китае в целях оказания прямой либо косвенной материальной поддержки наиболее социально уязвимых категорий граждан в период глобального финансово-экономического кризиса 2007–2010 годов, не оценивая их эффективности [2, с. 15–22].

Обратимся к недавнему российскому опыту выхода из глобального финансово-экономического кризиса 2008 года. Так, финансовая поддержка наиболее социально уязвимых категорий граждан нашла выражение в следующих федеральных законах: от 22.12.2008 № 270-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О страховании

* Классификация рисков предложена проф. Ю. А. Тихомировым в работе «Как обеспечить законность? Новый подход» [1].

вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»», которым предусматривались меры, направленные на защиту прав вкладчиков; от 25.12.2008 № 288-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”», закрепляющего право семей распорядиться средствами материнского капитала до истечения ранее установленного 3-летнего срока его ожидания, и другие.

В США, например, приняты меры, ориентированные на поддержку домовладельцев. Так, в марте 2009 года запущена Программа по обеспечению доступности жилья, одна из подпрограмм которой направлена на поддержку домовладельцев, добросовестно обслуживающих свои ипотечные кредиты. В результате около 4 млн домовладельцев смогли рефинансировать жилищные кредиты, а около 1 млн получили возможность снизить платежи по кредитам в среднем на 500 долларов в месяц. Принимались и иные программы [3, с. 36].

В Великобритании в ходе рецессии 2009 года в законодательство внесли изменения, касающиеся двух налогов, затрагивающих баланс доходов и расходов населения. По подоходному налогу были установлены дополнительные налоговые вычеты для налогоплательщиков с уровнем годового дохода до 50 тыс. фунтов. В противоположность этому с 2010 года сокращены налоговые вычеты у тех, чей совокупный доход составляет 100 тыс. фунтов, и введена повышенная ставка подоходного налога для тех налогоплательщиков, чей годовой доход превысил 150 тыс. фунтов. Она составила 50 %, что в 2,5 раза превышает минимальную ставку налога (20 %) [3, с. 53].

Правительство Республики Казахстан впервые использовало средства Национального фонда (19 млрд долларов) для поддержания как слабеющей экономики, так и решения проблем обманутых дольщиков, лиц, взявших ипотечные кредиты. Фактов незаконного использования средств Национального фонда не было допущено. Пенсии, пособия из государственного бюджета и социальные выплаты из Государственного фонда социального страхования Республики Казахстан являлись «защищенными статьями» и выплачивались своевременно. Например, социальные выплаты по утрате трудоспособности и потере кормильца из Государственного фонда социального стра-

хования Республики Казахстан в 2010 году даже были повышены на 9 % [4].

В Китае были предприняты системные меры социальной поддержки наиболее уязвимых категорий граждан: первоначальные меры по поддержанию народного благосостояния (Минфин Китая, 22 октября 2008 г.), которые предусматривали поддержку студентов из семей, испытывающих финансовые затруднения; поддержку студентов из семей, пострадавших от Сычуанского землетрясения, специальные субсидии (40 юаней в мес.) для студентов из семей, испытывающих финансовые трудности; снижение налогов, связанных с приобретением жилья (первого дома площадью менее 90 кв. м.); предоставление жилья малообеспеченным городским жителям и другие.

Качество действующего законодательства в социальной сфере

Текущая пятилетка в России (2011–2016 годы) ознаменована революционными преобразованиями в социальной сфере. Принятая в 2006 году в ООН Конвенция о правах инвалидов, ратифицированная Российской Федерацией в мае 2012 года, задавала новый вектор развития социальной политики, ориентированной на интеграцию человека с ограниченными возможностями здоровья в общество с рождения. Принят Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающий создание условий для получения образования данной категорией граждан.

Важное значение имеет Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», заложивший правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания граждан в Российской Федерации, во исполнение которого субъектами Российской Федерации принимаются законы о социальном обслуживании граждан, устанавливаются перечни социальных услуг, разрабатываются программы поддержки.

Приняты и другие важные законы, в том числе Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», определивший правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья. КоАП РФ дополнен ст. 6.30,

устанавливающей ответственность за оказание платных медицинских услуг без информирования граждан о возможности их получения бесплатно.

Главными реформами последних лет в социальной сфере стали преобразования в жизни детей-сирот, онкологических и паллиативных больных. В частности, постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 года № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», вступившее в силу с 1 сентября 2015 года, которое эксперты называют революционным [5], явилось мощным рычагом в механизме социализации, интеграции детей-сирот в общество через формирование условий, максимально приближенных к семейным. Постановление содержит следующие требования: численность групп – не больше 6–8 разновозрастных детей, как в семье; стабильный небольшой состав взрослых-воспитателей, находящихся в конкретной группе.

С вступлением в силу с 30 июня 2015 года Федерального закона от 31 декабря 2014 года № 501-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О наркотических средствах и психотропных веществах”» изменился подход к обезболиванию пациентов. Согласно данному акту рецепт на наркотические препараты теперь действует не 5, а 15 дней, и родственникам больного уже не нужно сдавать использованные ампулы и пластыри, чтобы получить новые, расширен список организаций, наделенных полномочиями по отпуску обезболивающих препаратов.

Учитывая приведение федерального законодательства в соответствие с международными нормами и требованиями, нормативное закрепление процедур, облегчающих оказание медицинских услуг гражданам, страдающим серьезными заболеваниями, создание правовой основы для максимальной адаптации детей к семейным условиям, можно сделать вывод о том, что качество правового регулирования в социальной сфере по сравнению с периодом первого десятилетия двухтысячных годов в России заметно улучшилось. Вместе с тем нельзя не указать на серьезные законодательные просчеты, возникшие ввиду ликвидации ряда важнейших социальных гарантий и льгот, являющихся

ся достижениями СССР и не восстановленных в полной мере до настоящего времени.

Так, установленная ст. 33 закона Российской Федерации от 19.02.1993 № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и ст. 325 ТК РФ норма о порядке компенсации оплаты стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно лицам, работающим в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях для сотрудников организаций, финансируемых из федерального бюджета и за счет бюджетных средств [6], приводит к невозможности реализации данной гарантии для работников иных компаний. Согласно ст. 325 ТК РФ остальные работодатели с 01.01.2005 должны устанавливать такие гарантии самостоятельно, соответственно, за счет собственных средств, что практически не делается. В целях обеспечения равенства прав работников, вне зависимости от формы собственности и финансирования организации, необходимо установить норму, предусматривающую для работников Крайнего Севера размеры, порядок и условия компенсации расходов на оплату проезда в отпуск и обратно и работника, не ниже предоставляемых работникам организаций, финансируемых из федерального бюджета, за счет бюджетных средств соответственно, всех уровней бюджетной системы.

Многочисленные жалобы жителей отдаленных территорий вызывает так называемая «оптимизация» системы здравоохранения. Изменения в действующее законодательство об основах охраны здоровья, не подкрепленные методологическими рекомендациями со стороны Минздрава России, приводят к нарушениям прав сельских жителей и населения северных территорий, именно поэтому ряд законодательных актов в сфере здравоохранения подлежит «реконструированию». В частности, нормы ст. 33 Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливающие порядок оказания первичной медико-санитарной помощи лишь в амбулаторных условиях и в условиях дневного стационара, без возможности ее оказания в круглосуточном стационаре, по информации прокуроров фактически повлекли недоступность медицинской

помощи для жителей Крайнего Севера и территорий, приравненных к ним*.

Так, в связи с законодательными изменениями в Республике Саха (Якутия) с 2012 года финансирование из федерального бюджета участковых больниц в небольших поселках было прекращено, в результате чего около трети жителей республики практически оказались лишенными возможности получения первичной медико-санитарной помощи, однако в Якутии 94 % населенных пунктов относятся к категории малонаселенных, труднодоступных и отдаленных, 92 % территории находится в зоне сезонного транспортного обслуживания, в части районов вообще отсутствуют дороги, систематически из-за нелетной погоды месяцами откладываются авиарейсы. Учитывая региональные особенности – огромную территорию, сложную транспортную схему, в Якутии не закрыли 150 малокомплектных больниц на более 1000 коек, которые функционируют в настоящее время в 143 труднодоступных и малочисленных населенных пунктах. Стационарную медицинскую помощь в них получают около 200 тыс. чел. (20 % населения республики). На финансирование этих медицинских организаций из регионального бюджета республики ежегодно выделяется 4,5 млрд руб. [8, с. 158].

Данный субъект Российской Федерации сумел решить проблему за счет собственных бюджетных средств. Однако в регионах, бюджеты которых дефицитны, проблема отсутствия первичной медико-санитарной помощи в условиях круглосуточного стационара по-прежнему носит острый характер, сельские больницы либо жизненно необходимые отделения не функционируют.

Предложения по совершенствованию законодательства в социальной сфере

Несмотря на огромную работу, проделанную законодателем в социальной сфере, следует констатировать факт отсутствия действенных рычагов правового регулирования, позволяющих осуществлять системную поддержку социально уязвимых категорий граждан, именно тех из них, которым особенно тяжело, кто действительно нуждается в помощи [9], что в первую очередь требует законодательного опреде-

ления понятия и круга лиц, нуждающихся в социальной поддержке, четкого обозначения ее мер, форм, в качестве которых предлагаются (в качестве примера) следующие меры:

а) направление адресной целевой помощи – субсидий из бюджетов физическим лицам указанных категорий, в том числе на основании законов и бюджетных – государственных программ (ст. 78, 179 БК РФ).

К примеру, для безработных при наличии целевых программ обеспечения занятости может выплачиваться единовременная субсидия для проезда к новому месту работы в другом регионе (если гражданину предложено рабочее место).

Основным источником финансирования данных мероприятий должны являться бюджетные средства, а также средства частного бизнеса, социальная ответственность которого в социальном государстве безусловна. Наиболее приемлемым способом финансирования будут бюджетные целевые программы либо бюджетные программы, основанные на принципах государственно-частного партнерства;

б) предоставление налоговых послаблений путем снижения либо освобождения от налогового бремени.

Так, работающие малоимущие по общему правилу, на наш взгляд, должны полностью освобождаваться от уплаты налога на доходы физических лиц (получатели пенсий плательщиками такого налога не являются). Источником для предоставления налоговых преференций должны стать платежи по уплате НДФЛ лицами, имеющими доход выше среднего и высокий уровень дохода (по аналогии с Великобританией). К примеру, ставку НДФЛ 18 % процентов можно применять на доходы от 120 000 руб., а ставку в 25 % – на доходы свыше 400 000 руб. в месяц [2, с. 15–22].

Правоприменение: комплексная реализация законов и иных актов

Наличие даже самых совершенных законов не может оказать позитивного влияния на общественные отношения и состояние законности, если в этом процессе не задействованы механизмы их исполнения.

Неисполнение законов может быть обусловлено различными причинами, носящими

* По данным проблемам НИИ АГП РФ в 2016 году проводилось исследование «Проблемы обеспечения конституционных прав жителей периферийных и северных территорий средствами прокурорского надзора».

как объективный характер (социально-экономические, политические), так и субъективный (административное усмотрение). Последнее представляет собой активное проявление субъективного фактора в процессе правотворчества и правоприменения. Оценка целесообразности для применения общей нормы означает, прежде всего, понимание государственного и общественного интересов, которым служит чиновник [10]. Однако зачастую именно субъективный фактор в правоприменении способен минимизировать усилия законодателя, а неверные установки и непонимание государственных и общественных интересов способны разрушать социальные отношения, деформировать их, игнорируя, попирая права в социальной сфере.

К объективным причинам, не позволяющим должным образом исполнять законы в государстве, следует отнести отсутствие в бюджетах достаточных средств для социальной сферы, нарушения бюджетного законодательства. Как следствие, нарушаются важнейшие конституционные права российских граждан, в первую очередь, социально уязвимых категорий, на медицинское и социальное обеспечение, жилище, отдых, образование.

Так, кризис 90-х годов XX века, характеризующийся кризисом платежей, показывал неизменный рост нарушений прав граждан, нуждающихся в особой социальной защите, которые были связаны с несвоевременными выплатами пенсий, в том числе их перерасчетом, нарушением жилищных прав инвалидов, отказом в предоставлении льгот [14, с. 21], недофинансированием государственных и муниципальных организаций социальной направленности. Особенно болезненным являлось недофинансирование медицинских, образовательных организаций с круглосуточным пребыванием детей, социальных организаций для инвалидов и пожилых людей, которые зачастую были лишены самого необходимого.

Так, в психиатрической больнице Смирновского района Сахалинской области с 28 августа 1998 года фактически обеспечивалось только одноразовое питание. Известны случаи вынужденного голодания больных. В марте 1999 года СМИ рассказали об условиях жизни одного из детских учреждений, где проживали дети с психическими расстройствами. У большинства из них был выявлен

большой дефицит веса, например, девятилетняя девочка весила всего 6,4 кг, потеряв за 3 года свыше 11 кг [12, с. 316].

Безусловно, в 2010–2016 годы проблемы недофинансирования бюджетных организаций имелись, но не носили столь гипертрофированного и массового характера. В настоящее время неблагоприятную картину с реализацией конституционных прав на образование, здравоохранение в городах, на сельских территориях, проблемы с транспортным сообщением и снабжением необходимыми товарами показывают результаты комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Федеральной службой государственной статистики в 2014 и в 2016 годы (см. табл. 1) [13].

Из указанного следует, что базовые законы, регламентирующие социальные права, реализуются не в полной мере и с грубейшими нарушениями, в результате чего попираются ключевые конституционные принципы социального государства, страдает население: недоступными для значительной части детей продолжают оставаться услуги в сфере дошкольного образования, о нереализованной потребности в медицинской помощи говорит от четверти до трети опрошенного в рамках КОУЖ населения, с годами лишь усугубляются проблемы недоступности аптек, торговых точек, общественно-го транспорта, особенно на периферии.

Контрольно-надзорные действия

Забота о человеке, особенно о тех членах общества, которые в силу ограниченных возможностей оказываются неспособными обеспечить себе необходимый уровень жизни, становится приоритетной задачей на национальном и наднациональном уровнях в современном мире. Решение ее в России возложено на органы государственной власти и местного самоуправления, суды, правоохранительные органы, органы контроля и надзора, в том числе прокуратуру.

По данным фонда «Общественное мнение», первые четыре строчки списка защиты прав со стороны государства, по мнению населения, занимают Президент Российской Федерации, прокуратура, Конституционный суд Российской Федерации и полиция.

С учетом важной правозащитной роли, которую население отводит органам прокуратуры, остановимся на их деятельности в социальной сфере подробнее.

Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014–2016 годы

№ п/п	Обозначенная проблема	Сельское население		Городское население	
		2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.
1	Число опрошенных респондентов до 24 лет, которые не учатся ни в какой образовательной организации	5 %	5,3–5,4 %	3,8 %	3,9 %
2	Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере дошкольного и школьного образования	17,2 %	18,2 %	9,8 %	10,7 %
3	Время ожидания приезда скорой помощи составляет от 41 минут и до 1 часа	9,2 %	9,3 %	4,7 %	5,4 %
4	Время ожидания приезда скорой помощи составляет более 1 часа	4,5 %	2,7 %	2,2 %	1,6 %
5	Потребность в медицинской помощи	25,7 %	30,0 %	23,8 %	25,4 %
6	Не могут добраться до медорганизаций без посторонней помощи	5,2 %	7,2 %	2,7 %	4,1 %
7	Было тяжело добраться до медорганизаций	7,2 %	8,8 %	3,3 %	3,9 %
8	Необходимое лечение можно получить только на платной основе	12,4 %	11,0 %	+12,1 %	11,0 %
9	Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания	37,2 %	37,0 %	23,1 %	21,8 %
10	Большая отдаленность аптек	47,6 %	43,9 %	10,1 %	11,1 %
11	Большая отдаленность торговых точек	21,3 %	19,4 %	8 %	8,9 %
12	Плохая организация работы общественного транспорта	39,4 %	37,6 %	19,9 %	21,9 %

В настоящее время правозащитная функция органов российской прокуратуры, носящая публичный характер, пронизывающая все направления деятельности органов прокуратуры, наиболее развернуто реализуется в рамках прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, которому придаётся приоритетное значение.

Согласно данным прокурорской статистики по надзору за соблюдением прав человека и гражданина, ежегодно отмечается тенденция количественного увеличения числа выявляемых нарушений законов в сфере конституционных прав граждан.

Причем значительное число нарушений конституционных прав граждан, обусловленных отсутствием объектов социальной инфраструктуры в пределах доступности (дошкольных учреждений, школ, лечебных учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов, организаций торговли, организаций соцзащиты и др.), не позволяющих в полной мере получать продукты питания, предметы первой необходимости, качественное образование, квалифициро-

ванную медицинскую помощь, социальные услуги.

Результаты анкетирования 340 прокурорских работников приведены ниже (см. табл. 2) и указывают на множественные нарушения, связанные с закрытием образовательных организаций, сельских пунктов скорой помощи, родильных домов и иных социальных учреждений, обслуживающих взрослое население и детей.

В качестве приоритетных объектов прокурорской правозащиты выступают инвалиды, пенсионеры, престарелые и некоторые другие категории граждан, которые мы обозначили выше в качестве объектов государственной правозащиты. Следует отметить, что количество выявляемых прокурорами нарушений их прав на протяжении трех последних лет остается стабильно высоким.

Перечень объектов прокурорской правозащиты не статичен, он изменяется вследствие развития государства, происходящих в обществе процессов, явлений. Совершенствуются и правовые средства прокурорской правозащиты.

Результаты анкетирования прокурорских работников

№ п/п	Обозначенная проблема	Количество респондентов, указавших на проблему, в %
1	Закрытие образовательных организаций	23,2
2	Закрытие сельских пунктов скорой помощи	10
3	Закрытие родильных домов	8
4	Закрытие иных социальных учреждений, обслуживающих взрослое население и детей	11,8
5	Неоказание квалифицированной медицинской помощи	62,9
6	Необеспечение занятости	59,7
7	Необеспечение образования	19,1

Таблица 3

Нарушения прав социально незащищенных граждан

Нарушения	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2015 к 2016 гг., в %	Прирост за 3 года, в %
1. Пенсионного законодательства, охрана прав инвалидов и престарелых	109 444	126 095	109 356	-13,3	-0,1

Так, множественные пожары в стационарных организациях социального обслуживания для инвалидов и престарелых, особенно в 2010–2011 годы, сориентировали прокуроров на активизацию прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной защите инвалидов, при осуществлении которого внимание уделялось вопросам противопожарной безопасности.

В периоды кризисных явлений в экономике растет число нуждающихся в социальной защите лиц, объекты прокурорской правозащиты дополняются целыми социальными группами, трансформируются и правовые средства такой правозащиты. В качестве примера совершенствования правовых средств прокуратуры, имевших место в период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 годов, можно привести расширение полномочий прокурора по обращению в суд с заявлениями о защите социальных прав граждан (на труд, пенсионное обеспечение, охрану здоровья, материнства и детства, медицинскую помощь, образование, благоприятную окружающую среду, а также на жилище в государственном и муниципальном фондах) на

основании Федерального закона от 05.04.2009 № 43-ФЗ «О внесении изменений в статьи 45 и 131 ГПК РФ», увеличивших количество объектов гражданско-процессуальной правозащиты органов прокуратуры и оснований обращения прокуроров в суды с заявлениями по результатам общенадзорной деятельности.

Работа прокуратуры по защите социальных групп граждан может быть проиллюстрирована на примере защиты прав обманутых дольщиков. Так, события 1991–1994, 1998 года способствовали появлению нового способа нарушения прав добросовестных граждан, участвовавших за счет собственных средств в строительстве многоквартирных домов, вложивших деньги в строительство и не получивших жилья. К 2000 годам из таких граждан, число которых увеличивалось ежемесячно, сформировалась социальная группа, получившая название «обманутые дольщики». Надзор за соблюдением жилищных прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов, с середины 2000-х годов стал одним из приоритетных, а с 19.10.2012 на основании поручений Президента Российской Федерации работа по защите прав обманутых

дольщиков и надзор за соблюдением жилищных прав граждан в сфере долевого строительства жилья стали осуществляться на постоянной основе. При участии органов прокуратуры в результате принятых мер к настоящему времени удалось снизить число как проблемных объектов, так и обманутых дольщиков: количество таких объектов за пятилетие сократилось на 36,2 % (с 800 в 2010 году до 510 в 2015 году), а обманутых дольщиков – на 43,3 % (с 75 до 42,5 тыс.).

Подведем итоги проделанного анализа состояния законности в социальной сфере. Состояние законности – категория не статичная, а с течением времени ввиду различных факторов подвергающаяся изменениям. Базовыми категориями для анализа состояния законности можно определить: состояние и уровень

социально-экономических и политических отношений, в которых формируется право и которые пытаются урегулировать право; состояние (уровень, качество) законов и иных нормативных правовых актов; обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина; качество жизни; демографические процессы; наличие поддержки (уровень) наиболее социально уязвимых слоев населения со стороны государства, реализуемых в праве; исполнение законов и иных нормативных правовых актов; правонарушаемость; состояние государственного контроля и надзора в социальной сфере; уровень судебной защиты социальных прав граждан; правосознание населения; отношение к состоянию законности институтов гражданского общества.

Литература

1. Тихомиров Ю. А. Как обеспечить законность? Новый подход // Российское правосудие. 2016. № 8.
2. Игонина Н. А. Механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве в периоды кризисных явлений в экономике // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2.
3. Алексахенко С., Мирошниченко Д., Смирнов С., Чернявский А. Опыт других стран: есть чему поучиться // Экономическая политика. 2011. № 1.
4. Интервью с президентом акционерного общества «Государственный фонд социального страхования» (Республика Казахстан) Алмасом Мухаметкаримовичем Курмановым // Социальное и пенсионное право. 2014. № 2.
5. Алленова О. Если люди не являются носителями новой идеологии, то все наши реформы не будут работать. Каковы первые результаты реформы учреждений для детей-сирот? // Ж. Коммерсант. Власть. 2006. 23 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2989518>.
6. Чернова М. Б. Состояние современного законодательства в сфере гарантий и компенсаций лицам, проживающим в районах Крайнего Севера // Север промышленный. 2011. № 2. URL: <http://helion-ltd.ru/legislative-regulation-guarantees>.
7. Шибина А. В. Некоторые проблемы осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в сфере охраны здоро-

Bibliography

1. Tikhomirov Yu. A. How to enforce the law? A new approach // The Russian Justice. 2016. № 8.
2. Igonina N. A. Mechanisms to ensure the rights and freedoms of man and citizen in the welfare state in periods of crisis phenomena in the economy // Gaps in the Russian legislation. 2015. № 2.
3. Aleksashenko S., Miroshnichenko D., Smirnov S., Cherniavsky A. Experience of other countries has a lot to learn // Economic policy. 2011. № 1.
4. Interview with the President of joint-stock company «the State social insurance Fund» (Republic of Kazakhstan) Mukhametkarimovich Almas by karmanovym // Social and pension law. 2014. № 2.
5. Allenova O. If people are not carriers of a new ideology, all our reforms will not work. What are the first results of the reform of institutions for children-orphans // Businessman. Power. 2006. May 23. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2989518>.
6. Chernova M. B. The current State of legislation in the sphere of guarantees and compensations to persons living in the far North // North industrial. 2011. № 2. URL: [at: http://helion-ltd.ru/legislative-regulation-guarantees](http://helion-ltd.ru/legislative-regulation-guarantees).
7. Shibina A. V. Some problems of the implementation of prosecutorial supervision over observance of rights of citizens in sphere of health protection // The Activity of the prosecution bod-

вья // Деятельность органов прокуратуры по защите прав и свобод социально незащищенных категорий граждан: сб. материалов. М., 2016.

8. Выступление Президента РФ В. В. Путина на заседании президиума Госсовета по социально-экономической ситуации в регионах от 24.02.2015. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/47733>.

9. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4.

10. Состояние законности в Российской Федерации (1996–1997 годы). НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации (авторы раздела: И. С. Викторов, Н. П. Власова). Аналитический доклад. М., 1998. С. 21.

11. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами» от 16.06.1999: сб. документов Уполномоченного по правам человека. М., 1998–2000.

12. Постановление Правительства РФ от 27.11.2016. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». URL: <http://consultant.ru/>

ies for protection of the rights and freedoms of socially unprotected categories of citizens: collection. Moscow, 2016.

8. The President of the Russian Federation V. V. Putin at state Council Presidium meeting on socioeconomic situation in the regions of 24.02.2015. URL: <http://kremlin.EN/transcripts/47733>.

9. Tikhomirov Ya. A. Administrative discretion and the law// Journal of Russian law. 2000. № 4.

10. The state of law in the Russian Federation (1996–1997). Institute of problems of strengthening of legality and the rule of law under the Prosecutor General of the Russian Federation (section authors: I. S. Viktorov, N. N. Vlasova). Analytical report. Moscow, 1998.

11. The report of the Commissioner for human rights «About the rights of citizens with mental disorders» 16.06.1999: collection of the documents of the Commissioner for human rights. Moscow, 1998–2000.

12. Resolution of the Government of the Russian Federation from 27.11.2016. № 946 “On the organization in the Russian Federation the system of Federal statistical surveys on socio-demographic issues, and monitoring of economic losses from mortality, morbidity and disability of population. URL: <http://consultant.ru/>

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: moskalenko1963@mail.ru

Борисова Екатерина Сергеевна
Borisova Ekaterina Sergeevna

аспирант Южного федерального университета.

Postgraduate Student, Southern Federal University.
Тел.: 8 (918) 562-02-06.

**ЭТИКО-ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
МОТИВАЦИИ (К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ)**

**Ethical-personalistic aspect of the deontological motivation
(for the 300th anniversary of the Russian police)**

В статье анализируются факторы обеспечения стабильности государства, соотношение институционально-корпоративных, функциональных и этико-деонтологических регуляторов и мотиваторов службы в полиции.

Ключевые слова: институционально-корпоративные, функциональные и этико-деонтологические регуляторы, этико-персоналистический статус индивида, элита, полиция, кооперационно-корпоративные и иерархические отношения.

The article analyzes the factors ensuring the stability of the state, the correlation of institutional-corporate, functional and ethical-deontological regulators and motivators of the police service.

Keywords: institutional-corporate, functional and ethical-deontological regulators, individual ethical and personalistic status, elite, police, cooperative-corporate and hierarchical relations.

Исследование личностного измерения полицейской службы в контексте функционирования силовой составляющей государства в целом обусловлено тем, что полиция как военизированная профессиональная (регулярная, кадровая) служба функционирует уже 300 лет (с 1718 года). За это время накоплен уникальный опыт поэтапного многоаспектного строительства профессиональной службы охраны правопорядка. На этом пути интересно практически все – и конструктивная активность государства, и деструктивные катастрофические провалы в пред- и советский периоды, перипетии рождения парадигм обеспечения юридико-инфраструктурного аспекта социальной легальной активности граждан. Реформа российской полиции 2011 года заставила пристальнее взглянуть в опыт, извлечь полезные уроки для настоящего времени из исторических ситуаций, аналогичных переживаемой нами.

Полиция ярче и объемнее, чем иные институты государства, демонстрирует то, что эффективность институциональных регуляторов в определенный и решающий момент обязательно зависит от этико-персоналистических факторов, определяющих как процесс несения службы, так и функционирование всей системы связей и отношений, актуализирующих службу.

Этико-персоналистическое развитие индивида (далее – ЭПС, то есть его «этико-персоналистический статус») во многом совпадает с гражданской и профессиональной зрелостью служащего, превращается в жизненно необходимый мотиватор-драйвер для адекватного несения служебных функций. В данном утверждении, при всей его прямолинейности, нет и тени преувеличения. ЭПС проявляется в комплексе индивидуальных качеств (физических, интеллектуально-волевых, корпоративно-

профессиональных) как факторов, играющих особую роль анимирующей их энергии, силы. В этом нас убеждает анализ соотношения поведенческих регулятивов-мотиваторов: принудительно-институциональных (внешних), субъективно-волевых (внутренних), деонтологических (синтетических).

В комплексе регулятивов полицейской службы в силу ее российской специфики как военизированной и силовой преобладает деонтологический регулятив, который часто предполагает должностное, самомотивированное долгом, порождающих в конечном счете действие, не вынуждаемое внешними регуляторами, к которому в силу конкретных причин также может и не быть волевых внутренних субъективных интенций. Такого рода деонтологическая мотивация характерна прежде всего для структур, функционирующих в предельных пограничных ситуациях риска, то есть для армии и регулярной полиции как ее мотиваторного «клона».

Таким образом, к регулятивам, выражающимся в формулах «меня заставляют» и «я хочу», добавляется в качестве решающих формулы «я должен», «мне надо» поступать так, как предписывает мне долг. ЭПС сотрудника полиции можно дефинировать и как субъективную способность сознательно и внутренне свободно предпочесть деонтологическую мотивацию действий, выстроить правильные иерархические связи между типами мотивирования действий служащего в рядах полиции индивида с безусловным приоритетом деонтологии над «биологией» (биологическими потребностями) «социологией» (внешним принуждением) и «психологией» (гаммой внутренних субъективно-волевых интенций).

Полиция структурируется, как и армия, на двух принципах: иерархичности (вертикаль) и кооперационной координации (горизонталь), однако в армии координационно-кооперационные связи специфически характеризуют преимущественно офицерское ее ядро, оставляя мобилизованный элемент – солдат (переменный состав) в рамках только жесткой иерархической дисциплины. В полиции же оба принципа действуют одновременно в любой служебной ситуации, так как полицейский приходит на службу добровольно, свободно принимая решение служить и соответствовать профессиональной корпоративной этике, что практически полностью аналогично только

офицерскому (свободная мотивация к службе) элементу армии.

В таком случае становится ясно, что деонтологический характер службы в полиции радикально усиливается, отличаясь тотальностью охвата всех служащих, а не только офицерского ядра, в армии. Если пристальнее рассмотреть мотивацию должностного, можно увидеть, что в чистом виде в ней нет ничего социального или биологического. В первом случае имеется в виду социальное самосохранение, включенность индивида в качестве структурного элемента в разнообразные иерархические соотношения, борьба за ранговые позиции. Во втором предполагается, что индивид полностью растворен в потоке борьбы за сохранение биологического существования. И в первом, и во втором случаях речь идет о разных типах «несвободного» включения индивида в коммуникационный (биологический и социальный) контекст.

Уже античные мыслители отчетливо понимали, что этические взаимоотношения невозможны в рамках чистых иерархических структур, между начальниками и подчиненными, хозяевами и рабами. Начальник может реализовать власть по модели «базилевса», проявлять заботу о подчиненных, аналогичную заботе родителей о детях. Таковую патерналистически-покровительственную власть Аристотель называл «царской» и в полисе, и в семье. Власть может быть реализована и как власть хозяина над рабами, она будет относиться к типу «деспотической» (экономической) власти хозяина-обладателя, распорядителя, пользователя над вещами и скотом. И только власть в полисе как взаимосвязь свободных хозяев и субъектов собственных действий (граждан) считалась «политической» [1, с. 398]. Ей соответствовали отношения мужа и жены как добровольного союза свободных граждан в рамках семьи. В этическом (политическом) диалоговом, а не иерархическом монологовом общении могут находиться только свободные со свободными, но не рабы с господами. Раб (подчиненный) в предельном понимании находится вне этической ответственности, так как не является субъектом собственных действий и реализует волю хозяина, но включен исключительно в дисциплинарную и юридическую ответственность.

В предельном виде до конца иерархизированное общество превращается в касты, а до

конца биологизированное с точки зрения мотивации – в стаи (стада) животных.

Долженствование как этическая категория аналогично диалогу вытекает из него, связано с ним. Диалог, как и долг, – это связь между равноценными субъектами собственных действий (субъект с субъектом), так как разноценные индивиды образуют иерархическое монологическое отношение субъекта с объектом. Диалог, как и долг, и любая этическая «арете», невозможен по принуждению извне, здесь нужна свободно самоопределяющаяся воля субъекта. Диалог в отличие от приказа-подчинения относится к высшему типу мотивации и взаимоотношений между людьми, так как в его основе – добровольность вхождения в них, время и качество внутреннего пребывания и выхода из них.

Диалогические (координационно-кооперационные) отношения сложились в аристократическом сегменте полиса и с возникновением профессиональных армий считались привилегией офицерского ядра армий. Исследование генезиса ЭПС сотрудника полиции позволяет обнаружить в нем все характерные признаки элитарности.

Полиция является частью силового блока и определенным слоем элитарного сообщества, полный аналог офицерского ядра армии (добровольно служащие дееспособные субъекты), в рамках которого предполагается свободное принятие дисциплины, иерархических приказов-подчинений, корпоративной служебной чести. Главный признак элитарности – это способность элиты обеспечить публичный интерес, чему в решающей степени должна способствовать этическая деонтологическая «программная прошивка» возвышения над частными интересами. Деонтологическая диалогическая культура возможна только в «нормальных» с этической точки зрения, жизнеспособных государствах. Каковы признаки такой жизнеспособности? Это, конечно же, в первую очередь наличие этически отформатированного элитарного (властвующего и управляющего) слоя.

Если такой слой есть, государство жизнеспособно и функционирует, обеспечивая публичный интерес, например, как монархия, аристократия или демократия. Если же такого слоя нет, то государство обязательно вырождается в тиранию, олигархии, охлократии, нежизнеспособные формы, являющиеся лишь пролонгированным умиранием политически органи-

зованных сообществ граждан. Этическая мотивация у способных к ней служащих государственных структур становится в античной мысли фундаментальным критерием оценки качества государства и его элиты.

Весьма показательно, что формирование жизнеспособного государства российский император Петр I начал с создания особого элитарного слоя (дворян, шляхетства), которым предполагалось комплектовать армию и госаппарат, включая руководящее звено полиции. Как понималась Петром «элитарность» шляхетства? По каким признакам предполагался отбор в доминирующее сословие (а дворянство учреждалось в России как открытое сословие, пополняемое по транспарентной и простой процедурной схеме «Табели о рангах»)? И, что самое главное в контексте темы данной статьи, с чего предполагалось начать формирование государственной элиты?

Критерии кадрового кастинга и соответствия «элитарности» разъяснялись в книге-пособии «Юности честное зеркало» опубликованной в 1717 году, а в 1718 году Петром собственноручно составлены знаменитые «Пункты, данные Генералполицимейстеру Дивиеру для руководства», конкретизировавшие стратегические взгляды царя на ЭПС применительно к функционированию полиции.

В качестве основной, комплексной и первичной характеристики элитарного сословия (кадрового резервуара для всех отраслей власти и управления) должна была выступать строжайшая этическая мотивация его членов. Неспособные к ней в необходимой минимальной степени теряли шансы стать элитой. Главное в ЭПС служащего заключалось в сознательном и свободном «тотальном» подчинении своих частных интересов задачам сохранения жизнеспособности государства во всех аспектах, сводившимся практически в полном объеме к публичным интересам, персонифицированным в образе императора – «отца Отечества».

Такая мотивация подчеркнута и даже гипертрофированно деонтологическая по своему характеру, конечно же, радикальнейшим образом отличалась от мотивации «частных лиц» (а это все не служащие государству тяглые сословия в XVIII столетии).

В ряде мест «Юности честного зеркала» откровенно показывается, что абсолютным статусным, следовательно, и деонтологиче-

ским антиподом служащего государству дворянина является деревенский мужик и крестьяне в целом. Этими терминами в конституирующих ЭПС дворян текстах Петра обозначается народ, свободная от строгих этических обязательств масса населения, аналогичная античному демосу, живущая исключительно частными интересами (сферой «идион», а не «политикон»), то есть в этическом аспекте мотивируемая «сумасбродством», «бесстыдливостью», «гордостью», «невежливостью», «упрямством», склонностью «валяться на солнце».

Служащий в госаппарате, армии и полиции дворянин воспринимался, а в эпохи преемников царя Петра и культивировался как максимально дистанцированный от «частных лиц» из тяглых сословий представитель служебной корпорации, чью корпоративную честь образовывала этическая мотивация обеспечения публичного интереса, олицетворяемого, как уже отмечалось выше, царем.

Попадая в корпорацию шляхетства, вчерашний крестьянин (простоллодин, которыми являлись 99 % предков дворян в России) буквально «выжигал» в себе все то, что противоречит или препятствует осуществлению служебного долга или же изгонялся из дворянства («не славная... фамилия и не высокий род приводит его в шляхетство, но благочестные и достохвальные его поступки»).

С чего начинался кастинг этого слоя-сословия, аналогичного античным «политикос» и противостоящего «идиотес» (лицам, ведущим исключительно частную жизнь вне политики)?

«Юности честное зерцало» устанавливает в первой же главе внутреннее мотивированное этическое и внешне адекватно выраженное этикетное почтение к родителям. Например, получая от родителей приказ, претендующему на включение в служилую корпорацию «шляхетства», молодому человеку полагалось принимать его с обнаженной головой, держа шляпу в руках, в присутствии родителей. Без их разрешения ему запрещалось сидеть, строжайше предписывалось родительских речей не перебивать, не возражать, в разговоры старших своевольно не вмешиваться, вести себя во всем с родителями, как слуга («аки паж некий»).

При этом нужно было учиться иметь осанку свободного человека, держаться с достоинством, например, не опираться на стол ли скамью и в этом, как и в других бесчисленных

мелочах, «не быть подобным деревенскому мужику, которой на солнце валяется».

Обращение к родителям с использованием речевых формул: «что изволите, государь-батюшка» или «что изволите, государыня-матушка», «что мне прикажете – государь», «учию так, как вы, государь, приказали» – должно было радикально отличать претендентов в благородное сословие от простолюдинов, пользовавшегося большой свободой в манерах, в частности, не исключавшей таких упрощенных формул обращений к родителям, как «что», «чего», «что, как ты говоришь», «чего хочешь», безусловно запрещаемых «благородным» юношам “Зерцалом”».

Тщательно разработанный этикет уважительного отношения к отцу и матери становился первичным статусным маркером индивида из благородного сословия. Именно с отношения к родителям начиналось искоренение «упрямства», «невежливости», «бесстыдства», «грубости и невежества» как признаков внешнего и внутреннего рабского состояния человека на низших социальных ступенях («ибо раби по своему нраву невежливи, упрями, бесстыдливи, и горди бывают...»). Неизвестно, знал ли Петр и его сподвижники античный афоризм о мечтах рабов, согласно которому рабы не хотят быть свободными, но желают и мечтают быть... рабовладельцами, интуитивно формирование мотивационной сферы служилого сословия по всем отраслям государственного управления осуществлялось тогда с учетом всех поправок и оговорок совершенно адекватно: от рабства всех к свободе хотя бы некоторых, отбираемых в служилое сословие. Благородный человек, то есть индивид с этической деонтологической мотивацией, возрастал от простого к сложному – от обязательных для благородного сословия элементарно-гигиенических правил этикета за столом: мыть руки перед едой, не чавкать («над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши, не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне»), иметь остриженные ногти («обрежь свои ногти да не явится яко бы оныя бархатом обшиты»), владеть вилок и ножом, «не облизывать перстов и не грызть костей», «зубов ножом не чистить» до сознательного предпочтения деонтологических мотивов.

За элементарным следовала высокая и сложная обязанность иметь образование (в первую очередь знание иностранных языков «чтоб слу-

ги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать»), начальную военную подготовку (фехтование – «шпажная битва», верховая езда), умение цивилизованно проводить досуг («танцование»). В последнем пункте требовалась курьезная детализация: составители наставлений особо указывали как на недопустимость являться на танцы в сапогах со шпорами, чтобы не портить дорогостоящую ткань платьев партнерш. «Младый шляхтич или дворянин, – резюмировали составители рекомендаций, – ежели в экзерциции (в обучении) совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве, и может добрый разговор учинить и в книгах научен, оный может прямым придворным человеком быть».

В Регламенте Главного магистрата (1721) более этико-деонтологически основательно, чем в «Пунктах», имевших подчеркнуто процедурно-технологический характер, разъяснялись задачи формирующейся регулярной полиции. Так, в документе указывалось, что полиция «споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучение, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призывает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспи-

тывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; в кратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности».

В данном панорамном изображении функций полиции речь идет о задачах оптимального государственного управления вообще. В эпоху Петра I «полицией» по европейской традиции называли все отрасли государственного управления, поэтому термин «полиция защиты вдовиц», например, означал в современном понимании одно из направлений социальной политики государства.

Рассмотренная стратегия формирования кадров для силовых структур и государственного управления как такового реализовывалась до первых осязаемо положительных результатов почти 70 лет, показав, во-первых, соответствие мировому (тогда античному и европейскому) опыту, а во-вторых, фундаментальное значение этической мотивации для адекватного обеспечения публичных интересов регулярной полицией, таких как городское благоустройство и санитария; охрана общественного порядка и борьба с преступностью; обеспечение пожарной безопасности.

Цель была достигнута: из низших сословий по специальному кастингу получилось отобрать и включить в открытое дворянское (служилое) сословие индивидов, способных к подчинению корпоративно-этическим мотивам на государственной службе вообще и полицейской в частности. Возникло сословие диалогически адекватных, в известном смысле толерантных («в радостном случае быть радостну и являть себе весела с весельми, «других людей разсудков отнюдь не презирать и не отметать»), коммуникативно культурных служащих государства и его силового блока.

Литература

1. Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. М., 2014. Т. 1.
2. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История органов внутренних дел России. М., 2005.
3. «Юности Честное Зерцало» и поучительная литература Древней Руси. М., 2016.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории: в 3 т. М., 2015.

Bibliography

1. Dictionary of the basic historical concepts. Selected articles. Moscow, 2014. Vol. 1.
2. Mulukaev R. S., Malygin A. Ya., Epifanov A. E. History of the Organs of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2005.
3. «Youths Honest Mirror» and the instructive literature of Ancient Rus. Moscow, 2016.
4. Klyuchevsky V. O. The course of Russian history: in 3 vols. Moscow, 2015.

Фатхи Валентина Игоревна
Fathy Valentina Igorevna

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Civil and Law Disciplines, Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (989) 634-59-91.

Хакимов Ильфат Абдрахманович
Khakimov Ifat Abdrakhmanovich

соискатель Саратовской государственной юридической академии.
Competitor of the Saratov State Law Academy.
Тел.: 8 (989) 634-59-91.

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНКРЕТИЗАЦИИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

The role of sense of justice in the specification of norms of civil law

В статье анализируется процесс реализации и осуществления права с позиций его творческого характера, указывается на существенное значение роли правосознания в правоприменительном процессе.

Ключевые слова: правосознание, толкование норм гражданского права, конкретизация норм права, правовое мышление, неопределенность права, интерпретация норм права.

The article analyzes the process of realization and implementation of the law from the standpoint of his creative nature, points to the essential role of the role of legal awareness in the law enforcement process.

Keywords: sense of justice, interpretation of civil law norms, concretization of legal norms, legal thinking, uncertainty of law, interpretation of legal norms.

При рассмотрении вопроса о механизме реализации правовых норм и функций правосознания приобретают существенное значение проблемы более частного порядка: воздействие права на правосознание личности; искажение правовой информации при ее усвоении; отличия различных форм правореализации; реализация правосознания правоприменителя и другие. Таким образом, функциональный анализ правосознания в механизме правореализации предполагает рассмотрение посреднической роли правосознания в регулировании поведения человека, которая выражается в таких функциях правосознания, как конкретизация и интерпретация. Дело в том, что именно интерпретация представляет собой процесс усвоения содержания правовых норм, перевода их в поведение, то есть процесс реализации норм права.

Традиционно под интерпретационной деятельностью правосознания понимают толкование правовых норм. Однако данный вид дея-

тельности значительно шире по своей функциональной роли. Интерпретация в процессе правореализации осуществляется не только в отношении смысла правовых норм, но и юридических фактов, социальных отношений, ценностей права и так далее. Она является частью более объемного понятия «конкретизация права». Можно сказать, что конкретизация права – это основная функция правосознания, а интерпретация правовых норм – ее подфункция.

В российской юриспруденции первым обратил внимание на сложность процесса реализации, осуществления права, его творческий характер и роль правосознания в правоприменительном процессе известный русский цивилист Н. А. Гредескул. Процесс реализации права автор рассматривал с точки зрения правового мышления: «установление на основании содержания права, правоположения, которое покрывало бы собою предстоящий поступок, и умственный переход от этого правопо-

ложения к поступку» [1, с. 84]. Правовед видел суть интеллектуального процесса в переходе от правоположения к поступку, что означает переход от абстрактного к конкретному, от отвлечения к действительности [1, с. 85]. Отсюда главной проблемой является согласование конкретного с абстрактным без чего не обходится реализация юридической нормы в действительность. Этот процесс согласования предшествует непосредственному применению ее к какому-либо конкретному случаю.

Правовед отмечал творческий характер этого процесса. В частности, он писал: «Конкретизация действия колеблется между двумя весьма несходными между собою умственными приемами: самостоятельным творчеством и механическим подражанием» [1, с. 90]. Творческий характер заключается в конкретизации составляющих норму объективных элементов (субъект, действие, волеизъявление). Исходя из того, что конкретизация элементов права приурочена к определенному моменту времени (перед поступком), автор отмечал, что относительно этого момента «субъект находится в настоящем, действие – в будущем, а волеизъявление по поводу них – в прошедшем» [1, с. 87].

Впоследствии на интеллектуально-волевою характеристику конкретизации права обратил внимание исследователь правового мышления А. И. Овчинников. В своих работах ученый проанализировал правовое мышление в правотворческом, правоприменительном, повседневно-бытовом аспектах, однако главным для нас является его анализ процесса реализации права, особенно его толкования. По мнению автора, в ходе мысленной типизации социально-правовых явлений и формирования на ее основе юридических понятий и правовых норм происходит произвольное и неизбежное искажение социально-правовой действительности, сглаживаемое впоследствии усмотрением правоприменителя в процессе создания промежуточной нормы, конкретизирующей общую норму настолько, насколько это возможно для справедливого решения по делу. Согласование и примирение многообразия жизненных случаев с абстрактным и типизирующим характером правовых конструкций происходит в процессе толкования, конкретизации и применения правовых норм. Эти виды юридической деятельности пред-

ставляют собой различные аспекты одного и того же процесса – понимания права [2, с. 34]. Его идея относительно того, что понимание, или толкование, правовой нормы не может протекать без ее конкретизации и, следовательно реализация права всегда предполагает конкретизацию нормы, крайне важна для нашего исследования. Конкретизация, реализация, толкование правовых норм – это один и тот же процесс понимания права, уяснения его смысла. Осознать это помогает герменевтическая методология анализа процессов правового мышления [3, с. 3].

Аналогичной позиции придерживается целый ряд ученых. А. Ф. Черданцев полагает, что конкретизация свойственна всем уровням правового регулирования и «имеет место в правотворчестве, толковании (оперативном и нормативном) и в правоприменении» [4, с. 37]. По мнению ученого, конкретизации подлежит или область применения норм права, понимаемая как совокупность очерченных ею ситуаций, условий, в которых норма права реализуется, или область нормирования, то есть комплекс фактических состояний, регулируемых данной нормой [4, с. 19–20]. Возможны и обе конкретизации.

Для нас важным является то, что конкретизация им рассматривается как интеллектуальный процесс, в ходе которого происходит переход от общей и абстрактной нормы права либо их совокупности к менее общей и менее абстрактной другой норме права. Также может иметь место и обратный процесс: от конкретного факта (ситуации) к общей и абстрактной норме. По мнению ученого, операция от более абстрактной к менее представляет собой логическую процедуру, связанную с логическим выводом более конкретных норм из общих и абстрактных. В таком случае можно вести речь о создании новой нормы права. В другом варианте происходит подведение конкретного факта под действие общей и абстрактной нормы, при этом область нормирования конкретизируется и определяются конкретные права и обязанности субъектов отношения.

Следует отметить, что конкретизация права не всеми учеными анализируется с точки зрения интеллектуально-рассудочной деятельности правосознания. А. Б. Венгеров предложил следующее ее определение: «Понятием

“конкретизация” следует обозначать именно процесс организации применения нормы права, выработки положений, принципов, начал, помогающих точно... действию правовых норм» [5, с. 68].

Таким образом, выделяется организационно-институциональный аспект конкретизации права, а также взаимосвязь реализации и конкретизации норм права. Ученый также отметил, что конкретизация права практически неизменно присутствует в процессах применения права. В этой связи он указывал: «Способ регулирования общественных отношений при помощи масштабов (мер), общих правил поведения порождает и такое неотъемлемое свойство права, как конкретизация права. Нормативность и конкретизация – две диалектически взаимосвязанные стороны, характеризующие правовой способ регулирования общественных отношений» [6, с. 44].

Неизбежность конкретизации норм права в процессе толкования права установили в своих работах советские правоведы П. Е. Недбайло и А. С. Пиголкин, полагающие, что при толковании достигаются «конкретизация и детализация» юридических норм, их приспособление к новой обстановке [7, с. 331; 8, с. 18–19]. А. С. Пиголкин называет правоприменительную конкретизацию формой толкования прав: «Нормативное толкование – это такая конкретизация, которая связана с разъяснением уже имеющейся нормы и состоит в объяснении и уточнении ее смысла, детализации ее содержания строго в рамках самого предписания» [9, с. 70].

Весьма сходным образом и Н. Б. Зейдер определил конкретизацию правовых норм как придание праву (в субъективном смысле) максимальной определенности в процессе правоприменительной (судебной) деятельности [10, с. 92].

Некоторые авторы, напротив, настаивают на том, что конкретизация происходит в результате подзаконного правотворчества. А. Ф. Ноздрачев полагает, что она может производиться только в процессе правотворчества (в виде конкретизирующих подзаконных норм) [11, с. 73]. Г. Т. Чернобель считает, что всякая конкретизация правовых нормативов общей регулятивной значимости может осуществляться лишь в процессе правотворчества [12, с. 73].

Интересным, на наш взгляд, является подход Е. В. Назаренко, который процесс правообразования рассматривал в контексте конкретизации. Ученый в своей известной работе «Социалистическое правосознание и советское правотворчество» обращает внимание на то, что конкретизация политических идей в категориях прав и обязанностей, являющаяся процессом формулирования правовых норм, есть функция правосознания [13, с. 51–52]. А. Ф. Ноздрачев полагает, что она может производиться только в процессе правотворчестве.

По мнению С. С. Алексева, конкретизация является средством противодействия неопределенности права, механизмом, обеспечивающим устранение ее теневых сторон и достижение строгой определенности правового регулирования. «Свойственное праву повышение уровня нормативных обобщений вовсе не обязательно влечет за собой более интенсивную правотворческую конкретизацию права. Закономерным наряду с правотворческой конкретизацией является усиление деятельности судебных и иных правоприменительных органов, обеспечивающих на основании общих юридических норм творческое, соответствующее конкретной ситуации решение юридических дел» [14, с. 49]. Следуя логике ученого, можно признать конкретизацию права неотъемлемым механизмом реализации права. Как переход к определенности права рассматривает конкретизацию и Ю. А. Тихомиров, говоря о необходимости соблюдения границ (пределов) конкретизации как о поиске меры определенности и неопределенности в праве [15, с. 146–150].

Результатом неопределенности права считает конкретизацию и В. А. Власенко. Природа правовой конкретизации – в неопределенности права, его норм, полагает ученый. «Конкретизация – объективное свойство правового регулирования, заключающееся в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности, а также неопределенности нормы права в связи с появлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора. В первом случае речь идет о собственном развитии права, о переходе от общих юридических правил к более конкретным; во втором плоскость совершенно иная – правореализационная» [16, с. 60–75].

Совершенно оригинального взгляда придерживается Г. Г. Шмелева, которая отмечает, что конкретизация – это своеобразный процесс, отличный от толкования, происходящий на отдельных стадиях правового регулирования. По ее мнению, конкретизация – «объективно обусловленная, направленная на повышение точности и определенности правового регулирования, закономерная деятельность государственных и иных уполномоченных органов по переводу абстрактного содержания юридических норм на более конкретный уровень посредством операции ограничения понятий, результаты которой фиксируются в правовых актах» [17, с. 23]. Она полагает, что в правотворческом процессе часто происходит не конкретизация, а детализация, в то время как в правоприменении – индивидуализация и толкование.

В юридической литературе справедливо обращается внимание на то, что конкретизация является неизбежным следствием нормативности права, поэтому этот процесс предполагает интерпретацию реализатором права юридических норм посредством интуитивных и рациональных структур правосознания. Чаще всего этот процесс протекает в ходе толкования права, интерпретации норм как правоприменителем, так и обычным гражданином [18; 19; 20; 21].

Благодаря реформе гражданского законодательства и активного внедрения саморегулирования как способа упорядочивания отношений между участниками гражданского оборота увеличилось количество оценочных понятий и категорий, содержание которых определяется правоприменителем только с учетом конкретных ситуаций.

Диспозитивность норм гражданского права по своей правовой природе предполагает выбор субъектами оптимальной модели правового регулирования, дает возможность конкретизации оценочных норм субъектами правоприменения в рамках конкретного гражданского правоотношения.

Например, ст. 60 61, 60.2, 220 и многие другие ГК РФ содержат относительно-определенное понятие «существенность». У правоприменителя неизбежно возникает вопрос: «Насколько существенно?» Статья 178 определяет критерии существенности заблуждения контрагента по сделке, которая может быть

признана судом недействительной, однако в большинстве случаев применение такой относительно-определенной нормы права требует либо принятия подзаконных нормативно-правовых актов, позволяющих детализировать и уточнить абстрактную норму права, сделать ее более конкретной, либо дополнительных руководящих разъяснений Пленума Верховного суда РФ [22], либо свободной оценки правоприменителем в рамках конкретной ситуации.

И если законодатель осуществляет общую и обязательную к применению конкретизацию оценочной нормы права, то правоприменитель осуществляет свободную оценку, осмысление конкретной ситуации и соотношение ее с относительно-определенной нормой сквозь призму его правосознания.

Как уже отмечалось, конкретизация норм осуществляется как правоприменителем, так и обычным гражданином, субъектом права. В зависимости от субъекта можно выделить частную и судебную конкретизацию норм гражданского права.

Гражданин осуществляет усвоение содержания правовых норм для субъективного выбора при принятии того или иного решения в конкретной ситуации в процессе самостоятельного толкования нормы права, то есть посредством частного усмотрения, автономно от чужого мнения. Субъективным ограничением допустимости усмотрения будет частное понимание принципов нравственности, целесообразности, справедливости и так далее, а объективным – критерии законности, добросовестности и разумности. Вывод об ограничении допустимости частного усмотрения субъектов гражданского права вытекает из требований Гражданского кодекса Российской Федерации [23]. В частности, п. 3 ст. 1 ГК РФ гласит, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

Конкретизация норм гражданского права судом осуществляется в гражданском процессе сквозь призму судебного или судейского усмотрения, которое не направлено на удовлетворение частных интересов. По мнению И. А. Покровского, судейское усмотрение представляет собой «право более свободного истолкования, восполнения и даже исправле-

ния закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести» [24, с. 90]. Следует отметить, что конкретизация норм гражданского права органами судебной власти – это, скорее, не право, а обязанность судьи, уяснив содержание нормы позитивного права, из нескольких вариантов принять единственно правильное решение применительно к конкретной ситуации.

Субъективизм судьи в придании норме гражданского права максимальной определенности наиболее ярко проявляется в определении размера компенсации морального вреда. Статьи 151 и 1101 ГК РФ, предусматривая в качестве способа защиты гражданских прав компенсацию морального вреда, регламентируют,

что размер компенсации такого вреда определяется судом с учетом требований разумности и справедливости. В соответствии с разъяснением Конституционного суда Российской Федерации судья применяет правовое предписание после оценки конкретных обстоятельств дела, принимая решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения [25]. Таким образом, осмысливая объективно существующий характер и объем причиненных истцу нравственных или физических страданий, степень вины ответчика в каждом конкретном случае с помощью правового мышления, судья определяет субъективный образ размера компенсации морального вреда, конкретизирует норму права.

Литература

1. Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: социально-юридическое исследование. Харьков, 1900.
2. Овчинников А. И. Правовое мышление в правоприменительном процессе: опыт герменевтической методологии // *Философия права*. 2003. № 2.
3. Овчинников А. И. Правовое мышление: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004.
4. Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // *Применение советского права: сборник*. Свердловск, 1974.
5. Венгеров А. Б. Роль судебной практики в развитии советского права. М., 1966.
6. Венгеров А. Б. О применении конституционных норм судебными органами СССР // *Советское государство и право*. 1969. № 10.
7. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
8. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.
9. Пиголкин А. С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // *Закон: создание и толкование* / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1998.
10. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966.
11. Ноздрачев А. Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР (по материалам функциональных министерств и ве-

Bibliography

1. Gredeskul N. A. To the doctrine of the exercise of law. The intellectual process required to implement the law: socio-legal research. Kharkov, 1900.
2. Ovchinnikov A. I. Legal thinking in the law enforcement process: the experience of the hermeneutic methodology // *Philosophy of law*. 2003. № 2.
3. Ovchinnikov A. I. Legal thinking: abstract of dis. ... doctor of law. Krasnodar, 2004.
4. Cherdantsev A. F. Legal regulation and concretization of law. Sverdlovsk, 1974.
5. Vengerov A. B. The role of judicial practice in the development of Soviet law. Moscow, 1968.
6. Vengerov A. B. On the application of constitutional norms by the judicial bodies of the USSR // *Soviet state and law*. 1969. № 10.
7. Nedbailo P. E. Application of Soviet legal norms. Moscow, 1960.
8. Pigolkin A. S. Interpretation of normative acts in the USSR. Moscow, 1962.
9. Pigolkin A. S. Interpretation of the norms of law and law-making: problems of correlation // *Law: creation and interpretation* / ed. A. S. Pigolkin. Moscow, 1998.
10. Zeyder N. B. Judgment in civil matters. Moscow, 1966.
11. Nozdrachev A. F. Limits of concretization of laws and bylaws by the ministries and departments of the USSR (on the materials of the functional ministries and departments of the USSR) // *Scientific notes of VNIISZ*. Moscow, 1968. Issue 12.

домств Союза ССР) // Ученые записки ВНИИ-ИСЗ. М., 1968. Вып. 12.

12. Чернобель Г. Т. Закон и подзаконный акт // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1998.

13. Назаренко Е. В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Киев, 1968.

14. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. I.

15. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2008.

16. Власенко Н. А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7.

17. Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.

18. Овчинников А. И. Герменевтико-феноменологическая концепция права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 3. Ч. 2.

19. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: коллективная монография. СПб., 2014. Т. 1.

20. Юридическая герменевтика в XXI веке: коллективная монография. СПб., 2016.

21. Овчинников А. И., Овчинникова С. П. Современная теория толкования права: классический и неклассический подходы // Юристы-Правоведь. 2011. № 2.

22. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

24. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

25. Определение Конституционного суда РФ от 15.07.2004 № 276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Веретенниковой Анны Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Chernobel G. T. Law and by-law // Law: creation and interpretation / ed. A. S. Pigolkin. Moscow, 1998.

13. Nazarenko E. V. Socialist sense of justice and Soviet lawmaking. Kiev, 1968.

14. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 vols. Moscow, 1981. Vol. I.

15. Tikhomirov Yu. A. Legal regulation: theory and practice. Moscow, 2008.

16. Vlasenko N. A. Specification in law: the methodological basis of research // Journal of Russian law. 2014. № 7.

17. Shmeleva G. G. Specification of legal norms in legal regulation. Lviv, 1988.

18. Ovchinnikov A. I. Hermeneutico-phenomenological concept of law // The North-Caucasian legal bulletin. 2010. № 3. Part 2.

19. Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence: collective monograph. St. Petersburg, 2014.

20. Legal hermeneutics in the XXI century collective monograph. St. Petersburg, 2016.

21. Ovchinnikov A. I., Ovchinnikova S. P. Modern theory of interpretation of law: classical and non-classical approaches // Jurist-Pravoved. 2011. № 2.

22. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 № 25 «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

23. «The Civil Code of the Russian Federation (Part One)» of November 30, 1994, № 51-FZ (as amended on July 29, 2017) (amended and supplemented, effective from 06.08.2017) // SPS «ConsultantPlus».

24. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. Moscow, 1998.

25. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.07.2004 № 276-О «On refusal to accept the complaint of the citizen Anna Veretennikova for violation of her constitutional rights by paragraph 2 of Article 1101 of the Civil Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

Петракова Анна Сергеевна
Petrakova Anna Sergeevna

старший преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
кандидат философских наук.

Senior Lecturer, Department of Humanities, Socio-Economic, Informational and Legal Disciplines, Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.
E-mail: anvsch@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Engineering of the processes of personality's identification and self-identification in social ontology of middle ages

В статье рассматривается проблема идентификации и самоидентификации личности в основных онтологических концепциях средневековья. Автор приходит к выводу, что идентификация личности происходит, прежде всего, с божественной сущностью в контексте вселенского и индивидуального существования.

Ключевые слова: онтология, идентификация, самоидентификация, сущность, существование, самопознание, социальный контекст, идентичность.

In article author considers the understanding of the problem of personality's identification and self-identification in the main ontological concepts of Middle Ages. Author comes to conclusion, first of all, personality's identification takes place with a divine essence in context of universal and individual existence.

Keywords: ontology, identification, self-identification, essence, existence, self-knowledge, social context, identity.

Важнейшим фактором процессов идентификации и самоидентификации в философской онтологии Средних веков является ярко выраженная социальная иерархичность общества и дуализм светской и религиозной власти. Изначально на всех этапах процесса социализации, на которых определяются основные идентификационные ориентиры и базисы, человек оказывается вовлеченным в двойственное понимание мира, где он, с одной стороны, является сыном Божьим, а с другой – субъектом собственной свободной воли. Внушаемой ему является фатальная определенность бытия и одновременная, противоречащая ей, способность человека к преобразовательной активности, позволяющая конструировать собственную социальную реальность, детерминирующую дальнейшее бесконечное существование в качестве онтологической сущности. Стоит помнить, что существенным идентификационным фактором в эпоху Средних веков также был приоритет коллектива над личностью, подавление его индивидуальности в угоду интересам социума.

Ключевым идентификационным фактором у Августина Блаженного является обладание человеком свободой волей, которая и определяет его способность делать осознанный выбор, отражающий его мировоззрение. В онтологическом смысле человек – творение Бога, созданное по его образу и подобию, а потому индивид мыслится как «малая часть всего мироздания» [1, с. 11]. Благодаря свободе воли у каждого индивида определяются два начала: стремление к совершенству и способность противостоять соблазнам, а также возможность отвернуться от нравственных оснований бытия и противопоставить моральным нормам свои материальные запросы, чувственные желания и пр.

Человек идентифицируется у Августина больше как существо биологическое, нежели социальное. Однако в каждом индивиде философ усматривает не столько инстинктивную природу, сколько способность к сознательной активности: «...есть эти три состояния: “существовать”, “быть”, “понимать”, – и камень существует, а животное живет, я, однако, не

считаю, что камень живет или животное понимает, с другой стороны, в высшей степени верно, что тот, кто понимает, тот и существует, и живет» [2]. Именно о человеке идет речь в рассуждениях философа. Только люди могут одновременно существовать, быть и понимать. При этом под пониманием кроется способность к самоидентификации и идентификации других, к анализу смысла происходящего и своего места в нем, назначения человека и мира, а также возможность осуществлять сознательную деятельность с пониманием ее цели, причин и следствий.

В онтологической концепции У. Оккама вопросы идентификации решаются вполне однозначно. Теолог рассматривает Бога как творца всего сущего, потому процесс существования – это результат воплощения Божественной воли, способной менять то, что человек называет естественным ходом вещей [3, с. 139]. Иными словами, основанием идентификации становится не естественная потребность человека понять смысл бытия, а воля его создателя, которая вовсе не априорна и может измениться вопреки пониманию человеком.

У. Оккам, соглашаясь с Аристотелем, подразделяет сущее на «сущее в возможности и сущее в действительности» [3, с. 140]. Идентификация при ее детальном рассмотрении как процесса установления тождества по отношению к одному субъекту может быть потенциально возможной, а по отношению к другому – воплощаемой в действительности. Для ее реализации, с позиции У. Оккама, необходимы объект и предмет. В этом случае ее сущностью в действительности будет установление общих оснований бытия исследуемых объекта и предмета. Основанием же идентификации является воля Бога как субъекта бытия, поскольку он воспринимается философом как творец, первопричина и первоначало всего сущего и основание всякого существования. Только то, что возникло по воле его, обладает сущностью (неким качеством), а потому может быть идентифицировано.

В социальной онтологии Фомы Аквинского не дифференцированы категории «сущность» и «существование». У философа сущность человека как таковая – это проекция сущности Божьей, а последняя, в свою очередь, не может быть идентифицирована достаточно ясно, поскольку Бог есть дух и материя одно-

временно. Он заключен в идеях, воплощенных в физических объектах, имеющих форму, содержание, качественные и количественные характеристики. Он вездесущ, всезнающ и всеобъемлющ и одновременно как бы растворен в бытии и сознании каждого человека. Из этого можно заключить, что сущность и существование в теологии мыслителя органично переплетены и друг от друга неотделимы.

Идентификационные процессы у Фомы Аквинского обусловлены природой человека, необходимостью установления тождества между собой и Творцом, между собой и другими людьми, они не могут не осуществляться просто потому, что каждый должен четко понимать, что смысл жизни заключен в достижении блага через познание Бога и самого себя. Следовательно, идентификация человека в первую очередь осуществляется с Богом. В процессе нее человек стремится познать сущность его замысла, определяющего фундаментальные ориентиры человеческого бытия в мире.

Социальная онтология у Фомы Аквинского практически неотделима от гносеологии, поскольку познать себя и мир вокруг можно, лишь осознав и приняв за основу бытие Бога, его безграничность, вездесущность и всеильность. У Фомы существование Бога «самоочевидно», человек рождается и живет с этим знанием; Бог выступает одновременно и целым, и частью, поскольку мыслится как материальное начало и начало духовное, идеальное, осознаваемое, является критерием истины, а значит, его учение истинно, а следование ему есть следование истинному, что идентифицирует человека как в высшей степени разумное существо [4, с. 47–51].

Таким образом, критерием идентификации выступает божественная сущность. Человек понимается как часть мира, воплощение божественного замысла, конечная цель которого – постичь Бога и благодаря этому обрести вечное блаженство. Человек мыслит себя не как существо смертное, но рассматривает свое существование как бесконечный поток жизни, в котором воплощением сущности попеременно выступают духовное и материальное начало. Иными словами, отождествление происходит не столько с физической формой бытия, сколько с самой идеей о бытии человека и Бога и его бесконечности. При этом идентифика-

ция по форме также возможна, хотя и не столь значима, поскольку различие в форме не делает людей различными по сути, и, напротив, различие в способности осознания себя в аспекте божественного замысла вызывает концептуальные различия в духовном плане и не позволяет установить тождество. Стержневым различием Фома Аквинский называет отличие «по понятию», что проявляется в мировоззрении, деятельности и позиционировании себя в обществе. В таком случае общим основанием для установления тождества будет лишь принадлежность к человеческому виду и обусловленные ею биологические показатели сущности [4, с. 77–78].

Основанием для идентификации себя и другого в социальной онтологии Н. Кузанского также может служить только существование Бога, поскольку «Он свертывает в себе все основания любых мыслимых оснований» [5, с. 39]. Иными словами, человек тот, кто он есть, не потому, что принадлежит к биологическому виду, обладает социальными и физиологическими признаками, а потому, что он является продуктом более совершенного разума своего Создателя. Высшее благо у Н. Кузанского – не в познании Бога, но в признании его существования и одновременно принятии его вездесущности и всеобъемлемости бытия. «Он есть то абсолютное основание, в котором всякое различие есть единство и всякое разнообразие есть тождество, так что различие оснований ... в Боге существовать не может» [5, с. 39].

Таким образом, всякие поиски идентификационных оснований лишены рационального смысла, поскольку человек от рождения наделен тем, что ему дал Бог, а реализация потенциала также определяется верой и богобоязненностью человека, с одной стороны, и божественной волей, с другой.

Постичь себя как воплощение божественного замысла и установить тождество с кем-то или самим создателем не является задачей, способной быть разрешенной человеком. Все его притязания и устремления есть продукт божественного замысла, а потому и конечный результат любого поиска основания всегда приводит лишь к процессу исследования сущности Бога, которая человеческим разумом непостижима. Бог воплощает в себе одновременно и самую совершенную

сущность и существование, он везде, и он непостижим ввиду ограниченности человеческих способностей.

У Б. Клервонского идентификация напрямую связана с сущностью человека, который мыслится как свободный действующий субъект бытия, наделенный способностью поступать сообразно логике событий, реализуя при этом свободный выбор. Дуальность человеческой природы у философа не отрицается, но является воплощением замысла Творца, при этом человек как общее собирательное понятие идентифицирован как разумное мыслящее и действующее существо, которое, опираясь на божественную логику, тем не менее самостоятельно способно определять для себя траекторию собственной жизни. «Естественное влечение ...общее у нас с животными, а добровольное согласие отличает нас. Оно есть свойство души быть свободной, не поддающейся ни насилию, ни вымогательству...» [6]. Таким образом, идентификация – это акт осознанной свободной воли, в основе которого находится социальная доминанта человеческого бытия.

Г. Оверньский, рассматривая вопросы идентификации в русле соотношения сущности и существования, признает, что без последнего не может быть и самой сущности, а следовательно, и идентификации, поскольку существование имеет пространственно-временные характеристики и предполагает взаимодействие между субъектом и объектом отождествления в конкретно-исторических условиях бытия и протекает с учетом этих условий. В случае, когда нечто идентифицируется, происходит в первую очередь познание его сущности и связи с контекстом реальности, в которой она существует. Только познав, можно абстрагироваться и обобщить. Единственной сущностью, которая не может быть отождествлена с чем-то реально существующим, является сущность Бога. Но здесь исследователь исходит из того, что Бог есть совершенное и первопричина бытия всех остальных сущностей, к числу которых приписан и человек [7, с. 319–321].

Таким образом, индивид в социально-онтологических концепциях средневековья рассматривается как творение сверхъестественной силы и одновременно ее носитель. Но вместе с тем понимание человека здесь двой-

ственно, поскольку, с одной стороны, он является воплощением Бога, созданным, по его образу и подобию, с другой же – это самостоятельный активный социальный субъект, обладающий свободой воли и активно реализующий ее в повседневной практике. Двойственная природа человека проявляется также в идентификационном аспекте. Так, индивид мыслится как человек мира, высшее творение сверхъестественной природы, создание созидающее и познающее сквозь призму божественного. В то же время человек слаб, он искушаем, внушаем, что продуцирует оправдание

Литература

1. Augustine. Confessions/ translated and edited by Albert C. Outler. Dallas, 2001.
2. Августин Аврелий. О свободе воли. URL: <http://lib.rus.ec/b/305808/read>.
3. Оккам У. Избранное. М., 2002.
4. Аквинский Фома. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. М., 2001.
5. Кузанский Н. Сочинения: в 2-х т. М., 1980. Т. 2.
6. Клервонский Б. О благодати и свободе воли // Антология средневековой мысли. URL: <http://agnuz.info/app/webroot/library/6/18/index.htm>.
7. Жильсон Э. Философия в Средние века. От истоков патристики до конца XIV века. М., 2004.
8. Давыдов О. Б. Социальная онтология в позднем средневековье // Дискуссия. 2014. № 10 (51). URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1207>.

его неспособности быть самостоятельным в постановке и решении онтологических задач, постоянного обращения к религии как источнику знания [8]. В средневековой социальной онтологии идентификационная основа человека сочетает в себе и индивидуальное, и социальное начало. Человек понимается как универсальное вневременное создание, олицетворение космоса, однако он не лишен индивидуальных черт. Он – носитель культуры своего времени и творец истории, личность, способная воздействовать на окружающее и конструировать собственную реальность.

Bibliography

1. Augustine. Confessions/ translated and edited by Albert C. Outler. Dallas, 2001.
2. Augustus Aurelius. About free will. URL: <http://lib.rus.ec/b/305808/read>.
3. Ockham W. Selected works. Moscow, 2002.
4. Aquinas Thomas. Ontology and theory of knowledge: fragments of works. Moscow, 2001.
5. Kuzansky N. Compositions in 2 vols. Moscow, 1980. Vol. 2.
6. Clairvones B. About grace and free will // Anthology of medieval thought. URL: <http://agnuz.info/app/webroot/library/6/18/index.htm/>
7. Gilson E. Philosophy in Middle Ages. From the beginning of patristic to the end of XIV century. Moscow, 2004.
8. Davydov O. B. Social ontology in the late middle ages // Discussion. 2014. № 10 (51). URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1207>.

**Беспалова Анна Александровна
Bespalova Anna Aleksandrovna**

преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Lecturer, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.
Тел.: 8 (908) 198-15-67.

**Лубский Анатолий Владимирович
Lubsky Anatoly Vladimirovich**

профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Doctor of Philosophy, Professor.
Тел.: 8 (928) 166-27-53.

**Лубский Роман Анатольевич
Lubsky Roman Anatolyevich**

профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Administrative Law, Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (903) 406-54-21.

**«ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ» И «ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ»:
МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И МОДЕЛИ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ***

**«The political person» and «the economic person»: mental programs and models
of social behaviour in Russia**

Статья посвящена сравнительному анализу характеристики основных нормативных типов личности в России и на Западе, которые исследуются в рамках концептов «человек политический» и «человек экономический». Авторы видят в них ценностные основания российской и западноевропейской идентификации.

Ключевые слова: «человек политический», «человек экономический», социальное поведение, модель социального поведения, нормативный тип личности.

In article comparative characteristics of the main standard types of the personality in Russia and in the West are considered. These characteristics are investigated within concepts «the political person» and «the economic person» who act as the valuable bases of the Russian and Western European identification.

Keywords: political person, economic person, social behavior, model of social behavior, standard type of the personality.

Практически все социально-экономические и политико-правовые реформы, проводимые в современном российском обществе, осуществляются на основе сохранения традиционных и внедрения модернизационных социальных практик, поэтому поиск оптимально-

го пути его развития происходит, с одной стороны, в контексте развития традиционных начал российской государственности и права [10, с. 23–28], а с другой – в рамках постоянной реактуализации достижений западноевропейской цивилизации. В первую очередь этими

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

причинами объясняется исследовательский интерес к человеку как нормативному типу личности в России и на Западе.

Некоторые специалисты полагают, что концепт «человек политический» необходимо использовать, прежде всего, в познавательных целях. Это связано с тем, что с его помощью может быть реконструирована модель социальной легитимации деятельности разнообразных институтов государственной власти и управления. В гносеологическом контексте исследование особенностей функционирования «человека политического» необходимо осуществить в рамках анализа соответствующих социальных практик [7, с. 27–36], позволяющего рассматривать человека, во-первых, в качестве иррационального и социально детерминированного участника политических отношений, способного функционировать в рамках персональных приоритетов, выступающего объектом общественной манипуляции. Манипулирование человеком с помощью насаждения и развития соответствующей системы социальных практик раскрывает содержание деятельности разнообразных учреждений государственной власти. В этих условиях вопросы, возникающие в связи с необходимостью определения политической природы человека, перестают быть актуальными [12, с. 82–90].

С другой стороны, нельзя однозначно утверждать о том, что проблема «человека политического» в настоящее время полностью утратила свою актуальность. На наш взгляд, это связано с тем, что в современном многополярном мире постепенно складываются условия, при которых политика (геополитика) играет важную роль в процессе формирования культурно-исторического типа современности и, соответственно, человека как ее выразителя и представителя. Более того, в пространстве современных научных исследований «человек политический», как правило, выступает антиподом «человека экономического», поэтому эти концепты необходимо рассматривать как два типа нормативной личности, олицетворяющих два противоположных типа социально-политической и правовой культуры, порождающей и усиливающей изначально противоречие между представлениями о демократии и свободе в России и на Западе. С позиции «человека экономического» демократию необ-

ходимо рассматривать как форму персональной свободы. «Человек политический», наоборот, отождествляет демократию не со свободой, а с формой общественного паритета, предусматривающего перераспределение материальных благ в пользу экономически слабых участников хозяйственных отношений, для которых государственный патронаж является основой социальной экзистенции. В силу этих обстоятельств «человека политического» и «человека экономического» необходимо рассматривать в качестве диаметрально противоположных типов нормативной личности, которые обуславливают специфику российской и западной политико-правовой социальности. Этими соображениями обусловлена цель статьи, состоящая в необходимости выявления особенностей ментальных программ «*homo politicus*» и «*homo economicus*», определяющих модели социального поведения в современном российском обществе.

В зарубежной научной литературе в той или иной мере уже предпринимались попытки осуществить типологизацию «человека политического». К примеру, в рамках политической психологии «человек политический» выступает основным участником политико-правовых отношений, предусматривающих осуществление государственной власти, государственного управления, государственного принуждения. В этой связи некоторые специалисты делают вывод о том, что действия и поступки любого человека обусловлены спецификой политических и правовых отношений. В данном случае речь идет о таких отношениях, в рамках которых наиболее полно выражена функция управления делами в государстве, предусматривающая принуждение со стороны государственных институтов власти. В свою очередь, наличие многообразных форм государственного принуждения позволяет говорить о существовании различных типов «человека политического».

Первым условным типом «человека политического» является «человек дополитический», для которого государственная власть представляет собой абстрактный абсолют. Она существует и существовала всегда, на нее невозможно оказать принципиальное воздействие, ее нельзя упразднить, поэтому «человек дополитический» выражает индифферентность ко всему, что связано с властью. Индифферентное отношение к власти – это основ-

ной, но не единственный критерий, который обуславливает отличительную особенность «человека дополитического». Идеальный тип «человека дополитического» в первую очередь реконструируется в зависимости от того, обладает он властными полномочиями или нет. В рамках данного гносеологического контекста специалисты фиксируют: 1) присутствие «человека дополитического без власти», того, кто в силу различных обстоятельств соглашается с решениями органов государственной власти и легитимизирует деятельность государственных служащих. Иными словами, это тип «человека политического, не обладающего государственной властью»; 2) «человека дополитического при власти», того, кто использует государственную власть как общественный, а иногда и персональный ресурс. Это такой тип «человека политического», который воспринимает себя в качестве активного субъекта политических отношений, ориентирующего в проблемах, возникающих в системе государственного управления. «Человек политический без власти» рассматривает себя гражданином, который, во-первых, принимает участие в государственном управлении; во-вторых, оказывает влияние на государственную политику. «Человек политический при власти» реализует органические законы политического развития.

Представления о «человеке политическом» получили существенное развитие в рамках психологической науки о политике, предметом которой выступает так называемая «авторитарная личность». Концепция «авторитарной личности», разработанная американскими психологами Э. Френкель-Брунстик, Д. Левинсоном, Р. Невитт Санфордом, развивающая представления Э. Фромма об авторитарной личности и дополненная немецким философом Т. Адорно, позволяет использовать концепт «авторитарная личность» для реконструкции «человека политического», выступающего в качестве особого типа нормативной личности. Концепция «авторитарной личности», с одной стороны, создает гносеологические возможности, позволяющие сформулировать отличительные черты психики или так называемые «психические константы» «человека политического». С другой стороны, эти «психические константы», обуславливающие уникальность социализации «человека политиче-

ского», позволяют типологизировать его психологические характеристики по шкале вероятной склонности к подавлению. Основу этой шкалы составляют патриархальные нормы и правила общественной иерархии, в соответствии с которыми соответствующие субъекты социально-политических отношений подразделяются на «своих» и «чужих», что способствует утверждению агрессивности по отношению к иным социальным акторам и этнонациональным группам [11, с. 79–80].

Исследователи, противопоставляя «авторитарную личность» «личности демократической», объясняют специфику первой тем, что она характеризует такие особенности, как дух уничтожения, агрессивность, а также авторитарные ценности, среди которых необходимо выделить: откровенный цинизм, приспособленчество, абсолютизацию государственно-властной иерархии, «трафаретное» мышление, нежелание признавать свои собственные недостатки, антиинтеллектуальность (невежество), «принципиальность» и особый интерес к сексуальной проблематике [15, р. 228].

Если концепция авторитарной личности создает гносеологические возможности, позволяющие сформулировать «психические константы» и психологические детерминанты «человека политического», то концепция либеральной личности может использоваться для реконструкции «человека экономического».

В связи с этим необходимо отметить, что в современной российской науке тема «человека экономического» приобрела широкую популярность прежде всего в контексте политической социологии, политической философии, политической экономики, а также в рамках междисциплинарных научных концепций, посвященных изучению человека и его особенностей в экономической, политической и психологической науке. Так, диалектика мобилизационных и инновационных форм мотивации хозяйственной деятельности «человека экономического» нашла свое отражение в работе А. П. Абрамова [1, с. 38–43], специфика российского политического менталитета и его влияние на «человека экономического» исследуется в работах Р. А. Лубского [8, с. 188–194; 9, с. 14–22]. Традициям теоретического анализа и инновационным представлениям о «человеке экономическом», анализируемым в контексте теории и практики социального разви-

тия, посвящены исследования Е. О. Бурчиковой, которая, в частности, особо подчеркивает необходимость отказа от чрезмерной идеализации и абсолютизации рациональных характеристик экономического поведения «человека экономического». В этой связи российский специалист активно призывает сконцентрировать исследовательский интерес на проблеме социокультурного обоснования разнообразных способов интерпретации «классической», предельно рационализированной модели «человека экономического», выступающего в качестве непосредственного участника системы политических взаимодействий и виртуальных социокультурных коммуникаций [2, с. 374–376]. Другие отечественные специалисты, занимающиеся изучением проблем «человека экономического» в XXI веке, акцентируют внимание на том, что в современном гуманитарном знании возобладали неоклассическая модель «человека экономического». Прикладные возможности практической реализации этой модели, по их мнению, в первую очередь обусловлены экономическими факторами социального роста, а уже затем антропологическими и культурно-идеологическими его составляющими. В результате этой концептуальной рефлексии В. Н. Рогожникова приходит к выводу о том, что на сегодняшний день неоклассическая модель «человека экономического» проявляется во всех сферах «социально-политического бытия» в России и на Западе [13, с. 70–74].

«Человек экономический» как нормативный тип личности инновационного социума привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных специалистов. Прежде всего, это объясняется тем, что за последнее несколько лет наблюдается резкое увеличение числа зарубежных исследований, посвященных анализу антропоцентристского подхода в изучении экономических отношений и процессов. В рамках этого подхода необходимо отметить два основных вектора научных исследований. Первый связан с реконструкцией антропоцентристских моделей социального поведения, второй – с поиском и обоснованием наиболее предпочтительной антропоцентристской модели социального поведения в плане ее практической полезности для человека. Оба этих вектора выступают в качестве составной части общегуманистической концепции эконо-

мического поведения. Общегуманистическая концепция экономического поведения базируется на представлении о том, что у субъектов социальных отношений существуют индивидуальные потребности, которые они стремятся удовлетворить, и мотивы, требующие реализации. Практическая составляющая этих моделей заключается в максимально возможной степени удовлетворения потребностей, притязаний и желаний человека, которые обладают абсолютным характером. По существу, речь в этих исследованиях идет не об экономическом человеке, а о его месте и роли в экономике антропоцентристского типа.

Представление о роли и месте «человека экономического» в системе политико-правовых и хозяйственно-экономических отношений позволяет выделить три условных типа его социальной рефлексии. Речь идет об отношении к себе, природе и социуму. Важно отметить, что словосочетание «человек экономический» в классической науке используется, как правило, для обоснования нормативного содержания трех условных типов его социальной рефлексии. В данном контексте «человек экономический» – это, скорее, морально-нравственная категория, характеризующая «отпетого» эгоиста, озабоченного поиском личной выгоды. В любом случае мы имеем дело с умозрительным, абстрактным типом нормативной личности, ментальная программа которого отмечается «эластичностью» и способностью восприятия новых ценностей. В силу этого ментальная программа «человека экономического» легко подвержена трансформациям [6, с. 11–19].

Вместе с тем в ментальной программе «человека экономического», оказывающей непосредственное влияние на модели его социального поведения, заложено противоречие между материальными предпочтениями, ценностями, установками, формирующими соответствующие модели поведения, с одной стороны, и материальными предпочтениями, ценностями, установками и разницей в уровне экономического развития региона или отдельной местности, с другой.

Самые разнообразные теоретические представления об общих чертах и особенностях «человека политического» и «человека экономического», выступающих в качестве нормативных типов личности российского и запад-

ноевропейского общества, а также научных концептов, позволяющих разработать основные положения методологии научного познания антропологической и социально-политической действительности, уже выступали и выступают в качестве предмета исследования в рамках отдельных научных дисциплин и соответствующих им парадигмальных оснований. Проблема заключается в том, что все попытки разработать и сформулировать основные положения методологии научного познания порождают обрывочные, односторонние и ограниченные представления о «человеке политическом» и «человеке экономическом» как нормативных типах личности, поэтому сегодня особую актуальность приобретает вопрос о необходимости перехода от простых (одномерных) интерпретаций к сложным (поливариантным). Подобного рода научный транзит, как представляется, возможен лишь на основе разработки поливариантного методологического инструментария, который можно использовать и применить в контексте междисциплинарных исследований, связанных с формулировкой и последующим решением таких теоретических задач, которые находятся на стыке научных полей, выступающих в качестве предмета разнообразных гуманитарных дисциплин и социальных практик [5]. В рамках обозначенного методологического инструментария та или иная модель социального поведения будет рассматриваться, во-первых, как познавательный аналог реального поведения человека в обществе; во-вторых, как рефлексорная реакция на реальную социальную практику, представляющую собой совокупность определенных социально значимых действий, обусловленных формальными и неформальными структурами ментальной программы человека. При этом последние определяют нормативную модель социального поведения, обусловленную традиционными социокультурными ценностями и нормами, а рефлексивные структуры – модальные модели социального поведения, в наибольшей степени распространенные в обществе. Это объясняется тем, что модель поведения человека в обществе реконструируется, прежде всего, в рамках формальных характеристик ментальных программ, обладающих познавательной, ценностной и поведенческой спецификой.

Ментальные программы имеют определенную структуру, элементы которой выполняют

различные функции, реконструирующие социально-правовую действительность и индивидуальную реальность. Прежде всего, это функции социального познания, определения ценностных предпочтений, а также функция, определяющая модель поведения.

Гносеологические структуры ментальных программ (неформальные образы и формальные представления) выполняют функцию познавательного мотива, определяющего социальное поведение. Аксиологические структуры ментальных программ (формальные ценности и неформальные предпочтения) обуславливают проблему ценностного выбора определенной модели социального поведения. Поведенческие структуры ментальных программ (формальная готовность и неформальная предрасположенность) раскрывают особенности индивидуального реагирования на социальную ситуацию и непосредственно определяют реальное социальное поведение.

Таким образом, изучение ментальных программ позволяет сделать вывод о том, что их структурные элементы характеризуются функциональной анизотропностью, в соответствии с которой гносеологические, аксиологические и поведенческие структуры ментальной программы обладают одинаковыми свойствами как части единой ментальной программы, но вместе с тем различаются своими функциями и свойствами, не являясь ее структурными элементами. Анализ функциональных особенностей элементов структуры ментальной программы «человека политического» или «человека экономического» позволяет сделать вывод о том, что социальное поведение – это, во-первых, номинация для обозначения целостной системы нерелексивных (неосознанных) реакций на сложившуюся в социуме ситуацию, выраженных в форме конкретных поступков. Такая модель социального поведения является аналогом нормативной модели социального поведения, осуществление которой зависит от реализации традиционных социокультурных правил и индивидуальных предпочтений. Отличительной особенностью нормативной модели социального поведения «человека политического» в государственно-организованном социуме является предрасположенность экстраполировать решение бытовых проблем в сферу политического (государственного)

управления (власти). Во-вторых, социальное поведение – это совокупность рефлексивных (осознанных) действий. Такая модель социального поведения является аналогом модальной модели социального поведения, осуществление которой зависит от реализации рефлексивных (осознанных) действий (поступков). В постинформационном социуме модальные модели социального поведения распространены в наибольшей степени.

В ментальной матрице «человека политического», относящегося к нормативному типу личности, присущему современному российскому обществу как государственно-организованному, абсолютный приоритет отдается политическим (государственным) ценностям, в соответствии с которыми социальный порядок, установленный и санкционируемый государством, обладает абсолютной ценностью [14, с. 5–21]. В рамках соответствующего типа социальности и порядка в качестве основных маркеров поведения российских граждан выступает, во-первых, тотальное недоверие к государственно-правовым учреждениям федеральной и региональной власти (региональной власти в большей степени); во-вторых, отсутствие возможности оказывать влияние на принятие политически значимых решений; в-третьих, отсутствие фактического политического равенства и состязательности; в-четвертых, дезинтеграция социальности; в-пятых,

социальный раскол. Эти отличительные особенности детерминируют специфику нормативной модели социального поведения «человека политического», обусловленной его ментальной программой.

Процесс реконструкции ментальной программы «человека экономического» в России осуществлялся под воздействием целого ряда факторов. При этом необходимо иметь в виду, что формирование нормативного типа личности «человека экономического» в антропоцентристском обществе происходило и происходит до сих пор в рамках процесса естественной эволюции западноевропейской цивилизации [3], основанной на ценностных ориентациях либерализма. Еще одним фактором формирования ментальной программы «человека экономического» в России является повышение, особенно в последнее время, значения гражданских прав и свобод, прежде всего права собственности и права индивидуального выбора. Помимо этого, формирование ментальной программы «человека экономического» в российском социоцентристском обществе обусловлено, национальными социокультурными традициями [4], своеобразием общественных отношений и социальных практик, спецификой социального порядка, дихотомичностью экономического сознания и поведения, идеей приоритета общественных интересов над личными.

Литература

1. Абрамов А. П. Новый «экономический человек»: диалектика традиционных и современных форм экономической мотивации // *Russian journal of sociology*. 2016. № 4 (2).
2. Бурчинова Е. О. «Человек экономического»: традиции анализа и новации современности // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 12.
3. Драч Г. В., Лубский А. В., Эфендиев Ф. С. *Этнос. Культура. Цивилизация: монография*. Ростов н/Д, 2009.
4. *Культурология в вопросах и ответах / под ред. проф. Г. В. Драча*. М., 1999.
5. Лубский А. В. *Методология региональных социально-гуманитарных исследований: учебное пособие для аспирантов, молодых ученых и магистров*. Ростов н/Д, 2009.
6. Лубский А. В., Лубский Р. А. *Адаптация*

Bibliography

1. Abramov A. P. New «economic person»: dialectics of traditional and modern forms of economic motivation // *Russian Journal of Sociology*. 2016. № 4 (2).
2. Burchikova E. O. «The economic person»: traditions of the analysis and innovation of the present // *Theory and practice of social development*. 2015. № 12.
3. Drach G. V., Lubsky A. V., Efendiyev F. S. *Etnos. Culture. Civilization: monograph*. Rostov-on-Don, 2009.
4. *Cultural science in questions and answers / under the editorship of the professor G. V. Drach*. Moscow, 1999.
5. Lubsky A. V. *Methodology of regional social and humanitarian researches: manual for graduate students, young scientists and masters*. Rostov-on-Don, 2009.

народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // Научная мысль Кавказа. Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ. 2008. № 4 (56).

7. Лубский А. В., Лубский Р. А. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа. Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ. 2012. № 4 (72).

8. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.

9. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 1999.

10. Лубский Р. А. Государственность в России: проблемы изучения в контексте методологии системного исследования // Философия права. 2011. № 4 (47).

11. Лубский Р. А. Патернализм как предмет научного дискурса // Философия права. 2012. № 5 (54).

12. Мартыянов В. С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4.

13. Рогожникова В. Н. Экономический человек в XXI веке // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56).

14. Скоробогатская Н. А., Скоробогатский В. В. Человек политический в эпоху современности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16. № 2.

15. Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N. The Authoritarian personality. N.-Y., 1950.

6. Lubsky A. V., Lubsky R. A. Adaptation of the people of the South of Russia to social transformations: research methodology problems // Scientific thought of the Caucasus. Publishing house of the North Caucasian scientific center of the higher school of SFU. 2008. № 4 (56).

7. Lubsky A. V., Lubsky R. A. The person in Russia and in the West: concepts of discursive thinking // Scientific thought of the Caucasus. Publishing house of the North Caucasian scientific center of the higher school of SFU. 2012. № 4 (72).

8. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian realities: dissertation of the candidate of philosophical sciences. Rostov-on-Don, 1999.

9. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian realities: abstract of dis. ... PhD in philosophy. Rostov-on-Don, 1999.

10. Lubsky R. A. Statehood in Russia: studying problems in the context of methodology of a system research // Philosophy of law. 2011. № 4 (47).

11. Lubsky R. A. Paternalism as subject of a scientific discourse // Philosophy of law. 2012. № 5 (54).

12. Martyanov V. S. «The political person»: models of justification of the power // Person. 2009. № 4.

13. Rogozhnikova V. N. The economic person in the 21st century // Problem of modern economy. 2015. № 4 (56).

14. Skorobogatskaya N. A., Skorobogatsky V. V. The political person during a present era // The Scientific year-book of Institute of philosophy and the right of the Ural office of the Russian Academy of sciences. 2016. Vol. 16. № 2.

15. Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N. The Authoritarian personality. N.-Y., 1950.

Загутин Дмитрий Сергеевич
Zagutin Dmitry Sergeevich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: rostov-zd@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
Samygin Petr Sergeevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор социологических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor.
E-mail: samygin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович
Samygin Sergey Ivanovich

профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор социологических наук, профессор.

Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University, Doctor of Sociology, Professor.
E-mail: samygin78_@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Problems of formation of positive sense of justice of youth in modern Russia

В статье анализируются проблемы формирования позитивного правосознания молодежи в современной России, составляющего основное содержание процесса правовой социализации представителей данной социально-демографической группы. Авторы показывают, что в настоящее время существует необходимость в усилении правовоспитательной деятельности, направленной на формирование у молодежи правовой культуры, устойчивых ориентаций на поведение правомерного характера.

Ключевые слова: молодежь, правосознание, правовая культура, правовая социализация, правовое воспитание.

In article problems of formation of the positive sense of justice of youth in modern Russia which is the main content of process of legal socialization of representatives of this social and demographic group are analyzed. Authors show that now there is a need for strengthening of the right educational activity directed to formation at youth of legal culture, steady orientations to behavior of lawful character.

Keywords: youth, sense of justice, legal culture, legal socialization, legal education.

Одним из наиболее актуальных направлений исследований в рамках современной отечественной социологии права является изучение правосознания, особенностей его генезиса и трансформации применительно к представителям различных социально-демографических групп в российском обществе. Это во многом обусловлено тем обстоятельством, что именно от характера общественного, группо-

вого правового сознания во многом зависит успешная модернизация правовой системы нашей страны, включающая в качестве неотъемлемой составляющей формирование подлинного правового государства. В процессе радикальных реформ в постсоветской России произошло становление институциональной основы правового государства, что нашло отражение в тексте Конституции России и дру-

гих законах и подзаконных актах, однако преобразований институционального характера недостаточно для формирования правовой государственности: реализация указанной цели предусматривает кардинальную трансформацию общественного правосознания, укоренение в сознании абсолютного большинства российских граждан правовых ценностей и установок позитивного характера, устойчивых ориентаций на соблюдение закона, правомерное поведение.

В ряде специальных исследований отмечается, что неуспешный характер многих преобразований политической и правовой системы, осуществленных в нашей стране в постсоветский период, был во многом обусловлен тем, что данные реформы проводились без учета правосознания населения России и его специфических характеристик [1, с. 131]. Степень эффективности реформирования российского общества в ближайшем будущем во многом зависит от облика молодого поколения, в том числе состояния его правового сознания. В настоящее время одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед представителями современной российской политической элиты, является формирование молодежи как носителя позитивного правосознания, правовой культуры гражданского или активистского типа, что предполагает готовность молодых людей к отстаиванию своих прав и свобод, а также прав и свобод других лиц законными методами, осознание данными индивидами безусловной ценности права и закона, ориентацию на законопослушное поведение. Молодежь, как известно, представляет собой гетерогенную социальную группу, однако в ее составе важнейшее место занимает обучающиеся, в первую очередь студенты высших учебных заведений, являющиеся будущей интеллектуальной элитой общества. Именно по этой причине особую значимость приобретает процесс формирования правосознания у представителей современного российского студенчества, испытывающего на себе в процессе правовой социализации воздействие многих разнонаправленных факторов. Научное изучение особенностей становления правового сознания молодежи является актуальным, потому что степень проявленности тех или иных дефектов в его структурной композиции может рассматриваться в качестве косвенного индикато-

ра масштабов отклонений в процессе правовой социализации тех групп российской молодежи, которые, оказались вне рамок воспитательного воздействия, осуществляемого в процессе обучения в образовательных организациях различных уровней [2, с. 96].

Ключевая роль правового сознания объясняется и тем, какое место оно традиционно занимает в структуре базовой культуры личности: к числу основных элементов правосознания, принято относить правовые чувства, установки, правовой опыт, правовые иллюзии, знание права, представления о праве, отношения и требования к праву, отношение к выполнению правовых предписаний, мотивы соблюдения закона, а также осознание и принятие тех социальных ценностей, которые находят свое официальное закрепление в праве [3, с. 27]. От характера индивидуального правового сознания, таким образом, зависит направленность правового поведения, готовность или неготовность к соблюдению правовых предписаний. В структуре правосознания принято выделять несколько компонентов, в том числе когнитивно-познавательный, эмоционально-ценностный и деятельностно-практический. Первый включает в себя правовое мышление его носителя, присущие последнему правовые взгляды и убеждения, эмоционально-ценностный компонент – правовые чувства, ценности и ориентации, деятельностно-практический, соответственно, правовые установки, навыки, реализующиеся в рамках правового поведения, могущего быть правомерным или противоправным.

Принято считать, что становление правового сознания осуществляется на основе правовых знаний, которые, формируясь изначально с помощью правового мышления индивида, впоследствии под воздействием индивидуальных чувств, эмоций и настроений трансформируются в правовые убеждения человека, присущее ему правовое мировоззрение. На базе правового мировоззрения осуществляется формирование ценностных личностных ориентаций и установок в правовой сфере, находящих практическое воплощение в индивидуальном правовом поведении, детерминируя характер и направленность последнего [1, с. 132]. В отечественных исследованиях, посвященных изучению правосознания и факторов, влияющих на его формирование, принято рассматривать данный процесс на основе стандартизирован-

ных схем, одна из которых была приведена авторами выше. В то же время очевидно, что в рамках анализа процессов становления правового сознания молодежи как особой социально-демографической группы следует учитывать особенности, присущие ее представителям, которые не могут не сказываться на характеристиках данной разновидности группового правосознания. Здесь в первую очередь следует принимать во внимание то обстоятельство, что молодежь является формирующимся, становящимся социальным субъектом, вследствие чего и правовое сознание представителей данной группы имеет переходный характер, отличается незавершенностью складывания его основополагающих компонентов.

Базовые компоненты правового сознания молодежи также характеризуются определенной незрелостью и неустойчивостью, разрывом между формирующимися теоретическими представлениями о различных элементах правовой системы общества и приобретенным на данном этапе жизнедеятельности практическим опытом, нередко убеждающим молодых людей в неэффективности формальных правовых норм, их оторванности от реальности, несоответствии ряда распространенных социальных практик требованиям правовых предписаний [4, с. 297]. На молодежное правосознание, его специфические характеристики не могут не воздействовать объективные особенности социального статуса молодых людей в российском обществе, неустойчивость и маргинальность их положения, в той или иной степени присущие молодежи как особой социально-демографической группе в различных общественных системах. Маргинальность социального положения молодежи имеет следствием лабильный характер ее правового сознания, находит отражение в правовом поведении молодых людей, их взаимодействии с представителями различных структур, представляющих государство, и в первую очередь с правоохранительными органами: данное взаимодействие, как известно, нередко приобретает конфликтный характер. Отсюда проистекает необходимость в систематической работе, осуществляемой представителями правоохранительных органов в отношении молодежи, включающей лекции, профилактические беседы, разъяснения смысла и содержания действующего законодательства, а также по-

следствий совершения тех или иных правонарушений. Указанная деятельность является неотъемлемой составной частью правового воспитания молодежи, выступающего в качестве основного средства формирования позитивного правосознания представителей данной социально-демографической группы.

Как часть общего воспитательного процесса правовое воспитание предполагает воздействие на обучающихся молодых людей, имеющее системный и целенаправленный характер и направленное на формирование позитивного правового сознания молодежи, включающего правовые знания в объеме, необходимом для ориентации в правовой среде и участия в различных правоотношениях, а также позитивные правовые ценности и установки на правомерное поведение, деятельность, соответствующую интересам общества и государства, уважение к законодательству страны и другим элементам правовой системы общества, готовность к отстаиванию собственных интересов и интересов других лиц законными способами. В специальных социологических исследованиях, посвященных молодежи, нередко отмечается, что процесс становления личностных качеств молодых людей лишь до определенной степени регламентируется целенаправленным воздействием воспитательного характера [3, с. 118–119]. Социализация в целом и правовая социализация в частности включают социально-контролируемые, реализуемые посредством правового воспитания и стихийные процессы воздействия на личность молодого человека.

Справедливо отметить, что государственная образовательная политика в России в течение последних лет характеризовалась усилением воспитательного компонента в рамках правового образования, что нашло отражение в различных программах, образовательных стандартах и так далее. В настоящее время существует определенная нормативно-правовая основа деятельности, направленной на системное правовое воспитание представителей различных групп обучающихся. В то же время в российских образовательных организациях акцент традиционно делается на формирование когнитивно-знаниевого компонента молодежного правосознания: как отмечается в специальных исследованиях, посвященных образовательному процессу как фактору фор-

мирования правового сознания, в рамках указанного процесса фактически не оказывается сколько-нибудь существенного воздействия на эмоционально-ценностный и деятельностно-практический компоненты [5, с. 66]. Правовые знания, безусловно, являются важным компонентом индивидуального правового сознания, и их формирование – неотъемлемый компонент процесса правовой социализации личности: без элементарных представлений о праве, системе законодательства нормальное функционирование человека в современном сложном обществе оказывается практически невозможным, поскольку любой индивид сталкивается с правовыми нормами в различных сферах своей деятельности и на разных этапах жизни. Однако «знание закона еще не является его осознанием» [6, с. 24]: индикатором формирования позитивного правосознания высокого уровня выступает в первую очередь укорененная в сознании индивида убежденность в необходимости соблюдения закона, безусловного уважения к нему и признания его справедливости.

Результаты многочисленных эмпирических исследований, проводившихся в нашей стране различными научными учреждениями, показывают, что в России достаточно много граждан, для которых, с одной стороны, характерен высокий уровень правовых знаний (многие из них имеют высшее юридическое образование, являются профессиональными юристами), однако, с другой стороны, эти же высококвалифицированные специалисты могут отличаться нигилистическими взглядами в области права, стремлением к игнорированию правовых предписаний, используя полученные знания в целях совершения тех или иных правонарушений таким образом, чтобы избежать привлечения к юридической ответственности. В качестве важнейшего показателя уровня правового сознания молодежи следует, на наш взгляд, рассматривать отношение представителей рассматриваемой социально-демографической группы к закону: позитивное правовое сознание высокого уровня характеризуется трансформацией правовых знаний в признание права и закона в качестве высших ценностей. Следует признать, что в настоящее время правосознание молодежи в целом не соответствует данным критериям, а отношение абсолютного большинства молодых россиян

к закону не претерпевает кардинальных изменений. Твердой мотивации на безусловное соблюдение закона в сознании молодежи пока не сложилось: установки на полное законопослушание, в соответствии с результатами всероссийских социологических опросов, присущи не более чем пятой части представителей отечественной молодежи, что примерно соответствует количеству молодых граждан, склонных к игнорированию закона, считающих для себя допустимым и даже желательным его нарушение в целях достижения жизненно важных целей, в том числе материального благополучия. Отметим, что для большей части молодежи характерна ориентация на соблюдение закона исключительно в случае выполнения определенных условий, связанных с характером действий представителей властных структур («законы необходимо соблюдать только в тех случаях, когда это делают и представители власти»), а также с характеристиками самого закона, включающими их соответствие или несоответствие принципам справедливости или, точнее, тем, как сами молодые люди интерпретируют данную справедливость с присущей ей неопределенностью («не так важно, соответствуют ли поступки людей закону или нет, – главное, чтобы эти поступки были справедливыми») [6, с. 64].

В обыденном сознании существует стереотип, согласно которому старшее поколение, как правило, является в большей степени законопослушным в сравнении с молодыми людьми. Однако он опровергается данными эмпирических исследований, свидетельствующими о том, что доля молодых граждан, ориентированных на безусловное соблюдение закона, количественно соответствует аналогичной доле пожилых россиян. Это показывает, что в правосознании современной российской молодежи воспроизводятся правовые ценности и установки, присущие предшествующим поколениям, включающие в том числе нигилистические правовые воззрения. К сожалению, ситуация в данной сфере не характеризуется сколько-нибудь существенными изменениями положительного характера, включающими радикальное увеличение среди молодежи числа лиц, являющихся носителями позитивного правового сознания. Как уже отмечалось выше, эмоционально-ценностный компонент молодежного правосознания, включающий

отношение представителей данной социально-демографической группы к законам и другим элементам правовой системы общества, практически никак не коррелирует с когнитивно-познавательным компонентом, то есть объемом правовых знаний и представлений молодых россиян. Результаты социологических опросов представителей различных групп учащейся молодежи показывают, что законопослушность молодежи никак не зависит от уровня ее учебной успеваемости, в том числе и по правовым дисциплинам: примерно одинаковый процент законопослушных граждан имеется как среди хорошо, так и среди плохо успевающих школьников и студентов [7, с. 46].

Приведенные данные указывают на необходимость усиления правовоспитательной деятельности, включающей целенаправленное воздействие на молодежь с целью формирования позитивного правосознания, соответствующего отношения к закону, устойчивых ориентаций на поведение правомерного характера. В российских образовательных организациях различных уровней в последние годы уделяется повышенное внимание правовой подготовке, так как, несмотря на то, что в отечественные вузы сейчас поступают выпускники школ, имеющие определенный багаж правовых знаний, включающий представления о Конституции России и иных базовых нормативных правовых актах, основополагающих отраслях российского права и т. п., этого, как мы уже отмечали выше, недостаточно для формирования законопослушного гражданина, ориентированного на неукоснительное соблюдение закона в различных видах своей деятельности. В нашей стране разработаны государственные программы, направленные на формирование позитивного правосознания различных групп населения России, в том числе молодежи, включающие воздействие на эмоционально-ценностный и деятельностно-прак-

тический компоненты правового сознания представителей указанной социально-демографической группы. Здесь можно выделить, в частности, «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Данный документ предусматривает в качестве практической реализации внедрение в образовательный процесс различных уровней новых курсов, программ и так далее [8].

Необходимо отметить, что успешное осуществление этой и других программ зависит в том числе и от наличия достаточного количества компетентных педагогических кадров с высоким уровнем правовой компетентности и правовой культуры в целом. Следует признать, что в настоящее время процесс правовой социализации молодежи, включающий и формирование ее правового сознания, во многом имеет стихийный характер, что предполагает воздействие на рассматриваемый процесс многочисленных разнонаправленных факторов. В процессе социализации молодежи в сфере права участвуют различные социальные институты и средства массовой информации. Что касается последних, то они зачастую оказывают негативное влияние на правосознание молодежи, представители которой имеют неокрепшее, несформировавшееся мировоззрение. Актуальная для современного российского общества и государства задача, связанная с формированием позитивного правового сознания молодежи, может быть решена на основе координации усилий образовательных организаций и семьи, призванных осуществлять целенаправленное воспитательное воздействие на представителей молодого поколения, а также СМИ, распространяющих доступные информационные материалы правового характера, необходимые для развития различных компонентов правосознания российской молодежи.

Литература

1. Ключко И. В. Теоретико-методологические основы проблемы формирования правосознания учащейся молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6.
2. Самыгин П. С., Исакова Ю. И., Печкуров И. В. Правовая социализация современной российской молодежи: монография. М., 2016.

Bibliography

1. Klochko I. V. Theoretical and methodological bases of a problem of formation of sense of justice of the studying youth // The World of science, culture, education. 2013. № 6.
2. Samygin P. S., Isakova Yu. I., Pechkurov I. V. Legal socialization of modern Russian youth. Moscow, 2016.

3. Гулевич О. А., Гольничик Е. О. Правосознание и правовая социализация (аналитический обзор). М., 2003.
4. Самыгин П. С., Попов М. Ю., Самыгин С. И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2016. Т. 16. № 2.
5. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М., 2011.
6. Егоров И. А., Сафуанов Ф. С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания // Психологическая наука и образование. 2014. № 3.
7. Психология развития, возрастная психология / С. И. Самыгин, А. В. Волочай, Н. Г. Гончарова и др. Ростов н/Д, 2013.
8. Гречин А. С. Социология правового сознания. М., 2001.
9. Шереги Ф. Э. Российская молодежь: настроения, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013.
10. Самыгин П. С. Состояние правового образования в России как фактор правовой социализации учащейся молодежи // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № 1168-Пр) // Российская газета. 2011. 14 июля.
12. Загугин Д.С., Ивченко М. В. Профилактика молодежного экстремизма и агрессии в социальных сетях на примере молодежной политики в ростовской области // Вестник непрерывного образования. 2015. № 2.
3. Gulevich O. A., Golynchik E. O. Legal consciousness and legal socialization (analytical review). Moscow, 2003.
4. Samygin P. S., Popov M. Yu., Samygin S. I. Legal socialization of youth in the conditions of the crisis of modern Russian society // Bulletin of the University of people friendship. Serie: Sociology. 2016. № 2.
5. Chuprov V. I., Zubok Yu. A. Sociology of youth. Moscow, 2011.
6. Egorov I. A., Safuanov F. S. Educational process as factor of formation of sense of justice // Psychological science and education. 2014. № 3.
7. Developmental psychology, age psychology / S. I. Samygin, A. V. Volochay, N. G. Goncharova, ect. For university students. Rostov-on-Don, 2013.
8. Grechin A. S. Sociology of legal consciousness. Moscow, 2001.
9. Sheregi F. E. Russian youth: moods, expectations, value orientations. Moscow, 2013.
10. Samygin P. S. Condition of law education in Russia as a factor of legal socialization of studying youth // Theory and practices of society development. 2007. № 1.
11. Bases of a State policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and sense of justice of citizens (appr.by Russian President 28.04.2011 № 1168-Pr) // Russian newspaper. 2011. 14 Apl.
12. Zagutin D. S., Ivchenko M. V. Prevention of youth extremism and aggression in social networks by the example of youth policy in the Rostov region// Bulletin of continuous education. 2015. № 2.

Намнясева Виктория Вячеславовна
Namnyaseva Victoriya Vyacheslavovna

начальник кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Head, Department of Criminal Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: namn.viktoriya@yandex.ru

**ПАТОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА:
ПЕРСПЕКТИВА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Pathology of criminal law: perspective or reality?

Статья посвящена проблеме кризисных тенденций в праве. Автором предпринята попытка анализа такого явления, как патология права, которое характеризуется комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений: патологией правотворчества, патологией правореализации и патологией правосознания. Анализируются причины, негативно влияющие на эффективность уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: патология права, правотворчество, правореализация, правосознание, уголовный закон.

The article is devoted to the problem of crisis trends in law. The authors attempt of the analysis of such a phenomenon as the pathology of law. It is noticed that the pathology of law is characterized by a complex of interrelated and interdependent phenomena – the pathology of law-making, the pathology of pravorealizatsiya and pathology of legal consciousness. The reasons negatively influencing the effectiveness of criminal law influence are analyzed.

Keywords: pathology of law, law-making, pravorealizatsiya, sense of justice, criminal law.

Тезис о том, что на современном этапе не приходится говорить о высоком уровне стабильности и эффективности системы российского национального законодательства, не нуждается в доказывании. Учеными неоднократно отмечалось, что «кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого цивилизованное общество существовать не может» [1, с. 40]. Значительное количество граждан России не удовлетворены качеством защиты государством их прав и свобод, состоянием борьбы с преступностью. К сожалению, можно также констатировать снижение авторитета судебных и правоохранительных органов. Неверие граждан в справедливое правосудие, теневая юстиция, правовой нигилизм – все эти явления становятся все более масштабными. Речь идет уже не об отдельных негативных моментах, а о проблеме на государственном уровне. Конечно, перечисленные явления обусловлены целым комплексом причин, среди которых неэффективность уголовно-правового воздействия является одной из основных. Именно от качества уголовно-

но-правового регулирования, формулировок уголовно-правовых запретов и особенностей реализации ответственности за их нарушение в значительной степени зависит стабильное развитие общества. Высказывание профессора С. О. Богородского о том, что «правосудное и неослабное исполнение уголовных законов есть одно из вернейших ручательств благоустройства общественного и спокойствия частных лиц» [2, с. 1], остается актуальным и сегодня. И наоборот – в силу особенностей предмета и методов регулирования любые недостатки и небольшие погрешности в уголовном законодательстве являются наиболее травматическими для общества и государства. Н. А. Лопашенко совершенно справедливо отмечает, что «недостатки законодательной техники и ее состояние по некоторым уголовно-правовым нормам являются самостоятельным криминогенным фактором, порождающим не просто отклоняющееся, но и преступное поведение» [3, с. 49]. Если национальное законодательство и практика его применения воспринимаются гражданами государства как неэффективные и несправедливые, то это свидетельствует о «болезненном» состоянии и патологии права.

Понятие патологии права далеко не однозначно и достаточно условно. Под патологией как таковой понимается болезненное отклонение от нормы, нормального состояния или процесса развития, уродливая ненормальность [4; 5]. Говоря о социальной патологии, В. Н. Кудрявцев определял ее как «такое отклонение от социальной нормы, которое имеет отрицательное значение с точки зрения общественных интересов» [6, с. 34].

Право представляет собой один из наиболее значимых социальных регуляторов, предназначенный для воздействия на общественные отношения и социальные процессы, поведение граждан. Поэтому патология права всегда свидетельствует о серьезных негативных процессах в государстве, является индикатором происходящих деформаций общественной системы. К сожалению, анализ современного состояния национального законодательства и российской правовой системы в целом все чаще «сопровождается использованием терминов “несогласованность”, “диспропорция”, “противоречивость”, “несистемность”, “неполнота”, “дефектность”, “кризис” и т. п.» [7, с. 4]. Полагаем, что патология права характеризуется комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений – дефективностью правотворчества, патологией правореализации и патологией правосознания.

Патология правотворчества характеризуется нарушениями при создании правовых норм. В настоящее время системе российского законодательства свойственен целый ряд негативных явлений, связанных в первую очередь с нарушениями системно-структурных связей правовых норм, отсутствием понимания законодательства как целостной, внутренне непротиворечивой системы, построенной в соответствии с определенными принципами и правилами. К числу таких явлений относятся: пробелы в праве и правовая инфляция; межотраслевые и внутриотраслевые коллизии; включение в закон многочисленных исключений из правил; законодательное закрепление субъективных прав, не обеспеченных корреспондирующими юридическими обязанностями, и т. п.

Изучив правотворческую деятельность последних лет, можно констатировать, что научная обоснованность принимаемых нормативных правовых актов далека от желаемой. Данный недостаток характерен как для первичного, так и для вторичного законодательства. По данному поводу представляется уместным

привести высказывание В. И. Гладких, отметившего, что «законодательная практика последних лет наводит на мысль, что научная деятельность и практическое законодотворчество идут параллельными путями, которые, как известно, никогда не пересекаются» [8, с. 15]. К сожалению, случаи, когда практически сразу после принятия очередной законодательной новеллы появляются критические публикации, в которых анализируются ее дефекты, становятся в настоящее время все более распространенными. Г. К. Варданынц отмечает, что «современная законодательная практика зачастую приводит к правовому волонтаризму советского образца, когда право формируется на основе здравого смысла законодателя, подчас имеющего мало общего с реальными потребностями общества, и, как следствие, не находит в общественном сознании ничего, кроме возмущения и протеста» [9, с. 5].

Патологии правореализации свойственны нарушения, связанные с воплощением существующих норм права. Данная разновидность патологии включает две основные составляющие: 1) различного рода злоупотребления и нарушения, допускаемые должностными лицами, наделенными государством функциями применения соответствующих правовых норм; 2) это нарушения, связанные с необходимостью соблюдения предписаний и запретов, установленных законодательством, то есть собственно правонарушения. При этом обе составляющие обусловлены не только социальными деформациями общественной системы в целом, но и патологией правотворчества.

Дефекты правотворческой деятельности не способствуют укреплению авторитета законодателя и, соответственно, принимаемых им новелл как у правоприменителей, так и у лиц, на которых государством возложена обязанность соблюдения правовых предписаний. Очевидные недостатки принимаемых правовых норм, их несоответствие не только реальным правоотношениям и логике построения законодательства, его основополагающим принципам (в частности, справедливости и равенства перед законом), но и здравому смыслу, прямо или косвенно обуславливают патологию правореализации. Кроме того, в отдельных случаях не только субъекты соблюдения норм права, но и правоприменители не в состоянии однозначно истолковать волю законодателя. При этом еще со времен римского права общеизвестно, что: 1) *res est misera ubi jus est vagum et incertum* («пло-

хо дело, когда закон неясен и неопределен»); 2) *ubi jus incertum, ibi nullum* («если закон неопределен – закона нет»).

Патология правосознания, его деформация связаны с искажением отношения к ценности права, его значимости как социального регулятора, с пренебрежением правом, недоверием населения к праву и соответствующим институтам власти. В правовой доктрине выделяют различные виды деформации правосознания, к наиболее распространенным из которых относятся правовой инфантилизм, правовой дилетантизм, правовой нигилизм и правовой идеализм. Для правового инфантилизма характерна несформированность правовых знаний в сочетании с уверенностью в юридической подготовке достаточно высокого уровня. Правовому дилетантизму свойственно вольное обращение с правом, вытекающее из небрежного к нему отношения. Наиболее опасный вид деформации связан с «перерождением» правосознания, вплоть до формирования преступного умысла. Одним из проявлений именно данного вида является правовой нигилизм, заключающийся в неуважении к закону, игнорировании его требований, негативном отношении к деятельности органов государственной власти в целом и суда и правоохранительных органов в частности, а также отрицании или недооценке ценности права как социального регулятора. Расхожие фразы «законы пишутся для того, чтобы их нарушать» и «закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло» можно расценивать в качестве лозунга, девиза правового нигилизма. Круг факторов, обуславливающих существование правового нигилизма, весьма широк: это и утрата веры в справедливость законов, и протест против нарушений в ходе реализации законодательства, коррумпированности чиновников, и юридическое невежество, недостатки правового воспитания, и откровенно антисоциальная установка личности.

Деформацией правосознания является и правовой идеализм, который можно рассматривать как оборотную сторону правового нигилизма; «оба эти явления питаются одними корнями – юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры» [10, с. 10]. В условиях правового идеализма представление о роли права явно переоценивается, так как для данной деформации правосознания характерно восприятие права как средства, способного решить все проблемы: достаточно принять хорошие зако-

ны, и все проблемы общественного развития разрешатся. При этом необходимость наличия в государстве как необходимой среды (политической, экономической, идеологической) функционирования соответствующих правовых норм, так и механизма их реализации либо вообще игнорируется, либо данным факторам не придается должного значения.

Простым принятием даже очень хороших законов невозможно справиться с коррупцией, преодолеть экономический кризис, ликвидировать преступность. К сожалению, современному российскому законодательству свойственен рефлексивный подход к формированию приоритетов правовой политики, который складывается путем спонтанного реагирования на сложившуюся обстановку и развивается по линии наименьшего сопротивления [11, с. 175]. В ряде случаев нормативный правовой акт изначально объективно не способен оказать реальное воздействие на сложившуюся обстановку, выступить в качестве эффективного регулятора соответствующих общественных отношений и принимается лишь для снятия напряженности в обществе. Однако подобная мера может принести лишь иллюзорную, сиюминутную выгоду и в конечном счете обеспечить еще большее деформирование правосознания, связанное с утратой доверия к власти и принимаемым ею законам. Об этом говорили еще римские юристы, отмечая, что бездействующий закон хуже отсутствующего.

Патология правосознания может рассматриваться как один из индикаторов патологии законодательства и правореализации. При этом правовой нигилизм, являющийся одним из проявлений патологии правосознания, может на определенном этапе повлечь за собой ослабление и даже разрушение как правотворческого, так и правоприменительного сегментов правовой системы. В современной российской действительности правовой нигилизм характерен уже не только для пользователей права, но и для правоприменителей. Более того, появление некоторых законодательных новелл можно объяснить именно деформацией правосознания самого законодателя. Сегодня можно говорить о своеобразном замкнутом круге, когда патологии законодательства и правореализации приводят к патологии правосознания, а последняя, в свою очередь, обуславливает новый уровень патологии законодательства и патологии правореализации, еще более усугубляя их.

Выше уже отмечено, что «болезненные» явления в праве обладают особой силой и способны причинить наибольший ущерб, если они проявляются именно в уголовном праве, поэтому именно уголовное законодательство должно отличаться наибольшим постоянством и стабильностью. Однако в настоящее время о стабильности, к сожалению, говорить не приходится. Более уместным представляется определение Т. В. Кленовой, которая охарактеризовала современное российское уголовное законодательство как «суетливое». За годы своего действия Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года подвергся многочисленным изменениям. Законодатель постоянно дополнял, изменял, перекраивал уголовное законодательство. В общей сложности в УК РФ внесено несколько тысяч поправок. При этом некоторые решения об изменении законодательства не отличаются продуманностью и последовательностью. В отдельных случаях поправки принимаются без учета системно-структурных связей уголовно-правовых норм, игнорируется понимание уголовного законодательства как целостной, внутренне непротиворечивой системы, построенной в соответствии с определенными принципами и правилами. Полностью соглашаясь с А. И. Рарогом в том, что «долговечность закона определяется тем, насколько он соответствует его задачам, насколько он совершенен в технико-юридическом отношении и отвечает требованию системности» [12, с. 91], следует с сожалением констатировать, что многочисленные изменения привели к нарушению системности уголовного законодательства, к его внутренней рассогласованности и неупорядоченности. При таком качестве довольно проблематично говорить о высокой эффективности выполнения уголовно-правовыми нормами своего функционального предназначения.

Существуют статьи, которые законодатель менял по 5–10 раз. Из УК РФ исключаются и вновь возвращаются (причем иногда, в худшей редакции) одни и те же нормы. Одним из наглядных примеров является история регламентации ответственности за клевету. В соответствии с Федеральным законом от 07 декабря 2011 года № 420-ФЗ ст. 129 УК РФ, устанавливающая ответственность за клевету, утратила силу. В пояснительной записке к соответствующему законопроекту было указано, что законопроект направлен на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства Россий-

ской Федерации, а так как клевета по степени общественной опасности более соответствует деянию, предусмотренному Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, чем УК РФ предлагается ст. 129 УК РФ признать утратившей силу, а ответственность за данное деяние установить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [13]. Через семь месяцев Федеральным законом от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ вновь была установлена уголовная ответственность за клевету. В пояснительной записке к законопроекту, предусматривающему соответствующие изменения, сказано, что достоинство личности охраняется государством в соответствии с Конституцией Российской Федерации, а существующие меры защиты чести и достоинства личности, закрепленные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующие законодательные положения о клевете, не в полной мере представляются достаточными и эффективными. Кроме того, правопорядки практически всех стран мира устанавливают уголовную ответственность за клевету. Учитывая специфику уголовно-правовой доктрины российского права, законопроектом предлагается дополнить УК РФ новой статьей 129 «Клевета», установив повышенные санкции [14]. Таким образом, за полгода депутаты Государственной Думы РФ кардинально изменили свою позицию относительно степени общественной опасности одного и того же деяния, что вряд ли может положительно влиять на авторитет законодателя и, соответственно, принимаемых им норм как у правоприменителей, так и у пользователей. Подобная нестабильность, непоследовательность принимаемых правотворческих решений проявилась и при регламентации уголовной ответственности за лжепредпринимательство, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, побори и т. п.

В отдельных случаях нарушаются принципы уголовного закона. В качестве лишь одного из примеров нарушения принципа равенства перед законом достаточно вспомнить изменения, внесенные в ч. 1 ст. 63 УК РФ Федеральным законом от 22 июля 2010 года № 155-ФЗ. Статья была дополнена пунктом «о», в соответствии с которым совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел признается обстоятельством, отяг-

чающим наказанием. Однако дифференциация уголовной ответственности в зависимости от ведомственной принадлежности – очевидное, бесспорное нарушение принципа равенства. Должностное положение лица не может влиять ни на смягчение, ни на усиление наказания, за исключением тех случаев, когда оно связано с признаками состава совершенного преступления. Но в рассматриваемой ситуации нарушение принципа равенства применительно к составам как с общим, так и со специальным субъектом. Из буквального толкования уголовного закона следует, что совершение одних и тех же преступлений, в которых должностное положение лица учтено в качестве составообразующего или квалифицирующего признака, должно наказываться более строго в случаях их совершения сотрудниками органов внутренних дел. Так, преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», совершенное следователями органов внутренних дел Российской Федерации, обладает большей общественной опасностью и должно влечь более строгое наказание, чем если бы его совершили следователи Следственного комитета Российской Федерации: в первом случае имеется предусмотренное п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельство, отягчающее наказание, а во втором – нет.

Еще одна из наиболее «болезненных», по нашему мнению, проблем действующего уголовного законодательства – проблема построения системы наказаний и конструирования санкций. Именно по справедливости назначенного за совершение конкретного преступления наказания большинство граждан могут судить об эффективности и результативности как уголовного законодательства, так и системы уголовного судопроизводства.

Система наказаний может считаться эффективной, если и с точки зрения количественного состава составляющих ее структурных элементов, и качественного ее наполнения (характеристики этих элементов) она максимально обеспечивает реализацию целей наказания, которые, в свою очередь, предопределены целями уголовного законодательства и уголовной политики. Не останавливаясь подробно на дискуссионной проблеме определения целей наказания, отметим только то, что цель превенции признается всеми исследователями. Прогнозирование возможности реализации

именно целей общей и частной превенции должно в первую очередь определять и построение системы наказаний, ее структуру, количественный и качественный состав, а в дальнейшем и формулирование санкций конкретных уголовно-правовых норм – их качественный состав, вариативность, минимальный и максимальный размеры наказания и длину альтернативных санкций.

Состояние и динамика рецидивной преступности является одним из индикаторов достижения цели превенции и, следовательно, эффективности уголовного законодательства: ее рост сигнализирует о проблемах в реализации функционального предназначения уголовного права. Официальные статистические данные свидетельствуют об увеличении количества преступлений, совершаемых лицами, причастными к криминальной деятельности: в 2011 году этот показатель составлял 40,7 %, в 2012 году – 46,6 %, в 2013 году – 49,6 %, в 2014 году – 53,7 %, в 2015 году – 55,1 %, в 2016 году – 54 % [15]. Таким образом, за последние три года данный показатель превысил отметку в 50 %. И это только данные официальной статистики. Если даже не принимать в расчет популярную фразу «существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика», следует учитывать и латентную преступность, и преступления, оставшиеся нераскрытыми (достаточно часто они совершаются лицами, уже имеющими криминальный опыт). Основной вывод из вышеизложенного: существующая система наказаний не отвечает в полной мере ни законодательно закрепленным целям наказания, ни задачам уголовного законодательства в целом и, следовательно, нуждается в корректировке.

Система наказаний должна содержать оптимальное количество структурных элементов и не может расширяться до бесконечности. В настоящее время российская система уголовных наказаний включает 13 (по мнению некоторых авторов, 18) видов. Полагаем, что данное количество может и должно быть сокращено за счет тех видов наказания, которые либо не реализуются, либо не в полной мере соответствуют целям наказания, либо дублируют друг друга.

В действующем Уголовном кодексе РФ существует такой вид наказания, как арест, который на практике не применяется. Условий для его применения за 20 лет действия УК РФ так и не созданы, и вряд ли данная ситуация изменится в ближайшем будущем, учитывая

сложную экономическую ситуацию в стране. Кроме того, следует отметить, что после понижения минимального срока лишения свободы с шести до двух месяцев потребность в данном виде наказания весьма сомнительна.

Принудительные работы являются уже третьим (наряду с обязательными и исправительными работами) видом наказания, целесообразность которого (особенно с учетом уровня безработицы в России) вызывает сомнения.

Если проанализировать действующую редакцию ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы», нетрудно заметить ее значительное сходство с положениями ст. 73 УК РФ «Условное осуждение». Возможен целый ряд ситуаций, связанных с конкуренцией данных норм и их фактическим дублированием. Необходимо либо внести изменения в обе рассматриваемые нормы, либо отказаться от данного вида наказания.

Различными авторами неоднократно отмечалось, что в российском уголовном законодательстве вопрос о санкциях проработан откровенно слабо и бессистемно, их установление носит умозрительный характер [16, с. 48; 17, с. 41]. При этом, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки, до настоящего времени в доктрине уголовного права отсутствует универсальная действующая методика конструирования санкций уголовно-правовых норм как с точки зрения определения их качественной (характеризующейся набором видов наказаний), так и количественной составляющей (определяемой установленными для каждого вида наказания пределами).

Следует отметить, что и в первоначальной редакции действующего УК РФ система санкций была далека от совершенства. Однако последующие изменения только ухудшили существующую ситуацию, что способствовало внутренней рассогласованности и неупорядоченности уголовного законодательства. Значительное количество внесенных в уголовный кодекс поправок касается именно редакции санкций статей Особенной части УК РФ, но оценка этих поправок в большинстве случаев далека от положительной. Не всегда можно говорить и об адекватном отражении в санкции характера и степени общественной опасности запрещаемого деяния.

Конечно, идеальный уголовный (как и любой другой) закон может существовать лишь в воображении, но порой установленные санкции явно не соответствуют тяжести содеянного. Данный недостаток характерен как для пер-

вичного, так и для вторичного законодательства. Приведем лишь несколько примеров.

Норма, устанавливающая запрет на принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), выступает в качестве специальной по отношению к общей норме, закрепленной в ст. 286 УК РФ, и регламентирует ответственность за превышение должностных полномочий в особой сфере – обеспечения интересов правосудия. Сравнение санкций как основных, так и квалифицированных составов превышения должностных полномочий и принуждения к даче показаний предопределяет следующий парадоксальный вывод: предусмотренный ст. 302 УК РФ вид превышения должностных полномочий является привилегированным составом преступления.

В отдельных случаях вновь принимаемые нормы изначально не способны обеспечить достижение цели превенции в силу того, что предусмотренное наказание не отвечает тяжести содеянного. Так, например, анализируя включенную в уголовное законодательство в 2013 году ст. 258.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, М. В. Бавсун отмечает, что «ни один из видов наказаний, содержащихся в рассматриваемой статье ... не способен выступать в качестве инструмента общего предупреждения совершения преступления» [18, с. 51]. Достаточно сложно объяснить позицию законодателя, установившего за обещание или предложение посредничества во взяточничестве более строгое наказание (до 7 лет лишения свободы), чем за оконченное посредничество (до 5 лет лишения свободы). Несмотря на многочисленные критические замечания, высказанные по данному вопросу, аналогичное решение было принято при криминализации посредничества в коммерческом подкупе (до 4 лет лишения свободы за обещание или предложение посредничества, до 2 лет лишения свободы за само посредничество). Принимая решение о «дифференциации мошенничества на отдельные составы», законодатель фактически установил (исходя из анализа санкций соответствующих уголовно-правовых норм), что те виды мошенничества, которые заслуживают регламентации в самостоятельных статьях УК РФ (ст. 159.1–159.6 УК РФ), менее опасны, чем другие виды мошенничества. При этом в пояснительной записке к соответствующему законопроекту указано, что совершение таких преступлений

(мошенничества в сфере кредитования, при получении вышлат, с использованием платежных карт, в сферах предпринимательской деятельности, страхования и компьютерной информации) в современных условиях требует со стороны государства адекватных уголовно-правовых мер воздействия, в то время как закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий [19]. Очевидно, что под адекватной, осуществляемой на должном уровне защитой понимается смягчение санкций – исключение лишения свободы на определенный срок из видов наказания за основные составы данных видов мошенничества (в отличие от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ).

Литература

1. Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. Ежегодник. Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. 2014. № 8.
2. Богородский С. О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Киев, 1862. Т. 1.
3. Лопашенко Н. А. Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное право: проблемы юридической техники: материалы конференции. М., 2004.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2014.
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007.
6. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
7. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
8. Гладких В. И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11.
9. Варданыц Г. К. Социальный генезис права: гештальт-социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008.
10. Матузов Н. И. Правовой идеализм как

И в заключение рассмотрим еще один «болезненный» момент в сфере конструирования санкций. С исключением нижнего предела наказания в ряде статей Особенной части УК РФ появились почти неопределенные санкции (вряд ли можно признать удачной законодательно закрепленную возможность назначения за одно и то же преступление как 2 месяцев, так и 15 лет лишения свободы).

Представляется, что принятие непродуманных поправок в уголовное законодательство, появляющихся как сиюминутная реакция на конкретные события для снятия напряженности в обществе, но не способных эффективно регулировать соответствующие общественные отношения, становится все более распространенным. Все вышеизложенное позволяет с сожалением констатировать наличие «болезни» уголовного права, его патологии в сфере правотворчества, правореализации и правосознания.

Bibliography

1. Vlasenko N. A. About crisis tendencies in the law // Law machinery. Yearbook. «Democratization of lawmaking: doctrine, practice, technology». N. Novgorod, 2014. Vol. 8.
2. Bogorodsky S. O. An outline of the history of criminal law in Europe since the beginning of the XVIII century. Kiev, 1862. Vol. 1.
3. Lopashenko N. A. Disadvantages of the legislative technique of the Russian Criminal Code as an obstacle to its effective application and the crime factor // International and national criminal law: problems of legal engineering: materials of the conference. Moscow, 2004.
4. Ozhegov S. I. Definition dictionary of the Russian language. Moscow, 2014.
5. Ushakov D. N. A great definition dictionary of the modern Russian language. Moscow, 2007.
6. Kudryavtsev V.N. Legal behavior: norm and pathology. Moscow, 1982.
7. Belousov S.A. Legislative imbalance (doctrine, theory, practice): dis. ... doctor of law. Saratov, 2015.
8. Gladkikh V. I. Paradoxes of modern lawmaking: critical notes on the margins of the Criminal Code // The Russian investigator. 2012. Vol. 11.
9. Vardanyants G. K. Social genesis of law: gestalt sociological analysis: dis. ... doctor of sociology. Moscow, 2008.
10. Matuzov N. I. Legal idealism as the re-

оборотная сторона правового нигилизма // Правовая культура. 2013. № 1 (14).

11. Кобец П. Н. Современное состояние и проблемы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2012.

12. Рарог А. И. Актуальные проблемы уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2.

13. Пояснительная записка к законопроекту № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства Российской Федерации)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=559740-5&02>.

14. Пояснительная записка к законопроекту № 106999-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушения конституционных прав граждан)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=106999-6&02>.

15. Статистика и аналитика (данные о состоянии преступности). URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>.

16. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

17. Игнатов А. Н. О реализации принципа справедливости в уголовном праве России // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: материалы Всерос. науч. практич. конференция: в 2 ч. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2005. Ч. 1.

18. Бавсун М. В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных пород животных // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25).

19. Пояснительная записка к законопроекту № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.duma.gov.ru/systems/law/?registration-start=01.04.2012®istration-end=29.11.2012&sort=date&PAGEN_1=42#results/

verse side of legal nihilism // Legal culture. 2013. Vol. 1 (14).

11. Kobets P. N. Current state and problems of improving the criminal legislation of the Russian Federation // Current state and problems of criminal and criminal procedural law, legal psychology: materials of Intern. scientific-practical conf., Russia. Volgograd, 2012.

12. Rorog A. I. Actual problems of criminal law // Criminological journal of the Baikal state university of economics and law. 2014. Vol. 2.

13. Explanatory note to the draft law № 559740-5 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (Regarding the Improvement of the Legislation of the Russian Federation)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=559740-5&02>.

14. Explanatory note to the draft law № 106999-6 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative acts of the Russian Federation (in Part of Strengthening Responsibility for Violations of Citizens' Constitutional Rights)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=106999-6&02>.

15. Statistics and analytics (data on the state of crime). URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>.

16. Alekseev A. I., Ovchinsky V. S., Pobegailo E. F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. Moscow, 2006.

17. Ignatov A. N. On the implementation of the principle of justice in the criminal law of Russia // Criminal-legal, penitentiary principles and their implementation: law-making, law enforcement levels: materials of All-Russian scientific-practical conf.: at 2 pm / ed. B. T. Razgildieva. Saratov, 2005. Part 1.

18. Bavsun M. V. Problems of the legal regulation of criminal liability for the illegal extraction and trafficking of particularly valuable breeds of animals // Bulletin of the Omsk law academy. 2014. Vol. 4 (25).

19. Explanatory note to the draft law № 53700-6 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL: http://www.duma.gov.ru/systems/law/?registration-start=01.04.2012®istration-end=29.11.2012&sort=date&PAGEN_1=42#results/

Жестеров Павел Валерьевич
Zhesterov Pavel Valer'evich

докторант Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации кандидат юридических наук.

Doctoral Candidate, All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, PhD in Law.

E-mail: zhesterov@mail.ru

РОЛЬ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

The role of criminal repression in the prevention of social conflicts in the conditions of financial crisis

В статье поднимается проблема влияния социальных конфликтов на содержание и характер правового регулирования. Автор исследует конфликт как тип отрицательного социального взаимодействия, раскрывает механизм формирования уголовно-правовых норм, опосредующих конфликтный типы социальных взаимосвязей. Доказывается неспособность поспешных изменений, вносимых в УК РФ, обеспечить реализацию предупредительной функции, которая органична для уголовной репрессии по природе.

Ключевые слова: уголовная репрессия, предупреждение преступлений, уголовный закон, социальный конфликт, хищение, мошенничество, борьба с коррупцией, налоговые преступления.

In article deals with the problem of influence of the social conflicts on contents and the nature of legal regulation. The author explores the conflict as a type of negative social interaction. The author reveals the mechanism of the formation of criminal law, mediating conflict types of social relationships. The author argues inability of hasty changes in the Criminal Code of the Russian Federation to provide realization of precautionary function which is organic for criminal repression by its nature.

Keywords: criminal repression, crime prevention, criminal law, social conflict, plunder, fraud, fight against corruption, tax crimes.

Социально-правовой конфликт как отрицательный тип взаимодействия субъектов в социуме обусловлен «противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний» [1, с. 14]. Продолжающийся в нашей стране финансово-экономический кризис выступает дополнительным дестабилизирующим механизмом, характеризующим условия протекания конфликтов в российском обществе. Как справедливо указывают в этой связи П. Н. Кобец и К. А. Краснова, криминальная ситуация является «неотъемлемой составной частью социально-экономической обстановки, определяется этой обстановкой и оказывает негативное воздействие на все сферы общественного бытия» [2, с. 41]. Новая экономическая реальность такова: происходит масштабное обнищание населения, обостряющее противоречия социально-правового характера. Закономерным результатом

этого процесса является существование питательной среды, генерирующей различные формы девиантного поведения, порой выходящего за пределы установленного правопорядка. Кроме того, растет неверие людей в справедливость закона, а красуговый принцип права – принцип законности – вытесняется массовым правовым нигилизмом.

Возникающие конфликтные ситуации следует исследовать «с точки зрения их соотношения с правовыми регуляторами, опосредующими данные сферы» [1, с. 15]. Подчеркивая положительное значение перевода социального конфликта в правовую форму, В. С. Нерсесянц писал: «Юридизация конфликта... не подчиняет себе жизнь, не унифицирует разные интересы... а лишь выражает необходимые общие условия... для равного... справедливо согласованного... по общей норме внешнего проявления этих различий» [3, с. 55]. О необходимости

разрешения конфликтов в правовом русле говорит и Г. Ю. Лесников, отмечая, что «формирование социума, его нормальное функционирование и развитие невозможны без утверждения в практической деятельности людей научно обоснованных правовых начал управления социальными процессами» [4, с. 6]. Добавим, что политические усилия государства в таком случае должны ориентироваться, прежде всего, на изменение условий, создающих напряжение между обществом и государством или между отдельными социальными группами.

Одним из таких регуляторов выступает уголовная репрессия, представляющая собой совокупность правоотношений и сопутствующих ей социальных отношений, определяющих уголовно-правовое воздействие. Актуальность криминологической оценки уголовной репрессии обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов. Все чаще подвергается сомнению способность строгого наказания, назначаемого преступнику, разрешать уголовно-правовой (а предварительно и социальный) конфликт в обществе, бороться с отдельными противоправными деяниями и эффективно предупреждать преступления. В специальной литературе высказываются аргументированные сомнения в «возможности уголовного закона и вообще правовых средств» воздействовать на преступность [5, с. 295]. Следует согласиться с Л. М. Прокуменковым в том, что «уголовный закон, не опирающийся на социальную действительность, обычно не эффективен и не соответствует тому условию, которое лежит в основе принятия любой правовой нормы, суть которого в том, что польза от принятой нормы должна быть большей, нежели возможный вред от нее» [6, с. 86].

Императивные нормы уголовного права позволяют зафиксировать статус конфликтующих субъектов и разрешить социально-правовой конфликт через установление либо усиление уже действующей уголовной репрессии. Исследование ситуации в сфере борьбы с преступностью показывает, что в тех случаях, когда необходимо урегулировать социальные конфликты, не затрагивая их глубинных корней, государство применяет меры уголовной репрессии. Несмотря на это конфликты не исчезают, они лишь временно приглушаются, пока новые иницирующие факторы не вызывают их к жизни с удвоенной силой. Приведем ретроспективный пример, когда в период Первой мировой войны ужесточение уголовной репрессии

за дезертирство не разрешило коренного внутреннего конфликта русского общества (и армии как его составной части) с правящим классом, а породило еще большую апатию и нежелание служить у рядовых солдат [7, с. 126].

Важной научной проблемой современной уголовной политики остается «отслеживание происходящих в обществе изменений в целях своевременного внесения корректив в уголовное законодательство» [8, с. 45]. Указывая на важность выявления «глубинных социально-интерактивных элементов правовых норм» [1, с. 15], В. М. Баранов и В. В. Трофимов пишут о необходимости «своевременно открывать правотворческий процесс для стихии жизненного бытия, решая вопросы создания правовых форм для тех или иных ситуаций социального конфликта ранее, чем его размеры достигнут чрезмерно негативной величины» [1, с. 15].

Однако своевременно не означает поспешное и необоснованное очерчивание возможных пределов уголовно-правового вмешательства в деятельность субъектов социально-правового конфликта. С сожалением следует констатировать, что в современных условиях мы наблюдаем преимущественно быструю (при этом демонстрационную и малозатратную) реакцию государства на возникший социальный конфликт в сфере правонарушений – принятие федерального закона о внесении изменений в УК РФ. При этом законодатель, как правило, не прилагает усилий к исследованию причин и условий конфликтов, разработке мер по их устранению или созданию оптимальных моделей разрешения социальных конфликтов.

Вместе с тем использование уголовной репрессии не всегда обусловлено объективной необходимостью. В последнее время фиксация в уголовном законе общественно опасных форм индивидуального поведения в качестве преступных и уголовно наказуемых является результатом конъюнктурных обстоятельств, влияния политической обстановки либо ведомственной заинтересованности [9, с. 75]. По мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, «постепенно преступность и борьба с ней становятся просто официальной главной целью, а, по сути, – самоцелью работы органов внутренних дел» [10, с. 111]. Как показывает практика, уголовная репрессия не всегда целесообразна. Представляется, что продуманный и основанный на результатах криминологических исследований комплекс выверенных мер правового, экономического, идеологического характера

может эффективнее ограничить общественно опасные формы индивидуального поведения в полном соответствии с принципом экономии уголовной репрессии. Именно научно обоснованный подход к нейтрализации общественно опасных форм индивидуального поведения оптимален для разрешения социальных конфликтов в ряде сфер общественных отношений. Однако законодатель порой забывает о том, что установление либо усиление уголовной репрессии само по себе не способно разрешить конфликт в социуме. Следствием этого становится появление так называемых «мертвых норм», сложных для правоприменения.

Следует отметить, что в настоящее время подход законодателя к уголовной репрессии и возможным последствиям ее усиления или экономии отличается непоследовательностью, отсутствием научного обоснования, отрывом от уже существующих в уголовном законе норм и практики их применения. Уже не редкость ситуация, когда какой-либо резонансный случай вызывает настолько сильное осуждение у граждан, что чиновники и политики регионального и федерального уровней вынуждены поспешно высказать свое мнение относительно произошедшего антиобщественного эпизода. Как результат, субъекты законодательной инициативы и депутаты Государственной Думы РФ испытывают массивный прессинг с целью подготовки и принятия ими в сжатые сроки законопроекта о криминализации нового состава преступления, призванного оградить членов социума от повторения подобного антиобщественного деяния. Более того, современные реалии таковы, что ученые узнают об изменениях уголовного закона только после их официального опубликования в средствах массовой информации или на официальном интернет-портале правовой информации. Вместе с тем участие ученых в криминологической экспертизе законопроектов по внесению изменений в УК РФ снизило бы либо сделало невозможным принятие норм, противоречащих действующему законодательству. В этом связи уместно привести слова М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, утверждающих, что «научно обоснованные и адекватно осознанные параметры интенсивности защиты от криминальных угроз должны предопределять направление вектора уголовной политики» [10, с. 35–36]. В качестве примера неудачной криминализации приведем нормы ст. 159.4 УК РФ, будучи квалифицированными по отношению

к основной ст. 159 УК РФ, содержали санкции, которые предусматривали наказание мягче, чем основной состав преступления. Только обращение в Конституционный суд Российской Федерации позволило остановить нарушение норм ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [11].

Отметим, что и правоприменительная практика имеет репрессивный уклон. Зачастую под влиянием широкого резонанса антиобщественного проступка правоприменитель вынужден применять уголовную репрессию там, где очевидна сфера действия административного законодательства.

Данная ситуация во многом обусловлена отсутствием как плановой работы органов государственной власти с типовыми социальными конфликтами, так и научного обоснования поэтапных механизмов их разрешения. При этом ученые-криминологи к экспертному участию в законотворческом процессе как на стадии разработки проекта изменений в Уголовный кодекс РФ, так и позднее, как правило, не привлекаются. Также такой подход не предполагает подготовки прогноза последствий применения уголовной репрессии и дальнейшего его учета в законодательной деятельности. Вместе с тем специалисты могли бы уточнить реальную опасность того или иного отклоняющегося поведения лиц и тех деяний, которые подобное поведение образует, их массовость в масштабе страны (а не отдельно взятого региона, где тот или иной эпизод имел место), последствия, в том числе экономическую составляющую реализации принятых законодательных инициатив. Как пишет в этой связи А. И. Долгова, «всегда ущербно реагирование на отдельные уголовно наказуемые деяния без учета их сложных взаимосвязей, во многом общей линии детерминации» [12, с. 3].

Рассуждая о теоретических проблемах российской уголовной политики, специалисты пишут: «Включение в УК РФ все новых и новых запретов не всегда сопровождается глубокой научной проработкой как самих нормативных конструкций, так и последствий их применения на практике» [10, с. 157]. Особенно ярко указанная ситуация проявляется именно в избыточной криминализации. Отечественные специалисты не раз обращали на нее свой исследовательский взгляд в контексте обсуждения вопросов уголовной политики и борьбы с коррупцией. С одной стороны, «развитие общества, увеличение числа и интенсивности

межличностных контактов, взаимодействий человека с природной средой, техникой и так далее, с неизбежностью сопровождаются ростом нормативных правил и, как следствие, необходимостью установления ответственности за их нарушение» [10, с. 157]. С другой стороны, избыточное репрессивное воздействие способно причинить вред экономике страны. Ярким примером служат несоизмеримые расходы на реализацию «пакета Яровой», которые уже на подготовительном этапе приведут к росту цен на услуги операторов сотовой связи.

Рассуждая в том же ключе о рисках для предпринимательской деятельности, отметим также, что избыточная уголовная репрессия продуцирует коррупцию. Несмотря на тот факт, что каждая вторая статья из глав о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности и интересов службы в коммерческих организациях является неработающей («мертвой нормой») [10, с. 159], «практика возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей в целях оказания на них давления в корыстных целях давно уже стала реальностью, а меры уголовного преследования – средством недобросовестной конкурентной борьбы и разрешения гражданско-правовых споров» [13, с. 12]. В условиях отсутствия реально работающих инструментов гражданско-правового восстановления своих нарушенных прав нередки случаи, когда участники хозяйственного оборота, пропустив сроки исковой давности для разрешения конфликта в порядке арбитражного судопроизводства, «прибегают к инициированию уголовного преследования в отношении бывшего партнера или конкурента» [13, с. 12]. В реализуемой на территории нашей страны экономической и правовой модели либерализации хозяйственной деятельности привлечение к уголовной ответственности за неисполнение договорных обязательств невозможно. Как результат, уголовное преследование по общеуголовным статьям бывших партнеров по бизнесу становится реальным [13, с. 12]. Сложной задачей для правоприменителя остается привлечение к уголовной ответственности по нормам новой редакции ст. 299 УК РФ по делам, связанным с неправомерным воздействием на бизнес (такие случаи в судебной практике пока единичны). При этом пробелы уголовно-процессуального законодательства позволяют оказывать неправомерное воздействие на бизнес-процессы в период до вынесения постановления о привле-

чении в качестве обвиняемого конкретного предпринимателя. Специалисты обращают внимание и на существующую практику возбуждения уголовных дел не в отношении конкретного предпринимателя, а по факту совершения преступления [13, с. 14].

Вызывает беспокойство и то обстоятельство, что предпринимателям не гарантировано право на возмещение ущерба, наступившего в результате действий правоохранительных органов и вынесенных судебных решений. Так, несмотря на то, что антиконституционные нормы ст. 159.4 УК РФ утратили силу, предприниматели, подвергшиеся уголовному преследованию в период их действия, до настоящего времени не получили материальной компенсации за ущерб, наступивший в результате их применения.

Необходимо также рассмотреть вопрос об уголовном преследовании за налоговые преступления, несвоевременную выплату заработной платы и прочих обязательных выплат. В настоящее время нормы ст. 145.1 УК РФ применяются достаточно активно. Так, в разрезе ст. 145.1 УК РФ в России в 2007, 2012 и 2016 годы зарегистрировано 587, 624, 1679 преступлений и выявлено 361, 387, 963 лица соответственно [14, с. 535]. Сложнее обстоят дела с уклонением от уплаты налогов и однородными преступлениями, предусмотренными нормами ст. 198, 199, 199.1 и 199.2. Интерпретируя и оценивая процессы, происходящие в налоговой сфере, отметим следующее. С одной стороны, Федеральная налоговая служба предприняла серьезные меры, направленные на повышение собираемости налогов, улучшение качества обслуживания в инспекциях, обеспечение свободного доступа к сведениям о контрагенте (не составляющим налоговую тайну). Вместе с тем тяжесть налогового бремени и многочисленные методы контроля со стороны налоговых органов привели к тому, что налогоплательщики-предприниматели всевозможными способами, в том числе незаконными, пытаются уменьшить суммы налога [7, с. 144]. Иными словами, объективно существуют предпосылки к сохранению конфронтации двух социальных групп – предпринимателей и сотрудников налоговых органов.

Другой конфликтной средой в нашей стране по-прежнему остается банковская сфера. Курс на формирование северо-американской модели банковской системы (с наличием тысяч небольших банков), предпринятый Центробан-

ком России в начале 1990-х годов, сменился. За последние три-четыре года без соответствующего публичного обсуждения Банк России встал на рельсы создания европейской модели банковской системы (с наличием нескольких десятков крупных банков). Как следствие, калейдоскопическое разорение десятков кредитных организаций в 2014–2016 годы и последовавшие за этим приказы Банка России об отзыве у банков лицензий на осуществление банковских операций лишили тысячи предпринимателей и юридических лиц (клиентов банков – банкротов) оборотных средств. Последовательное ужесточение требований к размеру капитала оставило небольшие региональные банки без будущего, а их клиентов – один на один с уголовной репрессией за налоговые преступления в случае банкротства обслуживающих их банков или отзыва у них лицензии. При этом, как показывает судебная практика, данные обстоятельства не освобождают руководителя коммерческой организации от своевременной уплаты налогов и иных обязательных платежей.

Таким образом, в условиях отсутствия позитивных сдвигов в характере криминологической и в целом социально-экономической ситуации в нашей стране предлагаем провести процедуру криминологической экспертизы, обязательной при разработке законопроектов о внесении изменений в уголовный закон. Эффективность этой деятельности, по мнению ряда авторов, будет связана с «глубоким криминологическим анализом преступности, ее

разнонаправленной оценкой как в ретроспективном, так и в прогностических аспектах» [16, с. 7]. Основная задача, стоящая перед экспертом, – это установление уровня общественной опасности деяния. Данный объективный критерий оценки деятельности по противодействию преступности должен определяться, прежде всего, способностью и финансовыми возможностями общества и государства в текущих экономических условиях воздействовать на детерминанты преступности (иными словами, выявлять, устранять, нейтрализовывать причины и условия, способствующие совершению преступлений), минимизировать последствия преступлений, восстанавливать ущерб, причиненный обществу, государству, потерпевшим, а также обеспечивать неотвратимость наказания за совершенное деяние.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что урегулирование социальных конфликтов и противодействие преступности, безусловно, требуют наличия необходимых социально-экономических условий. Вместе с тем решение поставленных задач должно базироваться на научно обоснованной национальной системе профилактики правонарушающего поведения, сканирующей и разрешающей типовые социальные конфликты, провоцирующие совершение преступлений и иных правонарушений. Такой подход неизбежно приведет к определению наиболее общественно опасных деяний, требующих специального государственного уголовно-правового воздействия.

Литература

1. Баранов В. М., Трофимов В. В. Социальное сотрудничество и социальный конфликт как объективная основа содержания и структуры права // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015. № 4 (32).

2. Кобец П. Н., Краснова К. А. О необходимости социально-криминологического моделирования криминальной ситуации в России // *Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование: сборник*. М., 2009.

3. *Юридический конфликт: процедуры разрешения* / О. В. Бойков, Н. В. Варламова, Ю. А. Веденеев и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1995.

4. Лесников Г. Ю. *Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики): монография*. М., 2004.

Bibliography

1. Baranov V. M., Trofimov V. V. Social cooperation and social conflict as the objective basis of the content and the structure of law // *Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of MIA Russia*. 2015. № 4 (32).

2. Kobets P. N., Krasnova K. A. About necessary of social and criminological modeling of a criminal situation in Russia // *New criminal situation: assessment and reaction: collection*. Moscow, 2009.

3. *Legal conflict: resolution procedures* / O. V. Boyko, N. V. Varlamova, A. Yu. Vedeneev. etc.; ed of V. N. Kudrayvtsev. Moscow, 1995.

4. Lesnikov G. Yu. *Criminal policy of the Russian Federation (theory and practice): monograph*. Moscow, 2004.

5. Milyukov S. F. *The approaching financial and economic accident in a perspective of crimi-*

5. Миллоков С. Ф. Надвигающаяся финансово-экономическая катастрофа в ракурсе уголовно-правовой политики // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен. М., 2014.
6. Прозументов Л. М. О необходимости учета криминологических условий при криминализации деяний // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2).
7. Симмонс П. А., Жестеров П. В. Уголовная репрессия за преступления военнослужащих в России: историко-правовой аспект // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2015. № 11–12.
8. Сабитов С. Р. Система уголовно-правовых принципов: монография. М., 2012.
9. Жестеров П. В. Последствия усиления уголовной репрессии: значение криминологической экспертизы для их прогноза // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20).
10. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014.
11. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Российская газета. 2014. 24 дек.
12. Долгова А. И. Проблемы оценки криминологической ситуации и криминологическая обусловленность закона // Криминологическая ситуация и реагирование на нее: сборник. М., 2014.
13. Андреев А. П., Кокунова С. Д. Ужесточение уголовной ответственности как превентивная мера в борьбе с коррупцией и недобросовестной конкуренцией // Международный правовой курьер. 2016. № 6 (18).
14. Проблемы детерминации и предупреждения преступности/ под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2017.
15. Нагорная Т. Д., Демченко В. И. Избежание налогообложения как социально-экономический конфликт // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2015. № 6 (80).
16. Краснова К. А., Волкова М. А. Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // История государства и права. 2011. № 20.
- nal and legal policy // Criminal law during an era of financial and economic changes. Moscow, 2014.
6. Prozumentov L. M. About need of the accounting of criminological conditions at criminalization of acts // Criminal justice. 2013. № 2 (2).
7. Simmons P. A., Zhesterov P. V. Criminal repression for crimes of the military personnel in Russia: historical and legal aspects // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 11–12.
8. Sabitov S. R. System of criminal legal principles: monograph. Moscow, 2012.
9. Zhesterov P. V. Consequences of strengthening of criminal repression: value of criminological examination for their forecast // Euroasian advocacy. 2016. № 1 (20).
10. Babayev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problems of the Russian criminal policy. Moscow, 2014.
11. The resolution of the Constitutional court of the Russian Federation from 12.11.2014 № 32-P «On the case of check of constitutionality of provisions of article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with inquiry of the Salekhard city court of the Yamalo-Nenets Autonomous Area» // The Russian newspaper. 2014. 24 Dec.
12. Dolgova A. I. Problems of assessment of a criminological situation and criminological conditionality of the law // Criminological situation and response to her: collection. Moscow, 2014.
13. Andreev A. P., Kokunova S. D. Toughening criminal liability for the unlawful recruitment of entrepreneurs to criminal liability as a preventive measure in the fight against corruption and unfair competition // International legal courier. 2016. № 6 (18).
14. Problems of determination and crime prevention/ ed. A. I. Dolgova. Moscow, 2017.
15. Nagornaya T. D., Demchenko V. I. Avoidance of the taxation as social and economic conflict // Messenger of the Khabarovsk state university of economy and right. 2015. № 6 (80).
16. Krasnova K. A., Volkova M. A. Historical aspect of development of the domestic legislation on criminal liability for gangsterism // History of state and law. 2011. № 20.

Миллеров Евгений Владимирович
Millerov Evgeny Vladimirovich

старший преподаватель кафедры административного и таможенного права Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, Department of Administrative and Customs Law, Rostov branch of the Russian Customs Academy, PhD in Law.

Тел.: 8 (863) 262-06-76.

**К ПРОБЛЕМЕ ТОЛКОВАНИЯ ЗАПРЕТА НА ПЕРЕМЕЩЕНИЕ
ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ПЕЧАТНЫХ И АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ
МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРАЯ МОЖЕТ
ПРИЧИНИТЬ ВРЕД НРАВСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН**

**The problem of interpretation of the ban on movement across the customs border
of the Eurasian economic union printed and audio-visual materials containing
information that may harm morals of citizens**

В статье анализируется проблема толкования запрета на перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза печатных и аудиовизуальных материалов, содержащих информацию, которая может причинить вред нравственности граждан. Автором затрагиваются сложности толкования данного таможенного запрета, связанные с отсутствием перечня таких материалов, предусмотренных как наднациональным законодательством данного Союза, так и российским национальным законодательством. Решение данной проблемы видится необходимым для улучшения правоприменительной деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, таможенная граница, перемещение товаров, таможенные запреты, материалы, вред нравственности, законодательство, проблемы толкования, практическое применение, совершенствование.

The article analyzes the problem of interpretation of the ban on movement across the customs border of the Eurasian economic Union printed and audio-visual materials containing information that may harm morals of citizens. The author explores the complexity of the interpretation of the customs prohibition related to the absence of a list of such materials, provided for as supra-national legislation of this Union, and the Russian national legislation. The solution to this problem is needed to improve enforcement activities of the customs authorities.

Keywords: Eurasian economic Union, the customs border movement of goods, customs restrictions, materials, harm to the morality, law, problems of interpretation, practical application and improvement.

Функции таможенных органов Российской Федерации сегодня носят многогранный характер. В соответствии со ст. 12 Федерального закона РФ от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» одной из этих функций является охрана общественной нравственности, об особенностях и проблемах реализации которой нами уже было ранее сказано в некоторых научных трудах [4, с. 98; 6, с. 47–50; 7, с. 10–15; 8, с. 44–48].

Поскольку определения понятия «нравственность» действующее российское законодательство не дает, то его можно встретить толь-

ко в авторских вариантах, разработанных в рамках научных исследований. Так, по мнению одних, нравственностью следует считать норму, фиксирующую идеалы и ценности человека как личности, самоопределяющейся в мире культуры и в направлении к духовности [2, с. 230]. Вторые считают нравственность индивидуальным социально-психологическим образованием, качеством личности, которое лежит в основе саморегуляции и выбора поведения, определяющим уровень социальной активности и зрелости человека, являющимся внутренним законом деятельности, устойчи-

вым в любых кризисных и экстремальных ситуациях [3, с. 77]. Третьи убеждены в том, что нравственность – это обусловливаемая определенным менталитетом и объективируемая в конкретно-исторических системах норма деятельности, представляющая собой динамичную совокупность как общечеловеческих, так и особенных норм, регулирующих социальную жизнь посредством внутренних (самооценка) и внешних (общественное мнение) аксиологических механизмов поведенческого контроля [1, с. 144].

С. В. Подзорова полагает, что нравственность индивида следует оценивать с точки зрения следующих критериев:

- его качества, которое формируется специфической деятельностью сознания и проявляется в его мыслях, суждениях, поведении;
- внутренней стороны духовно-сознательной деятельности;
- определяющей и управляющей роли духовности;
- уровня, понимания, осознания, осуществления закона добра и зла;
- наличных и отсутствующих, преходящих и исходящих, стабильных и бесконечных, утвердительных и отрицательных характеристик;
- основополагающих качественных характеристик: достоинство, долг, совесть, воля, добродетель [10, с. 55].

Некоторые ученые дают определение нравственности, добавляя к ней слово «общественная». Это не случайно, поскольку в действующем законодательстве используется как термин «нравственность», например, в Конституции РФ (ст. 55), некоторых федеральных законах, так и «общественная нравственность» (к примеру, в КоАП и УК РФ). Так, по мнению Р. Б. Осокина, «общественная нравственность – это совокупность господствующих в конкретном обществе публичных этических норм, принципов и ценностей, носящая надиндивидуальный характер и распространяющаяся на все индивидуальные и коллективные субъекты» [9, с. 77]. В свое время сильную лепту в разработку данной дефиниции было внесено и нами, где под общественной нравственностью было предложено понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение норм и правил поведения, представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе [5, с. 6–7].

Говоря о правовой охране нравственности, прежде всего, следует обратиться к ст. 55 Конституции РФ, где в ч. 3 указано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности. Данное положение Конституции РФ получило свою реализацию в целом ряде федеральных законов.

В соответствии со ст. 169 Гражданского кодекса РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, признается ничтожной.

Общественная нравственность выделена законодателем в качестве видového объекта правовой охраны в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях. Так, сегодня в УК РФ статьями, которыми предусмотрена уголовная ответственность за преступления, посягающие на общественную нравственность, являются уголовно-правовые нормы, находящиеся в главе 25 данного Кодекса наряду с преступными деяниями, посягающими на здоровье населения. К этой группе преступлений (то есть посягающих непосредственно на общественную нравственность) принято относить уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ст. 240–245 УК РФ, то есть это преступления, связанные с:

- вовлечением и организацией занятия проституцией;
- оборотом порнографических материалов;
- посягательствами на объекты культурного наследия;
- надругательством над телами умерших и местами их захоронения;
- жестоким обращением с животными.

Составы административных правонарушений, посягающие на общественную нравственность, сосредоточены в главе 6 КоАП РФ, то есть вместе с правонарушениями против здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия населения. К административным правонарушениям, посягающим на общественную нравственность, традиционно относят составы, предусмотренные ст. 6.11 (занятие проституцией) и ст. 6.12 (действия, связанные с получением дохода от занятия проституцией другими лицами).

В последние годы глава 6 КоАП РФ была дополнена целым рядом новых норм, очевидно, что некоторые из них также непосред-

венно посягают на общественную нравственность, а именно такие составы, как:

– ст. 6.20 – изготовление юридическим лицом материалов или предметов имеющих порнографические изображения несовершеннолетних либо оборот таких материалов или предметов;

– ст. 6.21 – пропаганда среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений;

– ст. 6.26 – организация публичного исполнения произведения литературы, искусства или народного творчества, которое содержит нецензурную брань, путем проведения театрально-зрелищного, культурно-просветительного или зрелищно-развлекательного мероприятия;

– ст. 6.27 – распространение экземпляров аудиовизуальной продукции и фонограмм на любых видах носителей, экземпляров печатной продукции, которые содержат нецензурную брань, без специальной упаковки и текстового предупреждения.

Нормы, направленные на охрану общественной нравственности, имеются и в таможенном законодательстве. Отметим, что правовое регулирование таможенного дела сегодня существует в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который, помимо России, входят Армения, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан. Так, согласно Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» в числе товаров, запрещенных к перемещению через таможенную границу ЕАЭС предусмотрены печатные и аудиовизуальные материалы, содержащие информацию, которая способна причинить вред нравственности граждан (п. 5 раздела 1.3 Приложения 1 к указанному Решению).

Поскольку запрет на перемещение через таможенную границу данного Союза порнографических материалов, перевозимых в целях сбыта, предусмотрен в указанном нормативно-правовом акте отдельным пунктом (п. 2), соответственно, закономерен вопрос о том, какие именно материалы следует относить к способным причинить вред нравственности граждан (то есть к охватываемым п. 5). Перечень таких материалов нормативно-правовыми актами ЕАЭС не конкретизирован, а значит, можно сделать вывод о том, что для каждого из государств, входящих в этот Союз, такие

материалы предусматриваются национальным законодательством.

Исходя из анализа национального законодательства государств – членов ЕАЭС напрашивается вывод о том, что к материалам, способным причинить вред нравственности граждан (за исключением порнографических материалов), следует относить пропагандирующие порнографию, культ насилия и жестокости, а также материалы, которые содержат нецензурную брань. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет именно о материалах, «пропагандирующих порнографию», а не о «содержащих порнографию». Представляется, что это разные по своему информационному содержанию материалы. Полагаем, что материалами, содержащими порнографию, следует считать таковые с наличием в них изображения половых актов и иных сцен сексуального характера в вульгарно-натуралистическом стиле. В свою очередь, к материалам, пропагандирующим порнографию, следует относить, к примеру, рекламу порнографического фильма (без содержания в ней сцен указанного характера) либо публичное приглашение на съемки в порнографических фильмах.

В действующем российском законодательстве предусмотрен запрет на оборот таких материалов без установления административной либо уголовной ответственности за несоблюдение этого запрета. Так, согласно ст. 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» не допускается использование средств массовой информации в целях распространения материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, а также материалов, содержащих нецензурную брань.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещены к размещению на сайтах в социальной сети Интернет материалы, пропагандирующие порнографию, культ насилия и жестокости, и материалы, содержащие нецензурную брань (ст. 10.2, 10.4, 10.5 закона).

Согласно положениям Федерального закона РФ от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» прокатное удостоверение на фильм не выдается в случае, если фильм содержит материалы, пропагандирующие порно-

графию, культ насилия и жестокости, а также если фильм содержит нецензурную брань.

В соответствии с ч. 4 ст. 5 Федерального закона РФ от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» рекламная продукция (реклама) не должна призывать к насилию и жестокости, а согласно ч. 6 этой же нормы в рекламе недопустимо использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов.

Очевидной проблемой является то, что российским законодателем не конкретизируется, какие именно материалы следует относить к пропагандирующим культ насилия и жестокости. В связи с этим предпринимались попытки внесения изменений в действующие законы. Так, одним из законопроектов [13] предлагалось дополнить Федеральный закон о СМИ, закрепив в нем, что под пропагандой насилия и жестокости в теле-, видео-, кино-программах, документальных и художественных фильмах, а также в печатных средствах массовой информации (за исключением продукции специализированных средств массовой информации, используемой для научных и учебных целей в научных и учебных организациях, а также произведений, обладающих научной, культурной или художественной ценностью) следует понимать детальное изображение: убийств людей и животных; расчленения людей, животных и их трупов; пыток и противоправного преднамеренного членовредительства. Однако данное дополнение в ФЗ о СМИ внесено не было.

В одном из своих научно-практических трудов коллектив авторов под «продукцией, связанной с изображением или описанием насилия и жестокости» предлагает понимать любую продукцию СМИ, информационно-телекоммуникационной сети, издательской деятельности, а также рекламы, если она пропагандирует насилие в качестве главного средства для решения конфликтов и/или нарушает нормы права и правопорядок, и/или если самосуд изображен как единственное надежное средство для восстановления мнимой справедливости, и/или целенаправленно и детально изображены сцены убийства и кровавой резни, действия в отношении заведомо более слабых лиц, причиняющие неоправданную физическую боль или физические либо психические страдания, или направленное на унижение чести и достоинства личности [11, с. 309].

Анализ национального законодательства государств – членов ЕАЭС показал, что в трех из пяти государств данного Союза (Армении, России и Кыргызстане) какой-либо юридической ответственности за распространение такого рода материалов не предусмотрено.

Остальные участники данного Союза (Беларусь и Казахстан) пошли в данном вопросе несколько иным путем. Так, в действующем Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях 2003 года предусмотрена административная ответственность за изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение или рекламирование, а равно публичную демонстрацию кино- и видеофильмов или иных произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости (ст. 17.8 данного Кодекса).

В Казахстане за распространение такого рода материалов предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Согласно ч. 4 ст. 453 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях 2014 года административной ответственности подлежат изготовление, хранение, ввоз, перевозка, распространение на территории Казахстана иной продукции, не относящейся к средствам массовой информации, содержащей сведения и материалы, направленные на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, разжигания войны, социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, культа жестокости, насилия и порнографии, если эти действия не содержат признаков преступления.

В свою очередь ст. 313 Уголовного кодекса Республики Казахстан 2014 года предусмотрена ответственность за незаконное изготовление в целях распространения или рекламирования, распространение, рекламирование, демонстрация кино- и видеоматериалов и других произведений, пропагандирующих культ жестокости и насилия, а равно незаконная торговля печатными изданиями, кино- или видеоматериалами.

В российском законодательстве сегодня нет юридической ответственности за изготовление в целях распространения либо распростране-

ние материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости. Вместе с тем нельзя не отметить, что в ранее действовавшем Уголовном кодексе РСФСР 1960 года была ст. 228.1, которая предусматривала ответственность за изготовление, распространение, демонстрацию или хранение с целью распространения или демонстрации кино- и видеопленок или иных произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости.

В статье 13.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за злоупотребления свободой информации. В данной норме предусмотрена ответственность за распространение информации различного характера, способной причинить вред обществу (призывы к осуществлению террористической деятельности; материалы, которые публично оправдывают терроризм; материалы, призывающие к экстремистской деятельности или оправдывающие ее и другие), но ответственности за распространение материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, в данной норме не предусмотрено.

В российском законодательстве закреплена лишь ответственность за изготовление или распространение продукции средства массовой информации, содержащей нецензурную брань (ч. 3 ст. 13.21 КоАП РФ).

Однако нельзя не отметить, что попытки внесения изменений в КоАП РФ в части дополнения данного Кодекса административной ответственностью за распространение материалов, пропагандирующих культ насилия и жестокости, предпринимались. Так, например, в 2013 году имел место законопроект, согласно которому предлагалось дополнить ст. 13.15 КоАП РФ ответственностью за действия по

распространению в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях сообщений и материалов, пропагандирующих культ насилия и жестокости, в том числе аудиовизуальных сообщений и материалов, содержащих изображения тел (фрагментов тел) людей, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, аварий, катастроф, массовых беспорядков, стихийных бедствий и иных происшествий [12]. Это дополнение в КоАП РФ так и не было принято, кроме того, его содержание (редакцию) вряд ли можно признать удачным.

Таким образом, проведенный анализ российского законодательства и других государств ЕАЭС, иных источников позволяет сформулировать и предложить перечень материалов, способных причинить вред нравственности граждан (за исключением порнографических материалов), в целях реализации таможенными органами РФ в своей практической правоприменительной деятельности требований п. 5 раздела 1.3 Приложения 1 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования»:

- материалы, пропагандирующие порнографию;
- материалы, пропагандирующие культ насилия и жестокости;
- экземпляры аудиовизуальной продукции и фонограмм на любых видах носителей, экземпляры печатной продукции, которые содержат нецензурную брань, без специальной упаковки и текстового предупреждения.

Данный перечень представляется целесообразным утвердить приказом ФТС России.

Литература

1. Гарашук С. С. Нравственность: к вопросу об определении понятия // Символ науки. 2015. № 8.
2. Ивашкин И. Ф. К вопросу о различении понятий «мораль» и «нравственность» // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2014. № 45.
3. Куприна Н. Г., Масленникова С. Ф. Современные подходы к содержательной разработке понятий «нравственность» и «мораль» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4.

Bibliography

1. Garashchuk S. S. Morality: to a question of definition of a concept // Symbol of science. 2015. № 8.
2. Ivashkin I. F. To the question about the distinction between the concepts «morality» and «morality» // Collections of conferences. 2014. № 45.
3. Kuprina N. G., Maslennikova S. F. Modern approaches to meaningful concepts «morality» and «morality» // Modern problems of science and education. 2015. № 4.
4. Lepetikov I. Ya., Millerov E. V. On appli-

4. Лепетикова И. Ю., Миллеров Е. В. О применении частноправовых средств в целях эффективности реализации функции по охране нравственности таможенными органами Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 6.

5. Миллеров Е. В. Уголовно-правовая охрана нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.

6. Мясников А. П., Миллеров Е. В. К вопросу о повышении эффективности реализации функции таможенных органов по защите общественной нравственности путем расширения административно и уголовно-процессуальной юрисдикции // Юрист-Правовед. 2013. № 4 (59).

7. Мясников А. П., Миллеров Е. В. О квалификации некоторых административных правонарушений в области таможенного дела по совокупности с правонарушениями, посягающими на общественную нравственность // Юрист-Правовед. 2015. № 6 (73).

8. Мясников А. П., Миллеров Е. В. О роли таможенных органов в правовом механизме обеспечения гуманного обращения с животными // Юрист-Правовед. 2014. № 5 (66).

9. Осокин Р. Б. Общественная нравственность: опыт теоретико-инструментального анализа // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 7.

10. Подзорова С. В. К вопросу о сущности понятия «нравственность» // Современная наука. 2011. № 2.

11. Сулакшин С. С., Сазонова Е. С., Хвилья-Олинтер А. И. Государственная политика защиты нравственности и СМИ. Рабочая книга для законодателя. М., 2014.

12. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 383177-6 «О внесении изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (вносился в Государственную Думу ФС РФ 12.11.2013) // СПС «Консультант Плюс».

13. Проект федерального закона № 195400-3 «О внесении изменений и дополнений в статью 4 закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.06.2003) // СПС «Консультант Плюс».

ation of private-legal means for the effective implementation of the protection of morals, the customs authorities of the Russian Federation // Science and education: economy; enterprise; law and management. 2015. № 6.

5. Millerov E. V. Criminal-legal protection of morality: abstract of dis. ... PhD in law. Rostov-on-Don, 2006.

6. Myasnikov A. P., Millerov E. V. To the question of increase of efficiency of implementation of functions of customs authorities for the protection of public morality by expanding the administrative and the criminal procedural law // Lawyer. 2013. № 4 (59).

7. Myasnikov A. P., Millerov E. V. On the classification of certain administrative offences in the field of customs in conjunction with the offenses against public morality // Lawyer. 2015. № 6 (73).

8. Myasnikov A. P., Millerov E. V. On the role of customs authorities in a legal mechanism of ensuring the humane treatment of animals // Lawyer. 2014. № 5 (66).

9. Osokin R. B. Public morality: the experience of theoretical-instrumental analysis // Education. Science. Scientific personnel. 2013. № 7.

10. Podzorov S. V. To the question about the nature of «morality» // Modern science. 2011. № 2.

11. Sulakshin S. S., Sazonov E. S., Khvylya-Olinter A. I. State policy for the protection of morals and the media. Workbook for the legislator. Moscow, 2014.

12. Explanatory note to draft Federal law № 383177-6 «On amending article 13.15 of the Code of the Russian Federation about administrative offences» (introduced to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 12.11.2013) // ATP «Consultant Plus».

13. The draft Federal law № 195400-3 «About modification and additions in article 4 of the Law Russian Federation “About mass media”» (ed., introduced in the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text as of 17.06.2003) // ATP «Consultant Plus».

Халилова Роза Мирзагасановна
Khalilova Rosa Mirzagasanovna

старший преподаватель кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета народного хозяйства.

Senior Lecturer, Department of Civil Law, Dagestan State University of the National Economy.
E-mail: kaflanova@yandex.ru

О ПРИЗНАКАХ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗАЩИТУ ЗАКОНА

About the signs of the human right to the protection of the law

В статье дается характеристика общих и специальных признаков права человека на защиту закона. Исследовав общие признаки, автор приходит к выводу, что право человека на защиту – это естественное право. Обосновывая специальные признаки, автор выявляет особенности юридической природы права человека на защиту закона как синтетического явления правовой действительности.

Ключевые слова: естественное право, субъективное право, объективное право, правозащитная безопасность, структура права, синтетическая природа права, регулятивная ценность права.

The article gives characteristics of the General and special signs of the human right to protection of the law. Examining General characteristics, the author concludes that the human right to defense is a natural right. Justifying the special characteristics that the author identifies features of the legal nature of the human right to the protection of the law as a synthetic phenomenon of legal reality.

Keywords: natural right, subjective right, objective right, human rights security, structure of law, the synthetic nature of law, the regulatory value of the rights.

Правозащитная безопасность как сущностная основа права человека на защиту закона предопределяет, с одной стороны, принадлежность этого права к праву естественному, то есть к общей системе прав и свобод человека, а с другой – его синтетичность как особого юридического процессуального явления. Признаки, свидетельствующие о принадлежности права человека на защиту закона к общей системе прав и свобод человека, можно квалифицировать как общие, а свойства, характеризующие его синтетичность как юридического и процессуального явления, – специальные, присутствующие ему как отдельному естественному праву человека.

Смысл обоснования общих признаков права человека на защиту закона заключается в том, чтобы доказательно обосновать статус этого права как высшей правовой ценности, подчиняющей себе цель существования государства.

В юридической науке высказываются различные мнения относительно количества и содержания тех признаков прав и свобод человека, по наличию которых можно было бы отнести то или иное субъективное право физического лица к группе его естественных прав.

С точки зрения С. С. Алексеева, к числу таких важнейших свойств естественных прав следует относить их строгую смысловую общечеловеческую определенность как выразителей сути человеческого бытия, их неотъемлемость от человека, а также их призвание – защищать человека от власти, ее произвола [1, с. 122]. У нас нет каких-либо существенных замечаний относительно приведенных соображений С. С. Алексеева, однако считаем, что более предметную характеристику общих черт прав человека предлагают Л. П. Рассказ и И. В. Упоров. По их мнению, каждому естественному праву присущи такие черты, как его возникновение с момента рождения человека, неотчуждаемость (неотъемлемость), выражение в нем наиболее существенных возможностей развития человека, его способности к непосредственной реализации [11, с. 15]. Все эти черты относятся и к праву человека на защиту закона.

Так, право человека на защиту закона возникает еще до рождения, что прямо провозглашено в Конвенции о правах ребенка, в преамбуле которой записано: «...Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, вклю-

чая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [4, с. 307].

Появление такого свойства у права человека на защиту закона как его неотчуждаемость от своего носителя продиктовано постоянным существованием человека в правовой среде, которая и содержит потенциальные либо реальные юридические угрозы его безопасности. В этой связи даже временное изъятие либо ограничение права человека на защиту закона чревато негативными, а в ряде случаев и невозможными утратами личностью своих правовых качеств или благ, принадлежащих ей по закону. Поэтому ч. 2 ст. 17 Конституции РФ определила, что основные права и свободы человека неотчуждаемы, а ч. 1, 3 ст. 46 признали за каждым человеком право защищать свои права и свободы как в национальном, так и в международном судах. Наряду с перечисленными общими признаками, право человека на защиту закона обладает и таким свойством, как способностью непосредственной реализации. Непосредственная форма реализации права человека на защиту закона установлена ст. 18 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими.

Непосредственная реализация прав и свобод человека – это та форма их осуществления, в которой человек прямо, то есть без какого-либо опосредующего правоприменительного акта компетентного субъекта, реализует принадлежащие ему права. В непосредственной форме человек осуществляет свое право на защиту закона способами самозащиты (обращения, жалобы, заявления в органы государственной власти, а также в общественные правозащитные организации и др.). Вместе с тем следует иметь в виду, что право человека на защиту закона может осуществляться и опосредованным путем, например, через право-реализационную деятельность государства, его органов и должностных лиц.

Таким образом, изложенное убедительно подтверждает, что право человека на защиту закона – это естественное право, которое не формулируется и не устанавливается государством, а только признается им и гарантируется, что придает этому праву статус юридического.

Обоснование специальных признаков права человека на защиту закона связано глав-

ным образом с выявлением особенностей в его юридической природе, которая и аккумулирует все его особенные черты как относительно-самостоятельного процессуального синтетического явления правовой действительности.

В правоведении существуют многочисленные попытки выявить и исследовать юридическую природу прав человека. Одна из них предпринята В. М. Лазаревым. По его мнению, юридическая природа прав человека концентрированно выражается в таких свойствах «как: а) права человека – особый вид субъективного права; б) структурированность прав человека на правомочия и юридические обязанности; в) обладание естественными правообязанностями человека регулятивно-правовой ценностью» [6, с. 22]. В целом поддерживаем такое понимание юридической природы прав человека, тем более, что в нем ярко отражена синтетичность прав человека – соединенность в них субъективных прав и обязанностей.

Тезис о соединенности субъективного и объективного права в правах человека все еще оспаривается некоторыми правоведами. Поэтому имеет смысл сослаться на мнение Д. И. Саблина о том, что естественные права получают юридическое оформление с помощью права объективного [12, с. 22]. Именно по этой причине феномен прав человека невозможно в полной мере понять ни с позиции только естественно-правовой концепции, ни с позиции теории позитивного права. Права человека – это особая юридическая материя, возникающая как результат диалектики естественного права с правом позитивным. Таким образом, необходимо признать, что особенность первого специального признака права человека на защиту закона, характеризующая его как синтетическое юридическое явление, состоит в том, что оно представляет собой опосредованное объективным правом процессуальное субъективное право. А это означает не что иное, как необходимость признания факта выраженности права человека на защиту закона в двух формах – субъективного и объективного права. Проанализируем данный признак.

Субъективное и объективное право – основные формы бытия права и главные элементы правового регулирования общественных отношений. Их отличие друг от друга заклю-

чается в том, что если субъективное право всегда персонифицировано и потому всегда оказывается «приуроченным» к субъекту правоотношений, то объективное право обезличено, способом его существования выступает нормативно-правовое предписание и законодательство в целом.

Одно из классических определений субъективного права предложил Ю. К. Толстой. По его мнению, «субъективное право может быть определено как закрепленная за управомоченным в целях удовлетворения его интересов мера возможного поведения в данном правоотношении, обеспеченная возложением обязанности на других лиц» [16, с. 45]. С теми или иными уточнениями это определение субъективного права признается большинством наиболее авторитетных отечественных правоведов (Н. Г. Александровым, С. Ф. Кечекьяном, О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородским и др.).

Принадлежность права человека на защиту закона к праву субъективному признается всеми и, как правило, исследуется именно в этом качестве. Проблема же его выраженности в форме объективного права остается малоизученной. Между тем без позитивации права человека на защиту закона в объективном праве его формально-правовая определенность и в конечном счете юридическая ценность вызывают весьма серьезные сомнения. Причина этих сомнений заключается не только в том, что право человека на защиту закона, выраженное наряду с другими его правами в объективном праве, придает человеку статус юридического существа, но и в том, что такая позитивация необходима для точного и полного формулирования в законодательстве правозащитных обязанностей государства по созданию должного режима правозащитной безопасности человека и его восстановления. Однако этим самым право человека на защиту закона не теряет и свойств права субъективного.

Таким образом, потребность человека в правозащитной безопасности прямо обуславливает существование права человека на защиту закона в двух формах – в форме права статутного и в форме права субъективного. В этом, с одной стороны, проявляется интегративная роль его сущности – правозащитной безопасности, а с другой – выражается одна из наиболее ярких и лежащих на поверх-

ности его характеристик как синтетического юридического явления.

Право человека на защиту закона безотносительно того, в какой форме оно рассматривается (в форме субъективного или объективного права) является правом процессуальным. Этот вывод, который связываем с сущностью права человека на защиту закона, и под которой понимаем правозащитную безопасность человека, нашел признание в юридической литературе. Так, К. Экштайн отмечает, что процессуальные права в системе прав человека – «это такие основные права, посредством которых индивидум может принудить государственные органы действовать в духе правового государства и с помощью которых он только и может эффективно защищать свои конституционные свободы от возможных посягательств» [17, с. 42]. Е. А. Лукашева также считает, что правовой статус человека включает в себя и процессуальные права. Она отмечает: «Правовой статус включает в себя субъективные, в том числе и процессуальные права: право на обращение в государственные органы с жалобами и петициями, право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, право на обращение в суд, право на обращение в межгосударственные органы защиты и др.» [10, с. 36]. При этом естественным источником права человека на защиту закона остается человек, его социально-биологические потребности в обеспечении своей правозащитной безопасности как субъекта правовой жизни общества. Следует подчеркнуть особо, что это единственное право, которое призвано защищать интересы человека как стороны юридического отношения и не более того. С помощью этого права человек приобретает мощное правовое средство отстаивания своей правовой защищенности во взаимоотношениях с государством. Однако таковым оно становится только после позитивации в праве объективном. «Не конкретизированное в процессе позитивной нормотворческой деятельности естественное право фактически не имеет юридического значения ...» [7, с. 483], – замечает В. В. Лазарев.

Таким образом, без позитивации в правовых статутах (международных декларациях и национальных законах) право человека на защиту не является юридическим регулятором.

Однако и позитивация не изменяет естественной природы права человека на защиту закона, поскольку, как справедливо отмечает В. С. Нерсесянц, права человека даже после их официального признания и закрепления (во внутригосударственном и международном праве) остаются естественными, радикально отличными от позитивного (официально-властного, государственного, волеустановленного) права [9, с. 90].

С позиции сказанного недопустимо отрицать, но не следует и чрезмерно возвышать роль и значение статутной формы права человека на защиту закона. Ю. А. Тихомиров считает, что смысл статутного права в отношении основных прав и свобод человека и гражданина заключается в том, чтобы установить механизмы и процедуры их гарантированной реализации [15, с. 5]. Присоединяясь к этому мнению, полагаем, что оно нуждается в уточнении. В частности, путем указания на то, что юридические процедуры и гарантии осуществления основных прав и свобод человека и гражданина не тождественны правозащитным обязанностям и прежде всего государства, которые также нуждаются в вышеуказанных процедурах и гарантиях. В правоотношениях обязанности и права сторон – не гарантии и процедуры друг для друга, а взаимозависимые элементы одного целого – юридической связи сторон, которая и подлежит обеспечению процедурами и гарантиями. Поэтому полагаем, что смысл и назначение статутного права в отношении основных прав и свобод человека и гражданина значительно шире, чем очерчивает Ю. А. Тихомиров. Без возведения в закон правозащитных обязанностей государства право человека на защиту закона, как и любое иное право человека и гражданина, становится декларативным. Таким образом, для того, чтобы право человека на защиту закона приобрело реальное юридическое значение, необходимо возложение и соответствующих правозащитных обязанностей на государство, которые не следует отождествлять с процедурами и гарантиями этого права.

С позиций изложенного становится очевидным, что субъективная и объективная формы выраженности права человека на защиту закона со всей очевидностью демонстрируют его синтетический характер.

Второй признак, который также подтверждает нашу гипотезу о синтетической приро-

де права человека на защиту закона, заключается в его структурированности на права и обязанности.

Проблема структурированности права человека на защиту закона – одна из дискуссионных в юридической науке. Анализ соответствующей научной литературы обнаруживает, что в основе этой дискуссионности лежат различные причины, но в первую очередь особенности понимания различными авторами структуры субъективного права. Однако, с нашей точки зрения, проблема структурированности права человека на защиту закона не может быть исчерпана выявлением основных его правомочий как права субъективного. При ее решении следует учитывать, что само это право существует в двух формах – в форме права статутного (объективного) и в форме права субъективного.

В форме статутного права структура права человека на защиту закона включает в себя все виды этого права, прописанные в законе, а в форме права субъективного – виды правомочий, присущих каждому из них. При этом было бы ошибочным отождествлять заключенные в них права и обязанности, поскольку, как замечает Н. И. Матузов, «субъективное право гражданина, вытекающее из закона, и сам закон (норма) – не одно и то же. Их отождествление не только ошибочно, но и вредно» [8, с. 32]. В. В. Лазарев и С. В. Липень также обратили внимание на то, что необходимо различать «так называемые статутные права и обязанности субъектов права, которые затем конкретизируются в правоотношениях, в так называемых субъективных правах и обязанностях» [6, с. 240]. Таким образом, различные юридические формы бытия права человека на защиту закона в обязательном порядке предполагают и различия в характере их элементного строения.

Также следует учитывать, что характеристика структуры рассматриваемого права не исчерпывается выявлением его горизонтально расположенных элементов. Она включает в себя и анализ их соподчиненности, то есть иерархичности этих элементов. Данное замечание особо важно в том смысле, что право человека на защиту закона относится к числу полисистемных прав, а само оно есть обобщенная и наиболее абстрактная форма существования входящих в него прав.

В качестве юридического основания, доказывающего наличие в одном, отдельно взятом субъективном праве человека, сопряженных между собой прав и обязанностей, имеет смысл привести мнение В. П. Грибанова о том, что всякое «субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы, как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления. Границы эти могут быть большими или меньшими, но они существуют всегда. Границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность “ в произвол и тем самым вообще перестает быть правом» [2, с. 22].

В какой бы форме не рассматривалось право человека на защиту закона, в его содержании необходимо выделять соответствующие права и обязанности. Данный вывод подтверждает мысль И. Сабо о том, что «попытка свести равновесие между правами и обязанностями к единичным правоотношениям отличается узостью» [13, с. 338]. Наиболее обобщенными и в этом смысле исходными элементами структуры статутного права человека на защиту закона выступают: право человека защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) и корреспондируемое с ним требование: каждый обязан стремиться исполнять правозащитный долг (такого рода обязанность закреплена в ст. 1 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, согласно которой каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях) [3, с. 263]. Это предельно обобщенная структура права человека на защиту закона, которая в свою очередь конкретизируется в относительно самостоятельных его видах: право человека на судебную защиту; право на самостоятельный выбор адвоката; право на рассмотрение дела в надлежащем суде; право на получение квалифицированной юридической помощи; право на презумпцию невиновности; право на защиту интересов, пострадавших от нарушений закона; право на применение действующего закона.

Вышесказанное о структуре права человека на защиту закона свидетельствуют о том, что это право обладает синтетической структурой.

Третий признак права человека на защиту закона – это регулятивная ценность. Аксиологический подход к исследованию права – один из традиционных в общеправовой науке. Наиболее полно он обоснован и продемонстрирован в работах С. С. Алексеева, Н. Неновски, П. М. Рабиновича и некоторых других теоретиков права. На сегодняшний день признано, что ценность права заключается в его полезности для личности, государства и общества, что наличие различных граней у этой полезности позволяет выделять собственно-правовые и инструментально-правовые, а последние подразделить на инструментально-обозначительную, инструментально-измерительную и инструментально-охранительную (защитную) ценности. Иного мнения на классификацию ценности права придерживается Р. М. Сайбудинов. Он полагает, что предельно общей ценностной характеристикой права является его полезность как юридического регулятора, которая, в свою очередь, складывается из его собственно-регулятивной и инструментально-регулятивной ценностей. Исследуя с этих позиций проблему ценности общепризнанных принципов правозащитного регулирования, автор приходит к выводу, что «собственно-регулятивная ценность общепризнанных принципов правозащитного регулирования состоит в том, что они аккумулируют в себе достижения человеческой цивилизации в организации и обеспечении защиты прав человека» [14, с. 100], а их инструментально-регулятивная – в способности «результативно воздействовать на общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации права человека на защиту» [14, с. 107]. С нашей точки зрения, мнение Р. М. Сайбудинова наиболее приемлемо для анализа права человека на защиту закона как правовой ценности, к тому же оно предоставляет возможность исследования этого права в тесной связанности его собственно-регулятивной и регулятивно-инструментальной полезности. С учетом этих соображений под регулятивной ценностью права человека на защиту закона следует понимать его способность обеспечивать индивиду как субъекту правовых отношений должное состояние

правозащитной безопасности и предоставлять правовые средства ее восстановления.

Должное состояние правозащитной безопасности человека – это такой режим его правовой защищенности, в котором отсутствуют юридические опасности и угрозы его правовому положению в правоотношениях. В состоянии режима правовой защищенности человек непосредственно пользуется правозащитной безопасностью как благом, что является условием для достижения им тех целей, по поводу которых он вступил в правоотношения. В этом и заключается собственно-регулятивная ценность права человека на защиту закона.

Изложенное о сущности и чертах права человека на защиту закона убедительно сви-

детельствует об обладании этим правом синтетической природы, что наиболее очевидно проявляется в его выраженности в двух формах существования, сложноорганизованной структуре и единстве собственной и инструментальной ценности для обеспечения правозащитной безопасности человека как субъекта юридических отношений. Кроме этого вывода, изложенные характеристики позволяют определить право на защиту закона как общепризнанную и опосредованную статутным правом процессуальную возможность человека, вступившего в юридические отношения, пользоваться правозащитной безопасностью и ее восстановление путем побуждения государства законом к выполнению правозащитных обязанностей.

Литература

1. Алексеев С. С. *Философия права*. М., 1998.
2. Грибанов В. П. *Осуществление и защита гражданских прав*. М., 2000.
3. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Принята на 85-м Пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 53/144 от 9 декабря 1998 года // *Неправительственные правозащитные организации Российской Федерации: справочник / под общ. ред. О. О. Миронова*. М., 2002.
4. Конвенция о правах ребенка // *Международные акты о правах человека: сборник документов*. М., 2000.
5. Лазарев В. В., Липень С. В. *Теория государства и права: учебник для вузов*. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
6. Лазарев В. М. *Сущность и юридическая природа прав человека: вопросы теории*. Волгоград, 2005.
7. Лазарев В. В. *Конкретизация права: понятие и пределы // Избранные труды: в 3 т.* М., 2010. Т. 2.
8. Матузов Н. И. *Общие правоотношения и их специфика // Правоведение*. 1976. № 3.
9. Нерсисянц В. С. *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право*. 2001. № 5.
10. *Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева*. М., 1996.

Bibliography

1. Alekseev S. S. *Philosophy of law*. Moscow, 1998.
2. Gribanov V. P. *Implementation and protection of civil rights*. Moscow, 2000.
3. The Declaration on the right and responsibility of individuals, groups and organs of society to promote and protect universally recognized human rights and fundamental freedoms. Adopted at the 85th Plenary meeting of the 53rd session of the UN General Assembly resolution 53/144 of 9 December 1998 // *the non-governmental human rights organizations of the Russian Federation: the manual / under the General editorship of O. O. Mironov*. Moscow, 2002.
4. *The Convention on the rights of the child, International instruments on human rights: collection of documents*. Moscow, 2000.
5. Lazarev V. V., Lipen S. V. *Theory of state and law: textbook for universities*. 3-e izd., rev. and additional. Moscow, 2004.
6. Lazarev V. M. *Essence and the legal nature of human rights: issues of theory*. Volgograd, 2005.
7. Lazarev V. V. *Concretization of law: the concept and limits // Selected works: in 3 vols*. Moscow, 2010. Vol. 2.
8. Matuzov N. *General legal relations and their specificity // Jurisprudence*. 1976. № 3.
9. Nersesyants V. S. *Human rights: the end of the century, tendencies, prospects // State and law*. 2001. № 5.
10. *The General theory of human rights /*

-
-
11. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека: учебное пособие. СПб., 2001.
12. Саблин Д. И. Права человека: учебное пособие. Оренбург, 2004.
13. Сабо И. Вопросы теории права. М., 1964.
14. Сайбудинов Р. М. Общепризнанные принципы правозащитного регулирования: учебное пособие. Махачкала, 2010.
15. Тихомирова Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5.
16. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959.
17. Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции: учебное пособие для вузов. М., 2004.
- Arms. ed. qualitative and ed. by E. A. Lukasheva. Moscow, 1996.
11. Rasskazov L. P., Uporov I. V. Natural rights of man: textbook. St. Petersburg, 2001.
12. Sablin D. I. Human Rights: a training manual. Orenburg, 2004.
13. Szabo I. Theory of law. Moscow, 1964.
14. Saipudinov R. M. Universally recognized principles of human rights regulation: book. Makhachkala, 2010.
15. Tikhomirov Yu. A. Public law: the dynamics of fields and methods // Journal of Russian law. 2001. № 5.
16. Tolstoy Yu. K. On the theory of relationship. Leningrad, 1959.
17. Eckstein K. Basic rights and freedoms of the Russian Constitution and the European Convention: textbook for universities. Moscow, 2004.

Матвиенко Евгений Алексеевич
Matvienko Evgeny Alexeevich

начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России кандидат философских наук, доцент.
Head, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
E-mail: matvment@mail.ru

**ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ**

**The theory of human rights in the modern cultural
and historical context: tendencies and restrictions**

В статье подчеркивается тот факт, что теория естественных прав человека отнюдь не представляет собой абсолютной истины. Она обусловлена исторически, представляет собой продукт своего места и времени, сыграла колоссальную прогрессивную роль в развитии общества (прежде всего западного). Отмечается, что сегодня эта теория становится фактором стремительной деградации (а в перспективе – и гибели) европейской культуры, что создает серьезные угрозы и для культуры российской, в частности негативные процессы фиксируются в области защиты прав детей, где бесконтрольно и лавинообразно развиваются практики ювенальной юстиции. Абсолютизация прав провоцирует завышенные ожидания мигрантов и не позволяет европейским интеллектуальным и политическим элитам адекватно решать возникающие сложнейшие проблемы.

Ключевые слова: права человека, историческое развитие, культура, ювенальная юстиция, семья, миграция.

The article concerning the fact that the «natural» human rights theory it not an absolute truth. This theory is due to historically. It is a product of its time and place. It have played a colossal progressive role in the development of society (first of all – western society). But now this theory is going to be a factor of rapid degradation (in the future – factor of death) of the European culture. It creates a serious threat for the culture of Russia. Negative processes are fixing in the field of protection of children's rights. The practice of juvenile justice system are developing uncontrollably and avalanche-like. This practice are going to the destruction of traditional family (which consists a ground of human culture). The absolutization of human rights prevents bridging of the European immigration crisis. It provokes migrant's high expectations and don't give the opportunity for intellectual and political elites to adequately deal with emerging complex problems.

Keywords: human rights, historical development, culture, juvenile justice system, family, migration.

Говоря о правах человека, нередко используют в связке с ними понятие «естественные». В это определение порой вкладывается буквальный смысл: права человека трактуются как нечто абсолютно фундаментальное, вневременное, незыблемое; но при этом однопорядковое, к примеру, закон Ньютона или Ома.

Это, конечно же, заблуждение. Теория естественных прав человека представляет собой идеологическую конструкцию, важнейший элемент идеологии классического либерализма (а позднее и ряда других концепций).

Изначально она выражала прежде всего интересы буржуазии, которая к XVII–XVIII векам окрепла экономически и выдвинула претензии на политическую власть. Вместе с тем ли-

берализм выражал интересы всего третьего сословия, боровшегося против стремительно ветшавшего феодального строя. В феодальном обществе правами обладала лишь элита. Теперь же возникает нужда в обосновании прав самых широких слоев населения. При этом права личности нужно было утвердить в противовес (практически) безграничным полномочиям феодального государства.

Эти полномочия выводились из ряда метафизических теорий (теологической, патриархальной), в рамках которых власть государя мыслилась как безусловная, укорененная в самом богоустановленном порядке вещей. Необходимо было противопоставить этой теории нечто столь же внушительное, безусловное,

фундаментальное. Отсюда и трактовка либеральными идеологами прав человека как данных самой природой, а потому независимых от воли правителя, в принципе не подлежащих ограничению с его стороны.

Таким образом, права человека есть явление историческое. Их идейное обоснование дано классиками либерализма. Их практическое воплощение – следствие успешных буржуазных революций. Под давлением общества государство вынуждено было установить эти права путем принятия соответствующих нормативно-правовых актов. Юридическая природа прав человека ничем не отличается от юридической природы любых иных норм права. Чтобы подчеркнуть нашу мысль, приведем следующую аналогию. Законодательство о правах потребителя предоставляет человеку право в течение определенного срока и при соблюдении ряда условий заменить купленный им товар надлежащего качества, если он не подошел по размеру, габаритам и т. п. Точно так же конституция предоставляет человеку право на жизнь. Разумеется, значение двух названных прав для жизни общества в огромной степени различается, но их происхождение и сущность тождественны.

До того момента, когда законодательство о правах потребителя не включало в себя названную норму, установленное ей право не существовало. Это не мешало добросовестному и заинтересованному в сохранении клиентуры продавцу пойти в данном вопросе навстречу потребителю. Подобным образом до признания государством права человека на жизнь его подданные (или граждане) таким правом не обладали. При этом его отсутствие вовсе не мешало большинству людей жить. Кроме того, и правители совершенно не стремились к физическому истреблению подвластного населения. При этом они могли руководствоваться какими угодно соображениями – экономическими, политическими, моральными, религиозными, но отнюдь не правовыми.

С теоретико-правовой точки зрения субъективное право лица включает в себя три взаимосвязанных элемента:

- 1) возможность для этого лица вести себя определенным образом;
- 2) запрет всем другим субъектам права препятствовать такому поведению;

3) в случае нарушения этого запрета – возможность для управомоченного лица обратиться за помощью к государству, на которое возлагается обязанность всеми средствами, в том числе и путем принуждения, обеспечить лицу возможность беспрепятственно пользоваться своим правом.

Зададим себе вопрос: присутствовали ли эти элементы в социальной практике истории человечества в отношении, например, фундаментальнейшего из прав – права на жизнь? Ответ, очевидно, может быть только отрицательным. В первобытную эпоху право как таковое еще не возникло. Существовавшие же в обществе мононормы, безусловно, ставили на первый план интересы не индивида, но общества, обеспечение физического выживания группы. Отсюда повсеместно распространенные практики инфантицида и геронтоцида – чудовищные с точки зрения современной морали и права, но неизбежные в тех конкретно-исторических условиях.

Однако становление цивилизации отнюдь не привело сразу же к восприятию жизни как некоего безусловного блага. Жизнь преступника, еретика, раба, зависимого крестьянина, и наемного рабочего в раннекапиталистическом обществе «стоила» очень мало и отнималась с легкостью. В то же время и жизнь представителей высших слоев общества вовсе не была гарантирована в социуме, где обыденным явлением были войны, стихийные бедствия, голод, болезни (при практическом отсутствии медицины), произвол правителя и тому подобное, в обществе, где детская смертность значительно превышала 50 %. Помимо этого, с точки зрения широко распространенного в Европе христианского мировосприятия земная жизнь человека рассматривалась как нечто малозначительное в сравнении со спасением души и практически не имеющее собственной ценности. Жизнь земная в глазах верующих, если и имела какое-то значение, то лишь как средство для достижения жизни вечной и должна была без колебаний приноситься в жертву последней [2, с. 402–418].

Безоговорочно высшей ценностью человеческая жизнь становится лишь после провозглашения ее таковой в буржуазных конституциях и кодексах (да и то не сразу, а после достаточно длительного «привыкания» социума к данным нормам. Произошло это

только в XX веке и только в пределах Западной цивилизации.

Еще раз подчеркнем, что теория «естественных» и потому неотъемлемых прав человека (а равно и вытекающая из нее социально-политическая практика) – несомненно, одно из величайших завоеваний духовных достижений человечества. Ее прогрессивная роль в процессе становления общества эпохи модерна очевидна, переоценить ее невозможно.

Тем не менее, как и любое явление культуры, идеология и практика прав человека является продуктом определенной исторической эпохи – эпохи кризиса феодализма и становления капиталистического общества. Эта идеология оказала колоссальное освобождающее воздействие на позднефеодальное общество. Затем она успешно способствовала становлению демократии, социального государства, борьбе с различными формами дискриминации и так далее.

Однако с течением времени с решением стоявших перед западной цивилизацией проблем значение этой теории, на наш взгляд, закономерно снижается. А ее гипертрофированное развитие порождает массу трудностей.

Освобождать нашего современника, человека эпохи постмодерна, уже, в общем-то, не от чего. Он скорее нуждается в ограничении, в обязывании, в тех самых «духовных скрепах», о которых неоднократно говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин [5]. К сожалению, приходится констатировать, что его многочисленные и бездарные эпигоны зачастую пытаются реализовать эту здравую идею в карикатурных формах. Это, конечно, негативно отражается на восприятии идеи как таковой, но никак не отменяет истинности лежащего в ее основе посыла. Тем более, что все более очевидным становится смещение противостояния различных государств и политических блоков из сферы военной в сферу информационную, в сферу возможностей формирования смысложизненных ориентаций народа, а тем самым – возможностей влияния на его историческую судьбу. Исследователи отмечают, что для России здесь возникают новые серьезнейшие вызовы и угрозы [3, с. 177].

Уместно будет вспомнить притчу, рассказанную древнекитайским философом Хань Фэй-цзы. Некий крестьянин пахал свое поле и спугнул зайца. Заяц бросился наутек, не раз-

бирая пути, и, стукнувшись о пенек, испустил дух. Крестьянин тут же забыл о своем плуге и уселся возле пенька ожидать других зайцев, которые таким же образом, как безвременно погибший, обеспечат пропитание его семье [4, с. 177]. Разумеется, ни к чему хорошему это не привело. Думается, и в нашем случае слепое следование когда-то хорошо себя зарекомендовавшей схеме без учета новых реалий способно в обозримом будущем привести к краху западной цивилизации (константы которой являются неотъемлемым элементом цивилизации российской). Проиллюстрируем этот тезис на двух, казалось бы, далеких друг от друга примерах.

Первый из них касается защиты прав ребенка. Институт этих прав сравнительно молод, но развивается стремительно, однако не в том направлении, которое было бы желательно для общества.

Благородные намерения, связанные с защитой наиболее уязвимых членов социума – детей, привели к распространению «уродливых» практик ювенальной юстиции, в которых извращается сам смысл отношений между родителями и детьми в рамках семьи. Смысл этот, на наш взгляд, был весьма удачно сформулирован Т. А. Хагуровым. Он указывает, что вся традиционная человеческая культура построена на понимании того факта, что в семье существует определенная иерархия. «...Родитель как более опытный и мудрый обладает большими правами, чем ребенок. А ребенок, начиная с определенного возраста, имеет больше обязанностей, чем прав». Дети должны слушаться родителей, родители должны заботиться о детях. Послушание и забота органично вытекают из взаимной любви детей и родителей [8, с. 105].

Сегодня же вразрез с традицией все больше говорят о правах детей, но практически забыли об их обязанностях. Считается само собой разумеющимся, что жизнь ребенка должна представлять собой бесконечный праздник. При этом «забывают» о том, что воспитание и обучение ребенка требуют серьезных, длительных, целенаправленных усилий от его наставников и от него самого, и это зачастую тяжелый труд. Здесь не обойтись без принуждения, в том числе и внешнего (со стороны родителей и педагогов). В парадигме же ювенальной юстиции любое принуждение в принципе недопустимо.

Например, если вы заставляете ребенка убирать в своей комнате или ходить в супермаркет за продуктами, это трактуется как принудительное использование детского труда и является основанием для лишения родительских прав и изъятия детей из семьи. Любое давление на ребенка, например, с целью заставить его сделать домашнее задание, также абсолютно исключено. Постулируется тезис об абсолютном равенстве детей и родителей, детей и учителей. Внешне это проявляется, например, в том, что в ряде стран Западной Европы ученики обращаются к учителям просто по имени. Лозунг «равные права для всех» реализуется в форме совместного обучения обычных детей и детей с психическими отклонениями либо детей мигрантов, плохо владеющих языком новой «родины». Их непохожесть предписывается безусловно уважать. Следствием этого является ориентация педагога (и системы образования в целом) не на лучших, а на худших учеников, предельная примитивизация образовательных программ, как следствие – постепенная деградация основной массы населения.

Отметим, что сходные установки содержит относительно недавно принятый «Профессиональный стандарт педагога», который требует от учителя использования «психолого-педагогических технологий, необходимых для адресной работы с различными контингентами учащихся: одаренные дети, социально уязвимые дети, дети, попавшие в трудные жизненные ситуации, дети-мигранты, дети-сироты, дети с особыми образовательными потребностями (аутисты, дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью и др.), дети с ограниченными возможностями здоровья, дети с девиациями поведения, дети с зависимостью» [6]. При этом технологии совместного обучения столь различных категорий обучаемых в предлагаемом «Стандарте» отнюдь не раскрываются. Учитывая хроническую бедность нашей общеобразовательной школы и колоссальную перегруженность работающих на износ педагогов, можно прогнозировать, что никаких реальных шагов для обеспечения адресной работы с разными детьми предпринято не будет. Проблему предложат решать за счет «внутренних резервов», а на практике педагог будет вынужден «разрываться» между сидящими в одном классе детьми с принципиально

разной подготовленностью к обучению. Невозможно угадать, на какой уровень он будет ориентироваться, учитывая требование закона о всеобщем среднем образовании.

На наш взгляд, модель защиты прав детей, которая сложилась в ряде стран Запада, категорически неприемлема и вредна для социума. Эта модель исходит из того, что «нормальной» фактически признается такая семья, в которой ребенка не любят, не уважают, стремятся причинить ущерб его физическому, психическому и нравственному здоровью. За норму выдается девиация. Если бы большинство семей действительно было таковыми, практика ювенальной юстиции могла бы отчасти считаться оправданной. К счастью, это пока не так. В то же время нормальная здоровая семья стремительно разрушается, в том числе самими механизмами ювенальной юстиции.

Свойственная постмодернистскому сознанию интенция на безоговорочное отрицание и разрушение любых иерархий и оппозиций проявилась здесь в полной мере. Та же ситуация фиксируется в связи с уже набившей оскомину проблемой миграции. О ней не говорит только ленивый, но последствия осознаются, на наш взгляд, далеко не всеми и не полностью.

На Западе, как уже упоминалось, утвердилась идеология сверхценности прав человека, принципы толерантности (в том числе в ее гротескной форме – политкорректности). Постепенно формируется поколение ученых, философов, политиков, людей искусства, в конце концов простых обывателей, которые вполне искренне разделяют постмодернистский дискурс принципиального плюрализма всего и вся. Открыто говорить о превосходстве какой-либо (тем более европейской) цивилизации считается теперь чем-то неприличным (по крайней мере – в среде интеллектуалов и причисляющих себя к таковым).

Серьезные усилия прилагаются в этой связи для развенчания европоцентризма, который обвиняется во всех смертных грехах. Однако европоцентризм представляет собой частный случай культуроцентризма, свойственного всем без исключения народам и цивилизациям. Любая культура склонна в большей или меньшей степени рассматривать себя как эталон, а достоинства других культур измерять их близостью к этому эталону. И склонность

эта, очевидно, до конца не устранима, так как выступает мощным средством сохранения культурной идентичности, создаст стимул для развития культуры. Обрушиваясь на европоцентризм, его критики фактически дают «зеленый свет» иным «центризмам» (в частности, радикальным исламистским концепциям).

Эти концепции бурно развиваются сегодня в колыбели западной цивилизации – в Европе, а «инфицированные» ими «европейцы» (как правило – выходцы из мигрантской среды) переходят к их реализации на практике. Как результат – захлестнувшая Европу волна терактов. Можно согласиться с мнением, что «террористы всегда пытались склонить на свою сторону какую-либо часть населения, завербовать его в свои ряды или получать помощь» [1, с. 164]. Чтобы этого добиться, исламистам в современной Европе практически не требуется прилагать никаких усилий.

Заметим в то же время, что превосходство Запада (по крайней мере социально-экономическое) решительно признается самими мигрантами. Попытки мигрантов из Африки и с Ближнего Востока любой ценой «прорваться» на Запад и закрепиться там ни в коей мере не может быть поставлено им в вину, поскольку такого рода попытки – следствие естественного стремления людей к лучшей жизни. Именно оно подталкивало русских к освоению Сибири, оно направляло гигантские потоки переселенцев в Новый Свет. Однако в приведенных примерах колонизаторы по уровню экономического, технологического, научного, военного развития превосходили аборигенов.

Историческая вина Запада здесь очевидна. Но якобы вытекающая из нее политика безудержной и безбрежной толерантности не способна искупить эту вину, она лишь ее усугубляет. Сейчас мы наблюдаем абсурдную ситуацию своего рода «реколонизации», причем культура менее развитая утверждается и развивается за счет более развитой. Происходит стремительная «африканизация» и исламизация Европы, что в перспективе приведет вернее всего к ее «сомализации». Насколько хватит технологических и человеческих ресурсов, накопленных сотнями поколений европейцев, сказать трудно. Но речь идет максимум о нескольких десятилетиях. Потом мигранты или их дети получают в Европе все то, от чего бежали, нищету, невежество, кровавые авторитар-

ные режимы, единственной альтернативой которым оказываются еще более кровавые этноконфессиональные конфликты. Закат Европы, о котором пророчествовал еще Шпенглер, стремительно приближается, хотя произойдет он, видимо, в иных формах, чем представлялось немецкому мыслителю.

При этом стратегия выживания мигрантов, которые не хотят адаптироваться к условиям жизни в новой стране, вполне рациональна. Они извлекают все социально-экономические преимущества из своего статуса, позиционируя себя как «обделенные» и эксплуатируя механизмы социального государства по новому месту жительства. При наличии большой диаспоры они совершенно не испытывают необходимости в ресоциализации. Живут так, как привыкли, и при этом замечательно себя чувствуют.

Квинтэссенцией такого мировоззрения выступает высказывание, приводимое в известной книге Т. Саррацина [7, с. 259]. Он описывает праздник в семье проживающих в Германии турок, на котором присутствуют женщины в возрасте от 18 до 35 лет – все импортированные невесты, которые были замужем за турецкими мужчинами второго и третьего поколений. Ни одна из женщин не говорит дома по-немецки, они практически не знают этого языка. За всех приходится говорить одной: «Мы и здесь можем жить так, чтобы не иметь никаких дел с другими. У нас свои собственные представления. Ведь мы здесь имеем все, немцы нам вообще не нужны». Разумеется, как добавляет Саррацин, их сыновья потом женятся на мусульманках. И это при том, что практически все эти люди не работают и живут исключительно за счет Германии, точнее, немецких налогоплательщиков!

Образовательный уровень мигрантов, как правило, весьма невысок. Он отчасти может рассматриваться как оправдание для непонимания мигрантами паразитического характера их существования. Тем более, что мигранты также инфицированы вирусом сверхценности прав человека (правда, в мигрантской среде эта теория понимается односторонне и утилитарно: мигранты имеют только права, а все обязанности лежат на «принимающей стороне»). Однако решать данную проблему никто пока не торопится (хотя решительный крен европейского избирателя «вправо» все более

заметен). Такую пассивность трудно до конца объяснить рационально. Но, несомненно, что немаловажным ее фактором являются порожденные теорией прав человека идеологические иллюзии.

Все вышесказанное приводит нас к однозначному выводу о том, что концепция прав человека, оставаясь в основе своей верной, нуждается тем не менее в серьезной корректировке

в соответствии с принципиально новой культурно-исторической ситуацией. Возведение этой теории в некую догму ведет к своего рода «ослепленнию» как носителей политической власти, так и представителей экспертного сообщества. А это, в свою очередь, чревато серьезнейшими (в перспективе – неразрешимыми) проблемами, ставящими под угрозу безопасность личности, общества и государства.

Литература

1. Гулевский А. Н., Гулевская А. Н., Глущенко Д. В. Терроризм как особая форма войны // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // Избранные труды: в 2-х т. М.–СПб., 1999. Т. 2.
3. Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2013. № 1.
4. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>.
6. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (ред. от 05.08.2016) «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”». URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-18102013-n-544n/>
7. Сарразин Т. Германия: самоликвидация. М., 2012.
8. Хагуров Т. А. В поисках утраченного детства // На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. Краснодар, 2015.

Bibliography

1. Gulevskiy A. N., Gulevskaya N. F., Glushchenko D. V. Terrorism as special form of war // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2014. № 2.
2. Gurevich A. Ya. Medieval world: culture of the silent majority // Elected works: in 2 vols. Moscow–St. Petersburg, 1999. Vol. 2.
3. Morozov I. L. Safety of political communication in modern Russia // Bulletin of the Volgograd state university: History. 2013. № 1.
4. Perelomov L. S. Confucianism and legism in political history of China. Moscow, 1981.
5. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. December 12th, 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>.
6. Order of the Ministry of labour the Russian Federation «About the approval of the professional standard “Tutor”». URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-18102013-n-544n/>
7. Sarrazin T. Germany: self-annihilation. Moscow, 2012.
8. Khagurov T. A. In search of missed childhood // On the edge of the abyss: deviantological sketches of education, culture and policy. Krasnodar, 2015.

Воробьев Геннадий Александрович
Vorob'ev Gennady Aleksandrovich

заведующий кафедрой информационно-коммуникационных технологий, математики и информационной безопасности Пятигорского государственного университета кандидат педагогических наук.

Head, Department of Information and Communication Technologies, Mathematics and Information Security, Pyatigorsk State University, PhD in Pedagogical.
Тел.: 8 (87933) 400-730.

ЭНТРОПИЙНОЕ ДАВЛЕНИЕ В ПРОЦЕССАХ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Entropic pressure in the deformation processes of socio-cultural space in Russian society

В статье показывается, что в современной России формирование нового социокультурного пространства как разновидности социальной реальности принимает деформированный характер. В пространстве культуры проявляется энтропийное давление как социодинамическая характеристика, отражающая системную социальную неопределенность в жизнедеятельности личности и социума. Утверждается, что энтропийное давление в процессах деформации социокультурной среды выступает составной частью социальной энтропии как процесса разрушения мира культуры.

Ключевые слова: социальная энтропия, энтропийное давление, социальная реальность, духовный кризис, деформация социокультурного пространства.

The article shows that in contemporary Russia the formation of a new socio-cultural space as a kind of social reality takes the deformed character. In the space of culture is entropic pressure as sociodynamic characteristic that reflects the system of social uncertainty in the life of the individual and society. Entropic pressure in the deformation processes of socio – cultural environment is an integral part of social entropy as a process of destruction of the world culture.

Keywords: social entropy, entropy pressure, social realities, spiritual crisis, deformation of the social space.

Культура как социальный опыт адаптации людей к среде обитания и совокупность закрепленных в знаковых системах и наделенных смыслами результатов социальной деятельности рассматривается в качестве основного движущего фактора развития современного общества. Она упорядочивает социальную реальность и обеспечивает единство ориентиров и направлений социальной активности.

В подобном пространстве культуры в большей или меньшей мере проявляется энтропийное давление как социодинамическая характеристика, отражающая системную социальную неопределенность в жизнедеятельности личности и социума, уровень социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики.

Культура определяет качество и «здоровье» социальной среды. С помощью механизмов исторической самоорганизации культура соз-

дает благоприятную почву для успешной социализации и саморазвития личности, формируя соответствующее эстетическое, информационное, образовательное и художественное пространство. Все это в совокупности создает предпосылки для совершенствования человеческого капитала, то есть способствует формированию особых социально-гражданских качеств и свойств, активных жизненных установок и запросов граждан страны, которые затем оказывают влияние на культуру, придавая ее развитию общественно значимые цели и современные смыслы [1].

Социокультурное пространство играет немаловажную роль в процессе формирования модели мира и обладает характеристиками протяженности и структурности, сосуществования и взаимодействия, координации элементов культуры и смысловой наполняемости структурной организации. Категория «социо-

культурное пространство» содержит в себе понятийную связку, что делает ее универсальной общесоциологической. Социокультурное пространство включает в себя экономическое, политическое, педагогическое, физическое, туристическое пространство и множество других. Культурное пространство всегда стремится оформиться в законченную знаково-символическую систему. Массовое сознание всегда содержит в себе представления о культурном пространстве в виде представлений о прошлом страны, ее главных ценностных установках и нравственных предпочтениях, основах единства и «опорных точках».

Однако в современной России формирование нового социокультурного пространства как разновидности социальной реальности принимает деформированный характер. Страна находится в переходной стадии своего развития, которая затронула буквально все сферы общественной жизни, проявилась на различных уровнях культуры и создала ситуацию неопределенности, неустойчивости и нестабильности в обществе. Такие состояния характерны для интенсивных изменений, в рамках которых параллельно идут процессы реформирования экономической и социально-политической системы и обновления социокультурной парадигмы (формирование гражданского общества, становление принципов культурного плюрализма и мультикультурализма, переход к информационному обществу) [2].

Фактор энтропийного давления, играющих важную роль в деформации социокультурного пространства, выводит на понимание культурного потенциала общества как совокупности объективных и субъективных возможностей или факторов, способствующих развитию культуры в рамках существующей традиции.

Для того чтобы объяснить успехи одних стран и провалы других, американский культуролог и философ Л. Харрисон разработал типологию культурной традиции, в которой выделил: 1) культурную традицию с высоким культурным капиталом; 2) культурную традицию с низким культурным капиталом. Критерием данной типологии является не численность великих писателей, поэтов и художников в той или иной стране, а факторы, способствующие пробуждению в гражданах стремления к творчеству и успеху, достижению це-

лей и результатов, желания сделать завтрашний день лучшее сегодняшнего [3].

Цель любого общества – прогресс и процветание. Эти качества характерны только для демократических стран с рыночной экономикой. Мировой исторический опыт свидетельствует, что люди, живущие в прогрессивных демократических государствах, ощущают себя наиболее счастливыми. Л. Харрисон отмечает, что в странах с развитым культурным капиталом религиозные институты не подавляют личность, а культивируют конкуренцию и прагматизм (протестантские страны), а люди считают нормой брать ответственность за собственную судьбу в свои руки.

В обществах с низким культурным капиталом, архаичной культурой граждане склонны перекладывать ответственность за собственные неудачи на волю Господа, верят в судьбу и изначальную предопределенность всего. Ценности глубоко укоренены и сцеплены с личной идентичностью. Любая угроза им возбуждает сильные эмоции и может вызвать самый горячий отпор. Процесс изменений культуры оказывается еще более трудным, когда в основе его лежит осознание болезненной слабости собственной культуры – по сравнению с другими культурами, добившимися большего прогресса. Легче объяснить отставание своей культуры следствием чьего-то недоброжелательства, нежели собственными недостатками.

По Л. Харрисону, экономический успех страны основан на поощрении труда и культе успеха. Экономность выступает основой инвестиционной активности, экономической соревновательности и свободного предпринимательства, а конкуренция обеспечивает наиболее эффективное распределение ресурсов в обществе. Ограничения на креативность, творческую активность и конкуренцию, характерные для стран с низким культурным капиталом, являются рациональной политикой привилегированной узкой группы, направленной на борьбу с конкурентами, несущими угрозу их положению [3].

Л. Харрисон выделил три фактора, которые оказывают непосредственное влияние на формирование культуры современного общества: 1) религия; 2) образование; 3) средства массовой информации. Если религия и образование подвергаются у нас постоянным об-

суждениям, то тезисы о СМИ как инструменте формирования культурных основ рассматриваются в качестве покушения на свободу или оправдание цензуры. Необходимо, чтобы власть овладела культурой использования потенциала средств массовой информации как инструмента воспитания.

Пути экономического развития напрямую зависят от культуры, включающей ценностные ориентации, господствующие в обществе модели поведения и традиции. Осознание этого факта необходимо не только России, которая понимает, что ее трансформация по западному образцу невозможна в силу ментальных причин, но и всему мировому сообществу.

Человек всегда действует в определенной социокультурной среде. Культура представляет собой совокупность сложившихся в том или ином обществе представлений, норм поведения, правил хорошего тона, понятий о добре и зле, справедливости и несправедливости, которые помогают членам общества ориентироваться в окружающем мире, оценивать действия других людей и давать прогнозы.

Интерииоризированные в ходе социализации личности культурные нормы и ценности оказывают сильное регулирующее воздействие на поведение человека. Культура и политическая культура, в частности, задают вектор образу мышления людей, восприятию, оценке окружающего мира, а также формируют у членов общества определенные ценностные ориентации, позволяющие осмысливать окружающую действительность и собственную деятельность. Социализация способствует усвоению человеком принятых в определенной культуре моделей поведения, которые он затем воспроизводит. Действия участвующих в политической и политико-технологической деятельности людей также определяются общественной культурой [3].

Энтропийное давление в деформации социокультурной среды связано также с тем, что социальная энтропия – это процесс разрушения мира культуры как индивидуализированного человеческого бытия с устоявшимися трендами и векторами развития, своей духовностью.

Сегодня на первый план выходят процессы, нацеленные на изменения в масштабе формирования макроисторических «поток», форм структурирования социокультурных пульсаций на уровне воспроизводства культур-

ного кода, цивилизационного горизонта общественной жизни [4, с. 110–114].

В российском обществе в последнее время наблюдается духовный кризис, который разворачивается на фоне социальной и социально-политической неопределенности. Все чаще исследователи говорят о деградации, включающей утрату смысла жизни, деформацию основополагающих установок жизненного предназначения человека. Осознание человеком рассогласованности ценностей индивидуального бытия и направленности общественных и политических процессов, ценностного поля социума переживается как абсурдность человеческого существования и сопровождается ощущением своего бессилия перед враждебным миром, в котором торжествуют сила и несправедливость, чувством своей «невписанности» в него, ненужности, отверженности и социального одиночества.

Процессы либерализации переключают внимание личности на внешние факторы ее бытия, к которым относится материальное благополучие и успех, профессиональная реализация, достижение желаемых социальных статусов. При этом упор делается на достижение внешней свободы, финансовой независимости и самодостаточности, а высшие ценности приобретают абстрактные формы либо вообще теряют какую-либо значимость в сознании индивида. Эгоцентричный и прагматичный человек современного общества пытается найти гармоничную реальность, но духовные потребности и переживания замещаются виртуальными картинками современного техногенного, информационного общества, продуктами массового общества и общества потребления.

Все это проявляется в условиях, когда от человека требуется глубокое осознание и предельно активное соучастие в происходящих процессах. Усиливается тенденция к разрыву с духовными традициями прошлого, восприятию их в качестве мертвых консервативных структур культуры, мешающих поступательному развитию техногенного общества. Под прикрытием модернизации разрушаются многовековые системы ценностей и идеалов. На их место приходят химеры культуры массового потребления, сиюминутные по своей сути и позволяющие наживать капитал на духовной, а нередко, и физической смерти человека [5].

Очевидно, что речь уже идет о деградации. В отечественной социально-гуманитарной

мысли это понятие начинает все более широко применяться. Обратимся к исследованиям философа С. В. Хоружей. Она исходит из факта наличия в контексте социокультурной деградации нескольких аспектов единого процесса, связанного с тем, что деструкция, энтропия «социального» сопровождается примитивизацией или даже разрушением «культурного» пространства. Существует скрытая деградация, когда стабильное в социально-экономическом и политическом отношении общество содержит культурно-интегрирующее «ядро», признаваемое подавляющим большинством населения, которое, однако, по своим качественным показателям не соответствует основополагающим принципам гуманизма, подлинной человеческой природе. Деградация предполагает понижение объективного статуса индивида [6].

Деградация проявляется в понижении объективного статуса человека, его места в системе социальных связей, а также утрате духа, культуры, нравственных устоев и норм, усвоенных в процессе первичной социализации ценностей, значений, смыслов своего собственного существования. Деградирующей является «затухающая» система социокультурных отношений, которая характеризуется упрощением социальной организации, нисхождением в сравнении с ранее достигнутым этапом развития, нарушением функциональной целостности, ведущим к нивелированию возможностей эффективного урегулирования социальной жизни [6].

В свою очередь Р. Гальцева пишет, что главной проблемой современного российского общества, наряду с экономической анемией, коррупцией, бездействием правоохранительных органов власти, является культурная. Во-первых, торжество закона, формирование правового государства зависят от типа человека, формируемого определенной культурой. Человеческие потребности не имеют границ, но моральным сделать человека невозможным. Во-вторых, культурный вопрос поистине судьбоносен, так как касается не только исторически обозримого, текущего, но и необозримого будущего [7].

Для Н. Н. Седовой Россия – это общество «морального транзита», поскольку у многих россиян складывается убеждение в полной и безвозвратной утрате обществом нравственных норм, так как эрозия морали достигла той

критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее – вырождение России. Падение морали расценивается сегодня населением как одна из самых серьезных потерь, которые понесло российское общество за годы реформ. Если в 1990-е годы ухудшение морального климата в обществе еще уступало, например, ухудшению уровня жизни населения, то в 2000-е моральное состояние общества стало главным «лидером» негативных перемен, обогнав такие негативные вехи этого периода, как кризис в социальной сфере (здравоохранении, образовании, культуре), ситуация в сфере законности и правопорядка, межнациональные отношения, уровень жизни населения [8].

В связи с этим известный отечественный социолог и социальный философ С. А. Кравченко отмечает, что сложный социум характеризуется качественно *иной моралью*, являющейся социальным институтом. В ней происходят радикальные изменения, по существу, требующие ее «переоткрытия». Для интерпретации современной морали предлагается концепция *текущей морали*, атрибутивным качеством которой является *становление, текучесть*: в реально обозримом времени происходит изменение принципов и норм жизни, появление в ней инородных ценностей, их слияние с традиционными ценностями и образование культурных гибридов, что ведет к дисперсии моральных принципов. Вместе с тем текучая мораль способствует адаптации людей к новым социокультурным условиям [9, с. 112].

Все это свидетельствует о проявлении энтропийного давления через характеристики социальной неопределенности в жизнедеятельности личности и социума, уровня социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики.

Таким образом, культура рассматривается как главный движущий фактор развития современного общества.

Однако в России формирование нового социокультурного пространства как разновидности социальной реальности принимает деформированный характер. При этом в культуре в большей или меньшей мере проявляется энтропийное давление как социодинамическая характеристика, отражающая системную социальную неопределенность в жизнедеятельно-

сти личности и социума, уровень социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики.

В современном российском обществе наблюдается общий духовный кризис, связанный с утратой смысла жизни, высшего предназначения. Все это разворачивается на фоне социальной и социально-политической неопределенности.

В условиях социокультурного кризиса теряется уверенность в ценностях жизни, морали, в смысле жизненного существования. Осознание человеком рассогласованности ценностей индивидуального бытия и направленно-

сти общественных и политических процессов, ценностного поля социума переживается как абсурдность человеческого существования и сопровождается ощущением своего бессилия перед враждебным миром, в котором торжествуют сила и несправедливость, чувством своей «невписанности» в этот мир, ненужности, отверженности и социального одиночества, что свидетельствует о проявлении энтропийного давления через характеристики социальной неопределенности в жизнедеятельности личности и социума, уровня социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики.

Литература

1. Савинков В. И. Коммуникативные стратегии становления и развития современной культурной политики России: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2011.
2. Астафьева О. Н. «Переходность» как принцип социокультурного развития: движение общества к новому типу культуры. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/>.
3. Харрисон Л. Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя: пер. с англ. М., 2008.
4. Медведев В. А. Развитие человека в условиях стремительного роста темпов социальной и культурной динамики // Российское общество в современных цивилизационных процессах / под ред. В. В. Козловского, Р. Г. Браславского. СПб., 2010.
5. Хомутцов С. В. Введение в философию духовности. Барнаул, 2006.
6. Хоружая С. В. Социокультурная деградация (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2003.
7. Гальцева Р. Культурная перспектива России: угрозы и надежды. URL: <http://www.nika.name/>
8. Седова Н. Н. Россия – общество морального транзита // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 6 (106).
9. Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Сессия 1: Общество и теории: отражения, отторжения, притяжения. М., 2012.

Bibliography

1. Savinkov V. I. Communicative strategy of formation and development of modern cultural policy of Russia: sociological analysis: abstract of dis. ... doctor of sociology. Moscow, 2011.
2. Astafyeva O. N. «Transitivity» as a principle of socio-cultural development: the movement of society towards a new type of culture. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/>.
3. Harrison L. the Central truth of liberalism. How politics can change a culture and save it from itself: transl. from English. Moscow, 2008.
4. Medvedev V. A. Human Development in terms of the rapid pace of social and cultural dynamics // Russian society in contemporary civilizational processes / ed. by V. V. Kozlovsky, R. G. Braslavsky. St. Petersburg, 2010.
5. Chomutov S. V. Introduction to the philosophy of spirituality. Barnaul, 2006.
6. Khoruzhaya S. V. Socio-cultural degradation (sociological analysis): abstract of dis. ... PhD in sociology. Krasnodar, 2003.
7. Gal'tseva R. the Cultural perspective of the Russian threat and hope. URL: <http://www.nika.name/>
8. Sedova N.N. Russia – society of moral transit // Public opinion Monitoring, 2011. № 6 (106).
9. Kravchenko S. A. The Sociological diagnosis of complex society // Sociology and society: global challenges and regional development. Proceedings of the IV all-Russia sociological congress. Session 1: Society and theory: reflection, rejection, attraction. Moscow, 2012.

Козюк Михаил Николаевич
Kozuk Mikhail Nikolaevich

доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of History and Theory Law and State, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian President Academy of the National Economy and Public Administration, PhD in Law.
E-mail: mkozuk@yandex.ru

МЕДИАЦИЯ МЕЖДУ АРХАИКОЙ И МОДЕРНОМ*

Mediation between remote and modern

В статье проводится анализ социально-правового института медиации с точки зрения его сущности. Утверждается, что данная процедура возникла на ранних этапах формирования социальности. В современных спорах между традиционализмом (архаикой) и модернизацией институт медиации занимает особое положение. При развитии этого института автор считает необходимым принимать во внимание всю его национальную историю.

Ключевые слова: медиация, посредничество, примирение, догоняющая модернизация, национальная модернизация.

The article analyses the socio-legal institution of mediation in terms of its essence. It is argued that this procedure originated in the early stages of sociality. The modern debate between traditionalism (arhaizacij) and the modernization of the mediation Institute occupies a special position. During the development of this institution must take into account all his national history.

Keywords: mediation, mediation, conciliation, dogonjajushhaja modernization, national modernization.

В философских работах, посвященных анализу состояния социальных отношений в современном обществе, очень часто используется концепт архаизации. Причем эта тенденция прослеживается на всех уровнях социальных отношений: как на межличностных, так и на групповых и массовых. Как пишет Л. В. Карнауценко, «достаточно актуальной гносеологической проблемой применительно к современному российскому обществу выступает архаизация значимых элементов социального пространства. Процесс архаизации затрагивает основные социальные институты и подсистемы, в том числе оказывает влияние на систему духовной, социокультурной регуляции общества» [4, с 143].

Что же такое архаичность и архаизация? Данное явление довольно сложное и имеет уже богатые теоретические трактовки. Не вдаваясь в глубокую аналитику, отметим в «рабочем порядке», что, говоря об архаизации, обычно имеют в виду воспроизводство каких-

то социальных практик, зародившихся в глубокой древности (обычно на догосударственном этапе развития социальной общности), в современных условиях в специфических социальных ситуациях, которые сделали их востребованными, а порой и эффективными. Специфическим феноменом здесь выступает то обстоятельство, что эти практики каким-то образом сохранились в сообществах и в результате своей современной востребованности начали не только возрождаться, но и расширяться, при этом становясь более эффективными (хотя бы временно), тем самым подтверждая свою жизнеспособность.

Проблема архаизации общества является одним из столпов социокультурной концепции А. С. Ахиезера. Его подход заключается в том, что «архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударствен-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Волгоградской области. Проект «Медиативные технологии снижения социальной конфликтности в деятельности должностных лиц органов местного самоуправления Волгоградской области» № 16-13-34020.

ной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен. Развитие не являлось их культурной ценностью. Архаизация имеет место в условиях большого общества, государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности» [1, с. 90]. Современный специалист по проблемам архаики рассматривает ее «как культуру, сформированную на раннем (древнем) этапе социальной истории, представляющую собой систему практик солидарных действий, освоенных в ходе взаимодействия общества с природной средой и другими обществами и выраженных в общественном сознании (менталитете)» [8, с. 35].

Вообще явление архаизации в целом обычно трактуется как негативное – регресс в развитии, откат от достигнутой точки прогресса. Здесь имеется в виду достаточно критикуемая в последние годы, но тем не менее довольно устойчивая идея прогресса, не только как линейного развития человечества, но и как социальная ценность. Хотя идея прогресса отнюдь не отрицает сложности развития, в том числе с временными поворотами и возвратами, однако эти «откаты» имеют негативную оценку, поскольку противоречат «идее». Понятно, что в такой логике архаизация – это угроза развитию. Поставленная проблема «архаизации» российского общества в конце прошлого века, в специфических условиях распада старой и становления новой государственности, трактовалась как проблема именно «карь» за неправильный путь развития России, который был выявлен в результате различных «критик» исторического опыта. Поэтому синонимами архаизации нередко выступают варварство, дикость, регресс, деградация и т. п.

Применительно к проблеме медиации архаизация имеет прямое отношение. Как показывает анализ современной литературы по вопросам примирения, снятия социальной конфликтности, историческая ретроспектива данных тем является обязательной ее частью, что, конечно, вполне соответствует методологическим требованиям, предъявленным к социальным исследовани-

ям. Обращение к истории дает богатый материал для дальнейшей проработки проблемы. «Сегодня можно говорить о некой мировой тенденции, проявляющейся в повышенном интересе к традиционным способам разрешения споров и конфликтов и их увязывании с системами социальной юстиции» [5, с. 160].

Проблема возвращения в современность традиционных (архаичных) практик снятия социальной конфликтности порождает множество сопутствующих вопросов, в частности об истоках и причинах данного явления. Почему в эпоху невиданного социально-технического прогресса, коренным образом изменившего облик социума, в том числе и развитие организации социальной жизни, системы законодательства и правосудия, проникающих во все социальные отношения, неожиданно выявилась необходимость такого «возврата», как в ментальном, так и технологических отношениях, к структурам которые были порождены тысячелетия ранее?

Пытаясь определить некую схему для ответа на такого рода вопросы, изначально следует опереться на аксиому: наличие примирительных процедур, некоей культуры согласия для урегулирования и снятия социальных противоречий и конфликтов на всех уровнях социальной иерархии необходимо для существования любой социальной системы. Другими словами, история любой социальной общности, в том числе и государств, – это история функционирования механизмов социальной солидаризации, механизмов примирения, снятия социального напряжения и конфликтности. Примечательно, что при всех разновидностях практик примирения центральной идеей, как отмечают специалисты, всегда была следующая позиция: «основой философии традиционных способов урегулирования конфликтов (и в тех обществах, где они бытуют по сегодняшний день) является вопрос о том, как жить дальше вместе» [5, с. 160].

Надо отметить, что не все исследователи архаизации общества относятся к этому явлению как к негативному. По мнению В. М. Хачатурян, история показывает, что возрождение архаики само по себе не является деструктивным процессом, оно не равнозначно хаотизации и деструкции. Оно выступает как ресурсосберегающий и обеспечивающий выживание социальный механизм – за счет максималь-

ного упрощения и одновременно упорядочения социальной жизни [20, с. 143–144]. Явление это временное, представляется импульсивным ответом общества на опасные вызовы, происходящие, как правило, во времена социальных трансформаций.

Сегодня в нашей стране наблюдается повышенный интерес к проблемам примирения. Это выразилось, в частности, и в социально-правовой сфере: с 1 января 2011 года действует Федеральный закон о медиации [17], на основе которого складывается некая правоприменительная практика. Согласно закону под медиацией понимается процесс самостоятельного урегулирования конфликта сторонами при помощи нейтрального посредника (медиатора). Закон создал довольно специфический правовой институт, который постоянно подвергается разнообразной критике. Согласно нормативным положениям в данном случае речь идет об альтернативной процедуре разрешения споров. Таким образом, причины возвращения института заключаются в том, что медиация как разновидность социального примирения имеет глубокие, в общем-то, архаичные корни. Как пишет Д. Л. Давыденко, «способность людей договариваться о том, как разрешить конфликт, сыграла решающую роль в формировании человеческого общества и человеческого способа существования. Это была та самая способность, которая и позволила человеку выживать и совместно добывать себе пищу, охотясь на животных, намного превосходящих силой человека. Умение договариваться, в том числе о том, как разрешить конфликты, и стало условием выживания человека и выделило его из мира живой природы» [3, с. 32]. Примирительные процедуры с участием третьих лиц известны во все времена и во всех социальных общностях. Россия, выросшая в своей значительной части из крестьянской общины, где подобные технологии широко применялись даже в условиях окрепшей государственной системы правосудия и существовали параллельно ей почти до первой трети прошлого века [2; 10; 14], а по менее значительным конфликтам существуют и сейчас в семейных, соседских, профессионально-корпоративных и т. п. системах примирения, также является частью, если не возвращением технологий медиации в широком смысле, то по крайней мере любопытного правового экспе-

римента. Однако за прошедший период после вступления закона в силу, согласно справке Верховного суда России, который проводит мониторинг проблемы, ситуация выглядит не очень убедительно: «По информации, поступившей из судов, стороны практически не используют процедуру медиации» [15]. И здесь проявляется большая проблема, лежащая на стыке социальных и правовых полей.

Право играет в современном обществе самые разные роли – от мессианистских предвидений – «правовое и социальное государство» до инструкций по разведению кроликов и утилизации нечистот. И здесь любопытно положение, связанное с законодательством о медиации. Как пишет Д. Е. Михель, «особенностью развития медиации в России является то, что она сформировалась не как социальный институт, а как правовой. Правом регулируются отношения, которые еще не сложились в обществе как фактические. В связи с этим правовой институт медиации призван оказывать воздействие на развитие медиации как социального института» [9, с. 100]. Здесь перед нами раскрывается целый комплекс проблем, во многом проясняющий суть вопроса.

Вообще, особенность медиации заключается в том, что в ней невозможно существование жестких технологий, что проявилось в федеральном законе, в котором не прописаны процессуальные нормы проведения медиативной сессии. Здесь во многом проявляются те, условно говоря, психологические, духовные человеческие феномены, которые еще во многом не прояснены наукой, находятся нередко за ее гранью, в сферах ментальности, этики, религии и т. п. Эти сферы являются довольно архаичными, сводятся к неким «архетипам» и очень устойчивыми. И в случае социальных катаклизмов, социальных трансформаций они действительно возрождаются, приходя на помощь человеку. Как подчеркивает Ч. К. Ламажаа, «архаическая культура как система практик общественных действий состоит из самых простых, но при этом надежных эффективных способов взаимодействия древнего общества и его индивидов с природной и социальной средой» [8, с. 35–36]. Таким образом, можно констатировать, что в обществе постоянно существуют и действуют социальные механизмы снятия социальной конфликтности путем примирения, в том числе с участием третьих

лиц (посредников). Однако «правовые очки», которые изначально были надеты некоторыми исследователями, не позволяют их видеть, поскольку медиация не была ранее облечена в правовые формы. Кроме того, сегодняшняя стадия развития этих процессов, социальных и правовых, не предполагает их соединения. Хотя очевидно, что в перспективе, например, при развитии восстановительного правосудия, социальная потребность повлияет на их сближение. Стоит отметить, что, соблюдая некую институциональную «чистоту», уже сейчас имеются заявления о том, что восстановительное правосудие – это не медиация. Возможно, это так, однако общей чертой данных институтов является недоверие (альтернатива) к официальному правосудию. В связи с этим идеалом было бы не мучительное изобретение неких альтернатив, а возвращение в институт правосудия социальных, гуманных основ.

Дискурсом, противоположным архаизации является модернизация. Он очень популярен в отечественной социальной науке, однако из-за его особенностей интерес к нему проходит волнообразно. Так некий восторженный фанатизм 90-х годов прошлого века сменился критичностью нашего времени. Американский профессор К. Калхун отмечает: «Касательно модернизации очень важно понять, что это – американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центрической интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки прежде всего на Западную Европу, где она разрабатывается, хотя развивается в Соединенных Штатах; она должна быть принята в других странах» [6]. Как подчеркивает А. Сулимин, «теория модернизации создавалась как идеологическая платформа экспансии капиталистического мира, противостоящая социалистической модели и обосновывающая необходимость всех стран следовать по западному пути развития» [16, с. 182]. Действительно, теорию модернизации нельзя не интерпретировать как огромную идеологическую программу развития мира в определенный исторический период. При этом эта программа – продукт специфической группы американских социальных исследователей, повлиявших на принятие политических решений. Однако это не говорит об утопичности или

всецелой мифичности этого теоретического конструкта. Обычно в основе таких теоретико-идеологических построений находится вполне трезвый взгляд на реальность, и чем ближе к действительности эти теоретические построения, тем сильнее программа. Мировые тенденции, развитие конкретных стран некоторое время давали довольно убедительные подтверждения теории модернизации. Кроме того, в данную теорию хорошо вписывалось и развитие европейской цивилизации в последние столетия. Однако то, что все богатство мирового развития в конечном счете сводилось к «вестернизации», привело к краху классического варианта этой теории – «догоняющей модернизации» уже в 70-е годы прошлого века. Новый всплеск интереса к этому конструкту возник на волне постсоциалистических «перезагрузок», когда появилась потребность в осмыслении событий и определении путей дальнейшего развития. В это время теория модернизации стала популярным дискурсом и в российской социальной теории. Она объясняла многие перипетии российской истории, по крайней мере со времен Петра I, в том числе и революционные и реструктурные процессы. Дополнительно она оказывала давление на наше экономическое развитие (если это можно назвать развитием), а также на культурно-духовную сферу, что также болезненно воспринималось обществом. Вместе с тем логика «догнать», а в патриотическом варианте – «догнать и перегнать» условную «Америку» оказалась несостоятельной из-за своей нереальности, поэтому сейчас наступило время некоего теоретического охлаждения. За неимением новых современных теоретических конструктов социальные аналитики пытаются вдохнуть новую жизнь в теорию модернизации с целью наибольшего ее приближения к существующей реальности. Поэтому вслед за признанием догоняющей модели модернизации уже неактуальной для современного мира, ее переформируют в «национальные» модели модернизации когда учитывается не только западный опыт, но и опыт восточных стран и иных регионов. Как пишет В. Г. Федотова, «модель догоняющей модернизации рассматривала Запад как единственный образец, а эмпирическое несоответствие модернизирующихся стран с этим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию,

создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества вариантов модернизации и следующего отсюда многообразия национальных модернизаций считает эти различия закономерными, обусловленными спецификой этих стран, отрицая единый образец» [19, с. 19].

Применительно к развитию института медиации теоретическая конструкция модернизации имеет самое непосредственное отношение. Если изучить десятки или даже сотни работ по теории медиации, нетрудно обнаружить, что их авторы очень часто кардинально расходятся во мнениях о времени зарождения этого института: одна группа считает началом социальности период родового строя, другая значительно осовременивает проблему, датируя ее рождение серединой прошлого века. Такие же расхождения наблюдаются и по вопросу о месте возникновения технологий медиации: первая группа утверждает, что они есть неотъемлемая часть культуры любого социума, вторая локализует это место США с переходом на Западную Европу. Нетрудно заметить, что вторая группа относит себя к сторонникам модернизации в «догоняющем» варианте, первая – пытается выявить более глубокие, сущностные корни явления. Такой подход имеет непосредственные результаты в современном практическом состоянии проблемы. Очевидно, что медиация нашла свое воплощение в федеральном законодательстве исходя из модернистских представлений. Об этом говорит тот факт, что законная медиация в России может проводиться в сугубо коммерческой форме, то есть возмездно. И то обстоятельство, что этот институт, далеко не процветает, обусловлено не просто ограниченностью финансовых ресурсов населения, а тем, что в российском менталитете очень плохо уместается мысль, что доброе дело, а примирение – это и есть доброе дело, можно делать за деньги. Между тем эта проблема плохо преодолевается, например, в сфере здравоохранения. Спасать, вылечить человека – это святое, доброе дело, не имеющее цены. И проблема здесь не столько в жадности или объективном недостатке средств, а в ментальных конструкциях. Люди готовы платить, благодарить за помощь так же неформально, как бы они хотели, чтобы и к их беде, проблемам относились неформально. И часто это граничит с таким

институтом, как коррупция, представления о которой также укладываются в дихотомию «традиция – модерн».

В одной из своих работ отечественный исследователь проблем модернизации Э. А. Паин выделяет две ее формы: управляемой, спроектированной элитой, и органичной, основанной на спонтанном заимствовании культурных норм и ценностей на основе готовности общества, слоев населения, «заинтересованных в перенесении новшеств в новую культурную среду и способных к их распространению, внедрению и защите» [12, с. 42]. Конечно, идеология нашего закона о медиации относится к первому типу модернизации. И этот почти чистый лабораторный эксперимент дал очевидные результаты. Теперь речь может идти о более внимательном теоретическом рассмотрении проблемы не только на уровне технологии, но и с учетом социальной теории более высокого уровня.

Завершая анализ, отметим, что наш законодатель, вводя институт медиации в ткань общества и надеясь на скорый позитивный эффект от таких благих помыслов, совершил несколько методологических ошибок. Во-первых, социально-правовой институт был создан по лекалам частного права, в его коммерческом видении, что, конечно, не имеет никаких основ (в частности, финансовых) для широкого развития в России. Во-вторых, в основе энтузиазма «родителей» правового института медиации был не национальный взгляд на проблему, а некие идеи, пришедшие с зарубежными социальными «миссионерами», которые наряду с хитростями рыночной экономики учили и тонкости медиации. Однако они всецело проигнорировали отечественный опыт решения социальных проблем, отзвуком чего и являются представления некоторых исследователей о зарождении медиации в западных странах в середине прошлого века. В-третьих, проявившееся в законе незнание национальной специфики не столько развивает, сколько блокирует развитие технологий примирения в нашем обществе. Так, например, закон строго запрещает применять технологии медиации государственным и муниципальным служащим исходя, наверное, из логики враждебного отношения между государством и гражданским обществом. Другими словами, участковым уполномоченным полиции, главам

сельских администраций запрещено применять любые меры к примирению конфликтующих жителей, кроме юридических. Однако, как свидетельствуют результаты нашего исследования, на самом деле эти и иные должностные лица в различных качествах, в том числе и посредников, активно участвуют в снятии социальной напряженности, при этом, как правило, не имея представления о процедуре медиации и ограничениях федерального закона. Во вновь принятом законе об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [11] также ничего не говорится о примирительных процедурах, а общественные организации, имеющие довольно серьезный примиренческий потенциал, даже не вошли в число субъектов профилактики. Тем не менее в законе содержится понятие «антиобщественное поведение», то есть поведение, не попадающее в уголовную и административную юрисдикцию, но явно конфликтное. Отсутствие хорошего инструментария для работы с носителями такого поведения на практике будет только подталкивать их к указанным юрисдикциям.

Однако здесь существует проблема, на которую в последнее время однозначно указывают исследователи почти во всех значимых социальных сферах. Так, В. Г. Федотова по

этому поводу замечает: «Бывают ситуации, когда устаревшим теориям противостоит здравый смысл. Но сегодня ситуация представляется противоположной: многообразие суждений и кризис здравого смысла в условиях быстрых изменений не выступают основой преобразований и требуют новых теорий для улучшения ситуации. В России сегодня это слабое место... Для решения ряда проблем страна нуждается в современных теориях и должна признать опасность полагания только на здравый смысл. Взаимоотношение теории и практики становится ключевым пунктом изменения социальных теорий и реализуется в различных направлениях исследования» [19, с. 14–15]. Применительно к проблеме теории медиации это означает, что существующая теоретическая и прикладная база является надежным фундаментом для некоторой «перезагрузки» в исследовательской работе. Дело в том, что какой бы национальной не была современная модернизация, все равно она должна опираться на некий тонкий слой вестернизации, который в сфере развития медиации у нас уже создан. На его основе и возможен старт действительно эффективных методик и технологий, решающих многие проблемы на пути к консолидации общества как главной цели.

Литература

1. Ахиезер А. С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1.
2. Гаева О. Х., Хайрусов Д. С. Историко-правовой аспект развития института примирения // История государства и права 2008. № 6.
3. Давыденко Д. Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М., 2013.
4. Карнаущенко Л. В. Правовая культура в контексте процессов архаизации современного российского общества // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29.
5. Карнозова Л. М. Научно-теоретический семинар «Роль примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов» // Труды института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3.
6. Крейг К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. URL: <https://refdb.ru/look/2416708-p2.html>.

Bibliography

1. Akhiezer A. S. Arkhaization as a category of social sciences (Russian experience) // Journal of sociology and social anthropology. 2001. Vol. IV. № 1.
2. Gaev O. H., Hajrusov D. S. Historical-legal aspect of development of reconciliation // History of state and law. 2008. № 6.
3. Davydenko D. I. Conciliation procedures in the European legal tradition. Moscow, 2013.
4. Karnauhshenko L. V. Legal culture in the context of the arkhaization processes of the contemporary Russian society // Rule of law in modern society. 2016. № 29.
5. Karnozova L. M. Scientific-theoretical seminar «The role of reconciliation in the traditional practices of conflict resolution» // Proceedings of the Institute of State and law of Russian Academy of sciences. 2014. № 3.
6. Craig C. The theory of modernization and globalization: who and when they pitched. URL: <https://refdb.ru/look/2416708-p2.html>.
7. Kuzmenkov V. A. Arkhaization worldview

7. Кузьменков В. А. Архаизация мировоззрения и системы ценностей в современной России // Система ценностей современного общества 2014. № 33.
8. Ламажаа Ч. К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. № 3.
9. Михель Д. Е. Правовое регулирование, как средство развития социальных институтов // Архивариус. 2015. № 4.
10. Мордовцев А. Ю., Агафонова Т. П. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект // История государства и права. 2013. № 24.
11. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (21). Ст. 3851.
12. Паин Э. Л. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность 2009. № 6.
13. Ревуцкая Е. А. Архаизация в российском социокультурном процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. 2.
14. Смирнов А. М. Неофициальное народное правосудие в среде российского крестьянства // История государства и права. 2016. № 10.
15. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 года № 199-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год (утв. Президиумом Верховного суда РФ 22.06.2016). URL: <http://consultant.ru>.
16. Сулимин А. Н. Концептуальный смысл теории модернизации // Свободная мысль. 2012. № 11–12.
17. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
18. Федотова В. Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 1.
19. Федотова В. Г. Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования 2011. № 11.
20. Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.
- and value system in modern Russia // values of modern society no. 2014 33.
8. Lamazhaa C. K. Arkhaization society in the period of social transformation // Humanitarian science: theory and methodology. 2011. № 3.
9. Michel D. E. Legal regulation as a means of promoting social institutions // Archivist. 2015. № 4.
10. Mordovtsev A. Yu., Agafonova T. P. Mediation in the history of the Russian statehood: legal-conflictological aspect // History of state and law. 2013. № 24.
11. On fundamentals of the system for prevention of offences in the Russian Federation: Feder. the Act of June 23, 2016 № 182-FZ // SZ RF. 2008. 2016. № 26 (21). Church 3851.
12. Pain E. I. Multicultural modernization: the evolution of the theoretical views // Social science and modernity. 2009. № 6.
13. Revuckaya E. A. Arkhaization imposed in Russia's socio-cultural process // Historical, philosophical, political and law Sciences, culturology and study of art. Questions of theory and practice. Tambov, 2013. № 4 (30).
14. Smirnov A. M. Informal folk justice in the Russian peasantry Wednesday // History of state and law. 2016. № 10.
15. Certificate of practice of the courts of the Federal law dated July 27, 2010 № 199-FZ «On alternative dispute settlement procedure with the involvement of a mediator (mediation procedure)» for the year 2015 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 22.06.2016). URL: <http://consultant.ru>
16. Sulimin A. N. Conceptual meaning of modernization theories // Free thought. 2012. № 11–12.
17. Federal law dated July 27, 2010 № 193-FZ «On alternative dispute settlement procedure with the involvement of a mediator (mediation procedure)» // SZ RF. 2010. № 31, Art. 4162.
18. Fedotova V. G. Russia history of modernization in the mirror // Philosophy questions. 2009. № 1.
19. Fedotova V. G. New ideas in social theory // Sociological researches. 2011. № 11.
20. Khachaturian V. M. «Second life» antiquity: antiquity trends in the civilizing process. Moscow, 2009.

Гулевский Алексей Николаевич
Gulevsky Alexey Nikolaevich

доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России кандидат философских наук.

Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.
Тел.: 8 (988) 017-55-42.

Гулевская Наталья Анатольевна
Gulevskaya Natalia Anatolievna

доцент кафедры философии и права Волгоградского государственного технического университета
кандидат исторических наук.

Associate Professor, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, PhD in History.
Тел.: 8 (917) 726-96-60.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ВОЙНЫ
Social and philosophical analysis of functions of war

В статье анализируется такое социальное явление, как война, сквозь призму его функционального назначения. Авторы приходят к выводу, что война – необходимый спутник человечества и, более того, онтологически восходит к борьбе как способу существования человека. Война осмысливается как антропо- и социообразующий феномен.

Ключевые слова: война, борьба, функции войны, пацифизм, реализм, милитаризм.

In article the analysis of such social phenomenon as war through a prism of its functional purpose is undertaken. All historical process shows us that war – the necessary satellite of mankind. Ontologically the phenomenon of war goes back to fight as to a way of existence of the person. War is anthropo- and sotsio-the forming phenomenon.

Keywords: war, fight, war functions, pacifism, realism, militarism.

История народов в очень значительной своей части состояла из битв народов...

Р. Штейнменц

В отношении сущности феномена войны исследователями сформулированы три различных подхода. Каждую из трех позиций обозначают как пацифизм, реализм и милитаризм. Различие в понимании феномена войны обусловлено отличием взглядов ученых на природу, причины и последствия войны. Вплоть до XX века исследователи обращали основное внимание на этическую оценку войны, что выразилось в противостоянии представлений о войне как социальном зле и как необходимой для общества функции. Конечно, у войны как явления всегда гораздо больше противников, чем сторонников, так как война – это жертвы и кровь, страх и принуждение. Война, как правило, не гуманна, а жестока.

Негативная риторика в отношении войны имеет давнюю историю. Еще в Древней Индии существовали философские школы, в ос-

нове мировоззрения которых стоял запрет на причинение любого вреда всему живому. Пропаганда ненасилия продолжается до наших дней. Крупные и кровавые конфликты XX века отвратили людей от войны, а либеральная идеология в целом носит пацифистский характер. В силу своей гуманности, демократические государства избегают использования при ведении военных действий понятия война, а употребляют такие категории как миротворческая операция, операция по принуждению к миру, антитеррористическая операция, нанесение точечных ударов, мягкая сила, информационная война, экономические санкции и прочее.

Несмотря на негативное в целом отношение к войне в обществе, она продолжает свое существование, а вооруженное насилие, в любом своем внешнем проявлении присутствует

даже в демократических обществах. Несмотря на высказанное И. Кантом мнение, что в обществах, где решения принимаются большинством, труднее начать войну ввиду того, что ее несправедливость коснется всех и все не станут участвовать в том, что им вредит, войны в том или ином виде продолжают. Рационалистическая философия иногда высказывала мнение о том, что война – это скорее выражение аффекта, эмоционального в человеке, что война есть нечто неразумное и ненужное в рационально устроенном мире. Марксистско-ленинская философия называла войну явлением преходящим, возникшим по причине появления частной собственности и потому преодолимой и ненужной в коммунистическом обществе.

Однако развитие истории показывает, что война – наш неотступный спутник, выполняющий важные функции, и отменить войну не возможно ввиду того, что ее функции перестают выполняться. Задачей нашей статьи является попытка выявления таких функций и их социально-философский анализ.

В философии уже предпринимались некоторые попытки осмыслить роль войны в обществе, однако они не были в целом системными и полномасштабными. И. Кант выделил две функции войны, заложенные еще природой: первая заключается в том, что «она рассеяла людей повсюду, забросив их даже в самые негостеприимные края», а вторая функция состоит в том, что война «принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени, основанные на законе» [1, с. 281–281].

Наиболее интересный подход к пониманию функций войны представил голландский философ Р. Штейнметц в своей работе «Философия войны». Он понимает войну как культурно-творческую силу. Исследователь справедливо указывает, что для своего становления в современном состоянии человек должен был быть изначально агрессивным, жадным, умеющим сопротивляться и нападать. Действительно, если бы первобытный человек был пацифистом или ахимсой, то был либо съеден хищниками, либо жил на деревьях в теплых странах, как обезьяны. Однако наши предки использовали камни и палки, а затем создали оружие, которое позволило не только отстоять жизнь и пищу, но и преследовать хищни-

ков, убивать их и отнимать добычу. Конечно, философы – марксисты стремились смягчить воинственный характер первобытного человека, изображая его скорее добрым тружеником, вынужденным защищаться от грозивших ему опасностей. Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» рассуждает о значении трудовой деятельности в развитии человека, его руки, которая менялась с усложнением трудовой активности. Однако это понимание уводит нас от действительного представления о природе человека. Не труд, а борьба с врагами за доминирование сделала человека тем, кто он есть. В этом отношении становится более ясным выражение Гераклита: «Раздор – отец всех общий и всех общий царь. И одних богами объявляет он, а других – людьми, одних рабами сотворяет он, а других свободными» [2, с. 8].

Для того чтобы стать хозяйственником, человек должен быть успешным охотником, способным удерживать за собой хотя бы клочок земли или сохранять жизнь нескольким прирученным животным. Любая деятельность человека представляет собой, прежде всего, борьбу, что точнее раскрывает его природу, позволяет понять, кто он на самом деле. Развитие цивилизации сделало человека забывчивым, культура делает его утонченным, деликатным и сторонящимся кровопролития, однако как все это было достигнуто? Не уводит ли социальный прогресс нас в сторону от того, кем мы являемся на самом деле?

Борьба с природой и победа над ней не могли быть достаточными для того, чтобы увидеть ту цивилизацию, субъектами которой мы являемся, а только позволила выжить и победить голод. Р. Штейнметц справедливо полагает, что если бы люди ограничились борьбой с животными, то тогда человечество никогда не достигло бы такого высокого развития, «к которому привела его жестокая борьба с себе подобными» [3, с. 25]. Возможно, человек расселился бы на обширных территориях, но остался надолго существовать на родовом уровне. В то же время борьба с другим человеком, который многосторонен и может развиваться в ходе борьбы, сделала человека тем, кем он стал сейчас. Следует помнить, что страсть к завоеваниям, наслаждение борьбой и победой

были важнейшей составляющей природы человека и остаются таковыми до сих пор. Таким образом, можно обнаружить, что война стала исходным пунктом человеческой истории и продолжает быть ее основой.

Поиски защиты от нападений вынудили людей активно вступать в союзы. Численность позволяла слабым выжить, так как коллектив соединял множество слабых людей вместе, увеличивая тем самым их силу. Страх перед возможностью внезапного нападения стал лучшим «клеем» для сплочения в социальное целое. Семья, род, племя, народ, государство возникли, в первую очередь, благодаря опасности физического уничтожения. Внешняя опасность, желание выжить объединяют людей гораздо сильнее, чем разумные доводы об удобстве и комфорте. Следует также обратить внимание на то, что союзы людей в ходе их эволюции возрастали численно, то есть развивались от малых, как семья, и дошли до таких гигантов, как нации и их объединения. Очевидно, что более крупные союзы возникали в результате борьбы и войн, они обеспечивали лучшую безопасность людям, так как численность населения коррелирует с числом воинов, что является очень важным фактором победы в войне. Существенным является то обстоятельство, что сплоченные союзы были сильнее союзов разобщенных, что в еще большей степени способствовало консолидации.

Последователи К. Маркса возразят, что разделение труда и экономические связи цементируют общество, однако в действительности представляется, что экономика стала иметь большое значение существенно позже, ведь хозяйство еще нужно создать, а до этого суметь защитить то немногое, что есть.

Древняя Греция была рабовладельческим государством, постоянно ведущим войны, а Платон, хотя и не рекомендовал брать в рабство эллинов, что часто происходило в действительности, тем не менее считал возможным иметь рабов среди варваров, то есть людей не греческого происхождения, захваченных в военных походах. Так об этом повествует диалог «Государство»: «Значит, и нашим гражданам нельзя иметь рабом эллина и другим эллинам надо советовать то же самое. – Конечно. Таким образом, их усилия будут скорее направлены против варваров, и эллины воздержатся от междоусобиц» [4, с. 292]. Не

исключено, что и сам Платон имел в собственности рабов и рабынь, так как его аристократическое происхождение позволяли это, а род занятий не приносил прибыли. Войны и эксплуатация рабов позволяли иметь грекам досуг, возможность заниматься искусством, вести долгие ученые беседы. Полученные в ходе войн богатства позволяли тратить излишки средств на образование, искусство, развитие наук, развлечения. В определенной мере можно сказать, что война способствовала и формированию философии, так как в противном случае греки вынуждены были бы заниматься сельскохозяйственными работами, чтобы прокормить свои семьи, а не рассуждать об идеальном государстве. Обычно говорят, что философия в Древней Греции появилась в период экономического роста, но при этом забывают напомнить, что этот рост был чем-то обеспечен. В период расцвета своей экономики греки увеличивают число колоний в бассейне Средиземного и Черного морей, а также численность рабов, захваченных ими на присоединенных территориях. В Древнюю Грецию свозили рабов, сырье, предметы роскоши и продукты питания, что приводило к росту численности населения полисов. Таким образом, захваченные территории и пленники обогатили Древнюю Грецию, что позволило ее выдающимся сынам внести значительный вклад в мировую культуру. Аналогичная ситуация наблюдалась в Древней Индии и Древнем Китае, где также появились первые философские школы.

Таким образом, необходимо говорить об интеграционной (социообразующей) функции войны в истории человечества. Следует отметить, что военные союзы людей, направленные друг на друга, разделяют их, делают врагами (обратная дезинтегрирующая функция). С одной стороны, войны разделяют, а с другой – соединяют человечество. Если видеть в истории некий направленный процесс, то следует согласиться с мнением И. Канта о том, что посредством войн человечество стремится пройти через разделение к единству. «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, – это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка», – пишет И. Кант в своей работе «Идея всеобщей исто-

рии во всемирно-гражданском плане» [1, с. 11]. И. Кант согласен с тем, что без антагонизма в условиях единодушия и взаимной любви люди не смогли бы развить все свои таланты и жили бы как «аркадские пастухи». «Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора», – заключает великий философ [1, с. 12]. И. Кант верил, что войны и принесенные ими бедствия приведут к осознанию необходимости всеобщего единства всех народов. Он говорит о том, что точно так же как люди осознали необходимость государства, они осознают и необходимость межгосударственного единства. Внешняя сила приводит к принудительным воздействиям, направленным на объединение. В войне заключена мощная объединяющая сила.

О важнейшем интегрирующем значении войны в генезисе государств писал также немецкий правовед Р. Иеринг: «Что война может оказать самое целебное влияние на развитие права и государства, это далеко не так парадоксально, как кажется с первого взгляда. Война в надлежащее время может в несколько лет подвинуть это развитие далее, чем столетия мирного существования. Подобно грозе отчищает она воздух, полагает быстрый конец политическому и нравственному застою, разрушает одним ударом гнилое здание неуклюжего государственного устройства и гнетущих социальных учреждений и дает толчок к целебному политическому и социальному процессу омолаживания» [5, с. 211]. Военная служба, согласно Р. Иерингу, приучила народ Древнего Рима «к повиновению, закону и порядку». Служба в армии стала для римлян и других народов своеобразным учебным заведением, где граждане обучались закону, порядку, повиновению, послушанию. Приходя со службы, воин долгое время помнил необходимость следовать строгой дисциплине. Военные походы, победы и поражения, погибшие и спасенные товарищи сплачивали воинов в единый организм. Усилия народа, направленные к победе, сплачивают социальные коллективы в одно целое. Пролитая кровь на полях сраже-

ний, гордость за свой народ, слава триумфов заставляли всех римлян чувствовать то, что мы называем патриотизмом. Собственно патриотизм во многом является продуктом, связанным с войной. Ни одно событие не заставляет граждан так любить свое отечество, как победа своего народа в сражениях за свободу и воспоминания об этом событии. После войны они могли собираться вместе и вспоминать пережитое, а молодежь внимательно слушала эти рассказы, со временем превращающиеся в легенды о героях.

История народов – это прежде всего история их борьбы за существование, которая формирует народный характер, ментальность, национальные чувства и идентичность.

Таким образом, еще одной функцией войны в обществе является выработка этнического и национального самосознания и культуры. Общность истории, языка, культурных традиций, обычаев, территории, экономической жизни во многом определяется фактом отчужденности народов друг от друга, их обособлением, которые по сути являются следствием того, что они находились и продолжают находиться в состоянии актуальной или потенциальной войны. Находясь в изоляции, народы создали свои религии и, вступая в борьбу, вынуждены были искать объединяющую всех религию. Монотеизм стал религией, способствовавшей укреплению внутреннего согласия в государстве, чем содействовал его усилению, в том числе в военных целях. Кроме того, если бы не участие и победы в войнах, народам не удалось бы сохранить свою историческую культуру, языки, территорию, обычаи. Кто может вспомнить теперь языки и культуру печенегов, ютов, кельтов и многих других исчезнувших народов? Под руководящим воздействием войны люди сплачивались в коллективы, вели изолированную жизнь. В результате возникали характерные для них черты, самосознание, формировалась собственная история, связанная с определенной территорией. Стали складываться народы с определенными характеристиками, которые также явились следствием существования войны. Своеобразие народных характеров могло возникнуть только в результате ожесточенной борьбы народов друг с другом за самосохранение и выживание.

Война выполняет также функцию интенсивного диалога культур, так как народы, втор-

гаясь на чужие территории, насаждают свою культуру. Примером может служить эллинизация, романизация, германизация, распространение британской культуры в колониях, вестернизация и так далее. Долгие годы мирного сосуществования и торговые отношения не приводят к столь глубоким взаимоотношениям культур, как это делает война.

Война выполняет функцию формирования системы ценностей в обществе. И. Кант интерпретирует войну как воспитателя человеческого рода, как бедствие, необходимое для улучшения человеческой нравственности. В социальных общностях всех народов поощрялись смелые субъекты, а порицались слабые. Трусов ненавидели и изгоняли, храбрецов воспевали в песнях, стихах и легендах. Война укрепляла не только индивидуальные качества людей, такие как смелость, но и социальные качества – любовь к группе (патриотизм). Внутри групп поощряется также верность, преданность, уважение к товарищам, любовь к народу. Предательство по отношению к своей группе возбраняется и наказывается. Война оказывает влияние на формирование такого нравственного качества, как альтруизм в отношении своей социальной общности. Такие этические категории, как совесть, честь, достоинство, не получили бы своего четкого содержания без участия человека в борьбе за существование. Чувство долга перед отечеством, находящимся в опасности, тяжесть вины за проявленную слабость в его защите, достойная смерть в бою, любовь к Родине, позволяющая преодолеть страх смерти, дружба с боевыми товарищами, стремление принести пользу и служение на благо государству – все это смело можно назвать следствием воспитательной функции войны. Нравственный принцип бескорыстного служения другим людям – альтруизм формировался внутри сплоченных организаций, ведущих борьбу между собой, а не просто между отдельными индивидами. Гибель в бою за свой народ, потеря здоровья и лишения в период военных походов открывали дорогу к альтруизму внутри своей группы. В индивидуальной борьбе людей проявляется прежде всего эгоизм, а война как коллективное противостояние позволяет преодолеть природный эгоизм и перейти к его социальной форме – альтруизму, служению интересам целого. Служа целому, индивид как ра-

зумное существо в большей степени заботится о своих интересах, чем служа только себе. Тот, кто думает не только о собственных интересах, но и об интересах сограждан, получает более высокую оценку в обществе. Только на войне и любовь способна проявить себя в полной мере, когда ради своей Родины не жаль собственной жизни. Любовь дарит счастье, но требует принести жертвы. Отсутствие войн приводит к искажению смысла любви. Она воспринимается как наслаждение другим ради себя, а не как жизнь ради другого. Бескорыстная любовь возможна только тогда, когда ощущаешь себя частью большого целого, которое больше и важнее тебя самого для себя.

Организационная функция войны выражается в улучшении структурированности групп, они стремятся создать эффективные правительства и условия для более результативной деятельности населения, в противном случае будет страдать как внешняя, так и внутренняя политика, что приведет к поражению государства в войне или выразится в социально-экономическом противостоянии. Мирное время является очень важным периодом, когда борьба государств ведется посредством экономической и культурной конкуренции. Очень важно организовать жизнь государства так, чтобы оно смогло конкурировать эффективно. Для этого правительство должно состоять из способных людей, знающих законы организации общества. Как известно, из двух организованных систем преимуществом пользуется более сплоченная структура, прочная, надежно функционирующая, гибкая, способная к быстрому саморазвитию и высокой продуктивности. Государства вынуждены улучшать организацию жизни, стремясь к тому, чтобы их граждане могли как можно лучше раскрыть все свои полезные качества, делающие их сильнее. Плохая организация приводит к тому, что граждане не проявляют себя с лучшей стороны, а значит, не могут эффективно бороться в мирной жизни или вести бой на поле брани.

Война обладает функцией двигателя общественного прогресса. Страсть к войне дала человеку мощный импульс к развитию. Как только государства прекращали войны и борьбу, это приводило их к слабости и закату. Война требует от человека колоссальных усилий развития интеллекта. Для самого человека война зачастую становится социальным лифтом.

Само же развитие как принцип существования требует в свою очередь единственного, но крайне важного условия – свободы. Только обладая смелым свободным духом народ в состоянии победить и природу, и другие народы. Возможность войны принуждает общество развивать науку, образование, здравоохранение, нравственность, экономику, технику, требует снизить социальное расслоение и многое другое. Начавшаяся война заставляет общество эволюционировать в ускоренном режиме. Война стала для человека средством выживания и способом существования. В этом, на наш взгляд, заключается одна из основополагающих функций войны. По нашему глубокому убеждению, эволюционная роль войны очевидна.

Война выполняет также функцию распределения материальных богатств между обществами. Прежде чем вступить в состояние войны, государство стремилось оптимизировать свои шансы на победу посредством роста производства, технологических новаций. Вместе с победой в войне победитель приобретал право на дополнительный прибавочный продукт посредством контрибуции и репарации. Пленные представляли собой бесплатную рабочую силу, труд которых, как правило, был направлен на восстановление разрушенного хозяйства государства-победителя. Также победителю доставались новые территории, а вместе с ними сырьевые ресурсы [6, с. 20].

Война выполняет функцию эволюционного биологического и социального отбора. По нашему мнению, именно в войне механизм биологического отбора обрел свою социальную форму. С одной стороны, война «осуществляет» контроль над популяцией людей, не позволяя им перенаселить планету. С другой стороны, победа в войне закрепляет и в какой-то степени легитимизирует перед остальными успех государства в эволюционном процессе. Прогрессивные общества получают преимущества, регрессивные уходят в небытие. Войны упраздняют отжившее и готовят почву для нового в государстве.

Война не является чем-то волонтаристским, как думают некоторые философы. Для объявления войны правители должны заручиться поддержкой большинства или хотя бы сильнейшей части своих государств. Итоги войны также не определены случайностью.

В войнах побеждают те, кто лучше способен перенести ее тяготы. Кроме выносливости, государство должно продемонстрировать единство в духовном, экономическом и политическом плане. Как отмечалось выше, важнейшими факторами победы в войнах являются: численность населения, уровень экономического развития страны, физическое и духовное здоровье населения, соответствие общего культурного развития народа и политического строя в государстве. Заслуживает внимания тезис К. Маркса о соответствии развивающихся производительных сил производственным отношениям, что в противном случае тормозит развитие общества и подталкивает к поражениям.

Исследуя феномен войны, обнаруживается еще одна важная функция – поддержка существования государства. Война создает государство, и в то же время способна разрушить их, война позволяет государствам жить, надеясь смыслом существования. Долгий мир обесмысливает в обыденном сознании населения необходимость государства, создает иллюзию того, что вокруг доброжелательные соседи, гостеприимные друзья, готовые помочь и накормить, ничего не требуя взамен. Без военной конкуренции государства становятся чем-то ненужным и отжившим. Без войны население перестает чувствовать себя единым коллективом.

Война не только задает высокие цели государствам, но и придает экзистенциальный смысл существованию человека. Она способна вырвать человека из так называемого М. Хайдеггером «неподлинного бытия» к бытию подлинному, из отчужденного мира к реальности, где человек больше не винтик, от которого ничего не зависит, но способен влиять на порядок вещей, быть автором поступков, от которых зависит его жизнь и жизнь многих других людей. Война способна захватить его целиком и ввергнуть в пучину событий. Каждая минута на войне – «пограничное состояние» между бытием и небытием, все ложное и фальшивое ускользает и человек видит себя таким, какой он есть, а не таким, как он о себе думал или представляли другие. Риск на войне становится постоянным занятием, он дает человеку возможность обрести подлинный смысл, задуматься над тем, что действительно важно в его жизни, которая не будет длиться

ся вечно. Таким образом, война несет экзистенциальную, смыслообразующую функцию для государства и человека.

Она является крайним средством в решении международных конфликтов, которые не урегулировать путем переговоров. Отсутствие войны приводит к вялотекущим, бесконечно длящимся политическим кризисам, к застою в решении политических отношений. Споры между государствами не будут иметь окончательного разрешения. Отстающие в развитии государства не смогут извлечь уроки из своих ошибок, а государства-лидеры не получают все причитающиеся им выгоды и блага победителей и лидеров. История утратит свое смысловое содержание, и развитие исторического процесса потеряет свое направление. Старое и отжившее сможет продолжить свое существование на длительное время, консервируясь в государственных границах. Слабые будут одерживать победу над сильными, а сильные – проигрывать слабым, что приведет человечество к регрессу и деградации. Одной из функций войны является избавление государства от внутренней напряженности и перевод этой напряженности во внешние отношения.

Итак, война выполняет в обществе множество важных функций, которые несут пользу как индивиду, так и обществу в целом. По сво-

ей сути война – это бич человеческого рода, жестокий, беспощадный, но тем не менее небесполезный феномен. Страдания заставляют человека лучше понимать суть жизни, дают толчок к совершенствованию. Нужда заставляет искать возможности заработка, опасность – быть взвешенным, ответственным. Лишить человека страдания, опасности и нужды, значит обречь на скучное и бессодержательное существование. Вряд ли можно согласиться с теми, кто считают счастьем полное отсутствие страданий. Война, как точильный камень, без которого человек деградирует. Она позволяет человеку раскрыть свою природу, суть которой – в стремлении к доминированию и борьбе. Отказаться от войны, как от крайнего средства в решении проблемы доминирования, – значит отказаться от самого доминирования как принципа существования. Но готово ли к этому человечество? Пожалуй, что пока нет. Ведь тогда придется отказаться от попыток управлять этим миром и превратиться в некое подобие животных, занять нишу среди других существ, а может, и исчезнуть вовсе. Война – это древняя, жестокая игра, которую придумали люди для установления своего господства на планете и которая может меняться со временем, но не исчезнет, так как если бы люди забыли о ней, то вскоре ее пришлось бы выдумать.

Литература

1. Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. М., 1966. Т. 6.
2. Гераклит: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. М., 2012.
3. Штейнметц Р. Философия войны. Петроград, 1915.
4. Платон. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Loseva и В. Ф. Асмуса; пер. с др.-греч. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 1.
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. Ч. 1.
6. Мамин Р. Г. Экология войны (исторические факты, прогнозы и версии). М., 2011.

Bibliography

1. Kant I. Works: in 6 vols / ed. V. F. Asmus. Moscow, 1966. Vol. 6.
2. Heraclitus: all heritage: in original languages and in the Russian lane / S. N. Muravyev. Moscow, 2012.
3. Shteynmetz R. Philosophy of war. Petrograd, 1915.
4. Platon. Compositions: in 4 vols / under a general edition of A. F. Losev and V. F. Asmus. St. Petersburg, 2007. Vol. 3. Part 1.
5. Iyering R. Spirit of the Roman right at various steps of his development. St. Petersburg, 1875. Part 1.
6. Mamin R. G. Ecology of war (historic facts, forecasts and versions). Moscow, 2011.

**Осяк Андрей Николаевич
Osyak Andry Nikolaevich**

начальник кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Head, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (918) 554-93-16.

**Пестов Роман Аркадьевич
Pestov Roman Arkadievitch**

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (918) 592-78-58.

**Шаповалова Татьяна Николаевна
Sharovalova Tatiana Nikolaevna**

преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (928) 907-45-92.

**Чернобровкина Наталия Игоревна
Chernobrovkina Natalya Igorevna**

доцент кафедры экономической социологии и регионального управления Южного федерального
университета кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor, Department of Sociology and Regional Management, Southern Federal University,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (988) 536-15-71.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Social control as a subject of scientific reflection

В статье рассматриваются конформистский, инструменталистский и конструктивистский подходы к интерпретации понятия социального контроля в отечественном и зарубежном социальном знании. Анализ различных исследовательских перспектив позволяет сделать вывод о необходимости концептуализации представлений о социальном контроле и реконструкции на этой основе особенностей его функционирования в российском обществе.

Ключевые слова: социальный контроль, административный контроль, гражданский контроль, коммуникативный контроль.

The article discusses conformism, instrumentalist and constructivist approaches to the interpretation of the social control concept in home and foreign social knowledge. Analysis of different research perspectives leads to the conclusion about the necessity of conceptualization of the social control notions and reconstruction of features of its functioning in Russian society on this basis.

Keywords: social control, administrative control, civilian control, communication control.

В современном научном знании существуют различные подходы к социальному контролю, каждый из которых предполагает опреде-

ленный аспект его рассмотрения. Методологическая ограниченность каждого из них ведет к односторонним трактовкам понятия со-

циального контроля, тогда как в современных условиях его целесообразно рассматривать как многомерное явление. Поэтому необходимо изучать социальный контроль с позиций выявления эвристических возможностей различных теоретических подходов, исследующих его сущностные основания и формы проявления в обществе. Именно этим обусловлен научно-исследовательский интерес к заявленной теме исследования.

Впервые в научной литературе термин «социальный контроль» поведения индивидов и социальных групп использовал О. Конт, интерпретировав его как ограничение свободы действий индивида правовыми и неправовыми институтами, тем самым расширив первоначальное содержание термина, который в переводе с французского означал «надзор, верификация, инспекция». Развивая идеи О. Конта, Г. Спенсер заложил основы изучения социального контроля с позиций системного и структурно-функционального подхода, которые надолго определили перспективы его исследования учеными. Так, рассматривая регулятивную систему, Г. Спенсер полагал, что социальный контроль за повседневным поведением людей осуществляют институты церкви и государства, подчинение нормам которых гарантирует страх перед живыми и мертвыми.

Идеи основателей социологического знания развивали в конце XIX и начале XX века Г. Тард и Э. Росс, которые рассматривали социальный контроль с точки зрения его регулятивной функции и различных форм, сдерживающих нежелательное для общества поведение индивидов и социальных групп. Согласно концепции Э. Росса социальный контроль как способ воздействия на индивида с целью поддержания порядка в обществе осуществляется посредством правовых и религиозно-этических норм. Ученый впервые обращает внимание на внешние и внутренние способы регуляции поведения индивида, которые основаны на вынужденном и добровольном принуждении. Впоследствии Э. Парк и Э. Берджес рассмотрели практики организации социального контроля за поведением индивидов и групп, которые осуществляются органами власти и институтами социализации. Попытку критики рационального основания определения понятия социального контроля поведения индивидов и групп предприняли

У. Сэмнер и Ч. Кули, которые исследовали его социально-психологическую обусловленность.

Обобщенное определение социального контроля поведения индивидов и социальных групп в 60-е годы XX века предложил Р. Лапьер: «Социальный контроль – это совокупность общественных практик, побуждающих людей на основе индивидуального желания в социальном статусе приспособлять свои склонности и запросы к нормативным стандартам поведения» [1, с. 142]. Р. Лапьер подчеркивал спонтанно-рациональные основания социального контроля, чьи практики могут быть следствием планируемой активности индивида, но также могут быть и ненамеренными. Использование тех или иных практик вызвано стремлением индивида к занятию значимых позиций в социальной структуре общества. Солидаризуясь с Р. Лапьером, П. Спиренбург выявлял уровни социального контроля в малой группе и на институциональном уровне как встречный контроль.

Таким образом, с конца XIX века и до начала 60-х годов XX столетия в рамках системного и отчасти структурно-функционального подходов социальный контроль рассматривался как совокупность социальных практик, нормативно регулирующих поведение индивидов и групп. Он осуществлялся социальными институтами как внешний, поскольку у индивидов отсутствовали или были недостаточны для социальной среды инстинктивные контролирующие механизмы. Обучение нормативному поведению осуществляли институты социализации, а в случаях отклонения от него к индивидам применялись санкции. Этот этап рассмотрения социального контроля поведения индивидов и групп в зарубежной научной литературе обозначают как конформистский, поскольку он характеризуется приспособлением индивидов и групп к внешним нормам в процессе социализации, в результате чего формируются адаптивные модели поведения, обусловленные различными формами политической ментальности [11; 12].

Инструментальная интерпретация понятия социального контроля поведения индивидов и социальных групп осуществляется с 60-х годов XX века в рамках структурно-функциональной теории, согласно которой стремление людей к конформизму вызвано санкциями про-

тив нарушителей порядка, тогда как действия законопослушных граждан базируются на самоконтроле, в основе которого – моральные нормы и ценности. Поэтому социальный контроль выступает сдерживающим механизмом девиантного поведения индивидов и социальных групп.

Основные положения инструментализма развивались учеными вследствие изучения поселенческой девиантности индивидов и групп. В частности, Р. Мертон, исследуя специализированные механизмы социального контроля поведения людей, полагает, что индивидуальный конформизм, основанный на самоконтроле, является целью социализации, но ее последствия могут быть как функциональными, так и дисфункциональными. Поэтому между социализацией и социальным контролем существует обратная связь: в зависимости от степени социализации граждан используются ресурсы контроля. Теоретическое обоснование инструментальной функции права и механизмов социального контроля предложил Т. Парсонс. Ученый пишет, что в «высокодифференцированных современных обществах правовая система выполняет функцию обобщенного механизма социального контроля», поскольку оно сдерживает девиантное поведение индивидов посредством субъективного признания его значимости [2, с. 145].

Итак, структурно-функциональный подход, лежащий в основе инструментальной интерпретации понятия «социальный контроль поведения индивидов и групп с 60-х по 70-е годы XX века», предполагает его изучение как социального механизма, направленного на сдерживание девиантного поведения. Соответственно, право выполняет основную инструментальную функцию регулирования социального поведения людей. Внимание исследователей в рамках этого подхода направлено на сдерживание девиантного поведения посредством повышения строгости и длительности наказания рациональными и универсальными нормами правовой системы.

С конца 70-х годов XX века структурно-функциональный подход к социальному контролю поведения индивидов и групп начал развиваться в рамках конструктивистского направления его изучения. В это время исследовательский интерес смещается с рассмотрения механизмов социального контроля к ус-

ловиям его осуществления, что было вызвано критикой структурно-функциональной теории о стабильном развитии общества и нормативном консенсусе. Сторонники конструктивизма пытались определить причины поведения индивидов и групп через выявление форм и средств, используемых контролирующими институтами – семьей, друзьями, общественными организациями, а также институтами суда и психиатрической службой.

В 80–90-е годы XX века Д. Блэк предпринимает попытку создать единую теорию социального контроля, интерпретируя его «совокупность правомерных и неправомерных действий и способов реагирования на девиантное поведение» [3, с. 167]. Носителями девиантного поведения становятся не только преступники, но и безработные, этнические меньшинства, нищие, что ведет к расширению контролирурующих органов. Формальные государственные структуры начинают рассматриваться с позиций отстаивания интересов правящей элиты, допускающей криминализацию поведения представителей власти, поскольку они устанавливают рамки нормативного поведения и являются субъектами применения правовых санкций как средств контроля к девиантам [13; 14].

Итак, критика структурно-функционального подхода к социальному контролю поведения индивидов в 80–90-е годы XX века представителями конструктивизма внутренне противоречива. С одной стороны, они поставили под сомнение основной тезис структурно-функциональной теории об интегрирующей роли права в современном обществе. Вместо этого тезиса они констатировали конфликтующие интересы государственной элиты и общества, которые ведут к расширению институтов социального контроля и правящей бюрократии. В результате в рамках конструктивизма возник ревизионистский подход, сторонники которого – М. Фуко и его последователи – рассматривали социальный контроль поведения людей с позиций применения к нему государственными органами власти скрытых санкций для сохранения политической власти. С другой стороны, представители конструктивизма не смогли предложить новое антинормативное содержание понятия социального контроля, сохранив приверженность к структурно-функциональному подходу, дополнив его фактор-

ным анализом. Сторонники ревизионизма настолько расширили содержательные границы понятия социального контроля, что лишили его аналитической строгости.

В настоящее время ученые развивают основные положения конструктивистского подхода, например, теории двойной структуризации, где понятие социального контроля поведения индивидов и групп сохраняет свое нормативное содержание. Э. Гидденс отмечает, что элементами социального контроля являются правила и нормы, выполняющие регулятивную функцию. Однако это не однонаправленный процесс, который способен осуществлять регулирование только «сверху». Индивиды и группы также могут влиять «снизу» на изменения содержания норм и правил. Подобной позиции придерживались Э. Асп, Д. Маркович. Современные зарубежные авторы наряду с государственным, административным контролем выделяют общественный, гражданский контроль. Они исследуют его на различных уровнях: контроль, связанный с общественной жизнью и участием в управлении территорией (городом, районом); контроль деятельности институтов, включая вооруженные силы [4]. Ключевым понятием, характеризующим общественный контроль, становится гражданское участие как активность граждан в принятии управленческих решений.

Инструменталистский подход с использованием системного анализа и сохранением нормативного содержания понятия социального контроля получает развитие в рамках теории неоинституционализма Д. Норта, где социальный контроль поведения индивидов и групп интерпретируется как социальный механизм, обеспечивающий подчинение «формальным писанным правилам и обычно неписанным кодексам поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их» [5, с. 19]. Социальный контроль как способ, гарантирующий эффективность соблюдения норм, зависит от суровости наказания.

В настоящее время неоинституциональный подход к социальному контролю поведения индивидов и групп доминирует среди российских ученых, поскольку имеет устойчивую исследовательскую традицию: в начале 70-х годов XX века С. В. Боботов, К. Е. Игошев, А. М. Яковлев предприняли попытку осуществить системный анализ процессов, средств, форм, этапов

социального контроля в рамках институциональной теории. Так, активное освоение и творческая адаптация зарубежных концепций неоинституционализма, синтез разнообразных подходов и конструирование на их основе новых методологических схем анализа позволили ученым к концу XX – началу XXI века разработать в российской науке новый подход к контролю как социальному механизму.

Согласно Т. И. Заславской, социальный контроль поведения индивидов и групп является социальным механизмом, выполняющим посреднически-регламентирующую функцию между нормами, или «правилами игры», и поведением людей, или «игроков». Свобода выбора поведения может осуществляться только в рамках институциональных условий, поэтому обратное воздействие поведения на систему норм предполагает, скорее, нарушение или обход формальных и культурных норм [9]. Соответственно, два вида контроля – правовой и общественный оптимально функционируют в стабильных условиях развития общества. В ситуации трансформации социетальной системы, или аномии, эти виды контроля нуждаются в дополнении.

Современные представители неоинституционального подхода к изучению социального контроля поведения индивидов и групп (М. Позднякова, Л. Рыбакова, Т. Хугаров) продолжают его исследование как социального механизма, функционирование которого определяется формальными и культурными нормами. Ученые допускают влияние социального контроля на нормы в качестве ответной реакции, требующей их корректировки в рамках заданной социетальной системы координат. Соответственно, по аналогии с нормами исследователи выделяют два вида контроля – правовой и общественный, что подчеркивает его производность и «обслуживающую» функцию. Подобный подход предписывает социальному контролю выполнение посреднически-регламентирующей функции между нормами и поведением социальных акторов. Однако свобода выбора их поведения ограничена институциональными условиями, что практически исключает возможности воздействия поведения на систему норм и предполагает нарушение формальных и культурных норм. Подобный объяснительный арсенал переста-

ет быть востребованным в условиях социальных трансформаций, или социальной аномии, несмотря на то, что стабильные условия развития предполагают неправовые и неформальные (силовые, криминальные, теневые) способы регулирования отношений и соответствующие им механизмы контроля.

Другой устойчивой традицией рассмотрения социального контроля поведения индивидов и групп является его исследование российскими учеными с позиций структурно-функционального подхода. Так, Я. И. Гишинский интерпретирует социальный контроль как «всю совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (негативно отклоняющиеся) формы поведения с целью их элиминирования или минимизации». В качестве форм контроля он выделяет «внешний, осуществляемый извне, различными социальными институтами... с помощью санкций – позитивных (поощрения) и негативных (наказание), и внутренний, основанный на интернализированных (усвоенных, воспринятых как свои собственные) ценностях и нормах и выражаемый понятиями “честь”, “совесть”, “достоинство”, “порядочность”, “стыд”» [6, с. 34–35]. Разделяя позицию Я. И. Гишинского, Ю. Ю. Комлев исследует такие виды контроля, как формальный и неформальный, дополняя их информационным, а также стили, которым соответствуют определенные санкции.

Таким образом, осваивая инструменталистский подход, разрабатываемый за рубежом, российские ученые рассматривают социальный контроль поведения индивидов и групп с позиций саморегуляции общества, что способствует поддержанию нормативного порядка и минимизации девиантного поведения. Однако развитие этого подхода связано с поиском новых средств и методов воздействия общества на девиантные формы поведения, которые вызваны социально-экономическими, политическими и культурными изменениями, а структурно-функциональная теория ориентирована на изучение стабильно развивающегося общества.

Конструктивистский подход к изучению социального контроля поведения индивидов и групп реализуется с помощью системного подхода, поскольку рассматривается как целенаправленное управленческое воздействие субъекта контроля на объект с целью формирова-

ния у последнего желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров» [7, с. 13]. В настоящее время в рамках этого подхода развивается ревизионистское направление, согласно которому поиск способов повышения эффективности управления органами власти подменяется увеличением манипулятивных средств и приемов контроля. В результате социальный контроль, призванный сдерживать проявление социальных отклонений в обществе, побуждая индивида соблюдать нормы, сам порождает социальные отклонения посредством манипуляции социальными стандартами [10]. По мнению И. А. Грошевой и В. А. Костина, средством сдерживания административного контроля является гражданский контроль, субъекты которого осуществляют наблюдение за действиями органов государственной, муниципальной власти и иных организаций с целью «общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [8]. С. Г. Кирдина особое внимание уделяет гражданскому участию в современном российском обществе.

Таким образом, обзор научной литературы свидетельствует о необходимости концептуализации представлений о социальном контроле поведения индивидов и групп и реконструкции на этой основе их особенностей в российском обществе. Поиск адекватных социальному поведению форм контроля в России сводится к исследованию учеными альтернативных форм контроля – административному и гражданскому.

Административная форма контроля, реализуемая через институционализацию правовых норм и надзор за их исполнением, и выполняет, по мнению ученых, управленческую функцию, которая основана на принуждении. Субъектами административной формы контроля являются политические элиты, но непосредственно он осуществляется агентами, которым субъекты делегируют свои полномочия.

Исследователи в качестве альтернативы административному контролю предлагают изучать гражданский контроль, субъектами которого являются граждане и общественные организации, влияющие на государственные институты. Способом этого влияния может быть прямое волеизъявление граждан в виде

выборов, референдумов, гражданское участие, включающее мониторинг, экспертизу документов. В этом случае гражданский контроль выступает средством давления общественных организаций на государственные и экономические структуры. Другой способ влияния субъектов гражданского контроля на государственные институты – это изменение общественностью культурных ориентаций и норм в обществе. В результате привлечения своих сторонников гражданская общественность способна формировать свою идентичность и изменять властные отношения, ее обуславливающие.

В российском обществе преобладала административная форма контроля. Однако формирование гражданской общественности и ее

действия в России свидетельствуют о наличии новой формы контроля – коммуникативной, механизмом которой могут выступать согласие и соучастие, когда общественность признает формальные нормы и совместно с государственными органами власти вырабатывает новые. Данная форма контроля характерна для социальных условий, когда формальные нормы не соответствуют социальным практикам и не совпадают или даже противоречат неформальным нормам. Выявление особенностей коммуникативной формы контроля, характерной для современной России, предполагает ее дальнейшее исследование и разработку индикаторов, которые позволят осуществить эмпирические исследования.

Литература

1. LaPier R.T. A Theory of Social Control. 1994. N.Y.M.E. Sharpe.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М., 1998.
3. Blak D. The Behavior of law. N. Y., 1976.
4. Oxford dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/civic>
5. Vamos A., Szekely S. Civic Control–One Million for a Democratic Society: A call for democracy! / Hungarian Spectrum, reflections on politics, economics, and culture. 25.08.2011. URL: <http://hungarianspectrum.wordpress.com/2011/08/25/civic-control-one-million-for-a-democratic-society-a-call-for-democ>.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
7. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб., 2004.
8. Кузнецова Е. М. Социальный контроль: сущность и методы реализации. Берлин, 2012.
9. Грошева И. А., Костин В. А. Гражданский контроль в современной России как предмет социологического исследования. 2014. Вып. 29. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/authors/2415/> (дата обращения 05.07.2017).
10. Культурология в вопросах и ответах / под ред. проф. Г. В. Драча. М., 1999.
11. Лубский А. В., Лубский Р. А. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа.

Bibliography

1. LaPier R.T. A Theory of Social Control. 1994. N.Y.M.E. Sharpe.
2. Parsons T. The System of Modern Societies / translation from English by L. A. Sedova, A. D. Kovaleva; under the editorship of M. S. Kovaleva. Moscow, 1998.
3. Blak D. The Behavior of Law. New York, 1976.
4. Oxford dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/civic>
5. Vamos A., Szekely S. Civic Control–One Million for a Democratic Society: A call for democracy! / Hungarian Spectrum, reflections on politics, economics, and culture. 08/25/2011. URL: <http://hungarianspectrum.wordpress.com/2011/08/25/civic-control-one-million-for-a-democratic-society-a-call-for-democ>.
6. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow, 1997.
7. Gilinskii E. I. Deviantology: sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other deviations. St. Petersburg, 2004.
8. Kuznetsova E. M. Social control: the essence and methods of implementation. Berlin, 2012.
9. Grosheva I. A., Kostin V. A. Civil control in modern Russia as a subject of sociological research. 2014. Vol. 29. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/authors/2415/>
10. Cultural studies questions and answers / edited by professor G. V. Drach. Moscow, 1999.
11. Lubsky A. V., Lubsky R. A. People in Russia and in the West: the concepts of discursive thinking // Scientific thought of Caucasus. North-Caucasus scientific center of high school SFEDU. 2012. № 4 (72).

Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ. 2012. № 4 (72).

12. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.

13. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.

14. Лубский Р. А. Государственность в России: проблемы изучения в контексте методологии системного исследования // Философия права. 2011. № 4 (47).

15. Лубский Р. А. Патернализм как предмет научного дискурса // Философия права. 2012. № 5 (54).

12. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian realities: dis. ... PhD in philosophy. Rostov-on-Don, 1999.

13. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian reality: abstract of dis. ... PhD in philosophy. Rostov-on-Don, 1999.

14. Lubsky R. A. Statehood in Russia: problems of study in the context of methodology of system research // Philosophy of law. 2011. № 4 (47).

15. Lubsky R. A. Paternalism as a subject of scientific discourse // Philosophy of law. 2012. № 5 (54).

Костюченко Николай Иванович
Kostiychenko Nikolai Ivanovich

профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, доцент.

Associate, Professor, Department of Tactical-Special and Firearms Training, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: nikiv1948@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ
СИСТЕМАМИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ
УПРАВЛЕНИЯ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. ФАЙОЛЯ)
(СТОЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ РАБОТЫ А. ФАЙОЛЯ
«ОБЩЕЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» ПОСВЯЩАЕТСЯ)**

**Problems of the theory and practice of social systems management
(the historical aspect of the management science formation
and the scientific and practical heritage of A. Fayol) (to the centenary
of A. Fayol's work «general and industrial management» dedicated)**

В статье рассматриваются проблемы теории и практики управления социальными системами, связанные с историческим аспектом формирования науки на примере наследия А. Файоля. Автор исследует причины возникновения этих проблем как результат формального применения конкретно-исторического подхода, недостаточно эффективного использования системно-функционального и философского подходов, предлагает пути их преодоления.

Ключевые слова: управление, организация, функция, социальная система, элементы и структура социальной системы.

In the article the problems of the theory and practice of management of social systems associated with the historical aspect of the formation of science on the example of the heritage of A. Fayol. The author investigates the reasons of occurrence these problems as a result of formal application of the concrete historical approach is not enough effective use of systemic-functional and philosophical approaches, and offers ways to overcome them.

Keywords: management, organization, function, social system, elements and structure of the social system.

Наука социального и государственного управления по сравнению с другими науками (философией, физикой, математикой) появилась относительно недавно – немногим более столетия назад. За это время произошло формирование основ теории управления и практики применения научных результатов. Однако можно констатировать, что в настоящее время в теории и практике управления существует комплекс проблем и противоречий, которые существенным образом снижают эффективность научных разработок и практической деятельности субъектов управления.

Например, осталась нерешенной проблема создания и оптимизации функциональных структур государственных и негосударственных органов. Не нашли разрешения и противоречия относительно терминологии науки

управления, основных элементов социальных систем и их подсистем управления (функций, структуры, методов, управленческих связей и др.). Указанные, а также множество других проблем в сфере управления привели к разрыву теории и практики управления. В силу этого субъекты управления вынуждены «идти» эмпирическим путем, опираясь на собственный опыт, а не на результаты научной деятельности.

Такая ситуация обусловлена многими причинами, которые раскрыты в ряде наших работ [2; 3; 4; 5; 12]. Одной из основных в их ряду является причина, связанная с историей становления науки управления, которой посвящена данная статья.

Сто лет назад вышла в свет работа А. Файоля «Общее и промышленное управление». По

словам современников, она привлекла повышенное внимание практиков управления промышленными предприятиями и теоретиков зарождавшейся науки управления разных стран. В 1923 году перевод этой работы был опубликован в России. Однако оценка данного научного труда учеными и практиками оказалась неоднозначной.

Так, в предисловии к российскому изданию А. Гастев, с одной стороны, отметил: «Книга Файоля, до ее появления в свет на русском языке, вызвала оживленные толки и дискуссии. Многие называли ее совершенно новым открытием в области науки об управлении. Это событие, в области административной мысли заполняет огромный пробел, – событие, нужное для России». С другой стороны, он, сравнивая воззрения Файоля с научными представлениями Эмерсона, Форда и Тейлора, в заключении этого же предисловия констатировал: «Как научная величина, как человек, который бы двигал вперед самую проблему администрирования, который бы дал новые формы административной техники, с этой точки зрения Файоль не представляет ничего оригинального и интересного» [1, с. 3–7].

Такая неоднозначность восприятия работы «Общее и промышленное управление» имела место со стороны многих ученых того времени, что, безусловно, сказалось на восприятии научных взглядов А. Файоля теоретиками и практиками управления.

С течением времени относительно предложенных А. Файолем теоретических взглядов на управление сформировалось устойчивое научное мнение как о «формальном администрировании» с использованием «военно-командных методов», применение которых в практике управления не позволит достичь желаемых результатов. Как следствие, идеи А. Файоля не получили должного развития, а его работа с момента выхода в свет (в 1923 году) ни разу не переиздавалась в России.

Со временем стало формироваться мнение о том, что «администрирование» является простым формализованным воздействием на человека, пройденным этапом в науке, а административная школа управления А. Файоля была предана забвению. Сегодня ссылки на труды Файоля в научных работах содержат только упоминания о «группах операций» или «существенных функциях» и «административ-

ной группе операций», которые он определил как «операции управления», а также о том, что автор впервые ввел в теорию управления понятие «функция».

Анализируя работу А. Файоля с точки зрения диалектики, науки управления сегодняшнего дня и теории систем, возникшей спустя 50 лет после опубликования, можно утверждать, что его идеи были не только новым словом в науке управления, но и намного опередили свое время и потому не до конца поняты практиками управления того времени. Этому способствовало и то обстоятельство, что, «шагнув» далеко вперед в условиях только формирующихся научных представлений о науке управления, исследователь не смог исчерпывающе и доступно обосновать свои теоретические выводы. Абсолютно новый взгляд Файоля на теорию и практику управления не соотнобразовывался с общепринятым. Все его послышки в большей степени относились к фундаментальным исследованиям, хотя формировались эмпирически на основе многолетней и успешной практики управления горнорудной промышленностью.

В то же время большинство научных исследований того времени (Ф. У. Тейлора, Форда, Эмерсона и др.) опиралось на практику управления и носило прикладной характер, направленный на обеспечение потребностей промышленной революции.

С точки зрения теории социальных систем все упомянутые исследования были посвящены разным их видам и отсюда изначально отличались целями и задачами, которые производны от вида и подсистемных уровней социальной системы.

Иными словами, Ф. У. Тейлор [6] в основу исследования «Научная организация труда» положил практику управления «нижними», подсистемными уровнями промышленных предприятий – «цехами и участками» системы производства. По этой причине его исследования носили ярко выраженный прикладной характер.

В отличие от Ф. У. Тейлора, А. Файоль, говоря современной терминологией, предпринял попытку «охватить» всю *систему управления горнорудной промышленностью* и ее подсистемных образований. Это обусловило общетеоретический характер исследования, но, к сожалению, при существовавшем в то

время уровне науки управления данные исследования не могли быть достаточно обоснованными. По этой причине научные изыскания Тейлора в сфере производства (заводы, фабрики и другие предприятия) были более востребованными, чем общетеоретические исследования узкой сферы горнорудной промышленности, проведенные А. Файолем, которые не могли быть восприняты учеными и практиками того времени. В результате научный прорыв Файоля оказался невостребованным.

В связи с этим мы полагаем, что труд А. Файоля необходимо рассматривать как первую и в тот период, успешную попытку формирования основ «Общей теории управления социальными системами», включая и основы научной организации труда, о которой вел речь Ф. У. Тейлор. При этом необходимо учитывать, что с позиций уровня зарождавшейся науки управления Анри Файоль не смог обосновать и донести до ученых и практиков свои идеи, сформированные на эмпирически полученных результатах управления горнорудной промышленностью как *видом социальной системы*.

Таким образом, идеи А. Файоля не были восприняты его современниками, а впоследствии и вообще оказались преданы забвению. Однако результаты анализа теории и практики управления позволяют утверждать существование комплекса проблем, которые с позиций сегодняшнего дня можно было бы устранить, основываясь на развитии и реализации многих научных тезисов исследователя.

Так, А. Файоль ввел понятие «функция», и спустя много лет на основе системного подхода функции управления, их существенная роль и место в системе управления были отмечены многими учеными: Ю. П. Алексеевым, А. Н. Алисовым, Ю. Н. Барышниковым, И. Л. Бачило, Н. И. Глазуновой, В. И. Кноррингом, С. Н. Князевым, А. П. Панкрухиным и др. Однако, отмечая их значение для управления, они ограничивали набор функций.

В последнее время понятие функции не встречается в научных исследованиях. Так, более чем в 50 работах, посвященных управлению (Н. А. Калигина, О. Б. Гаевской, Е. П. Голубкова, Ю. М. Горского и др.), данное понятие практически не рассматривалось. Например, в учебном пособии Л. А. Бурганова «Теория управления» [8] вообще не упоминается функция как элемент системы

управления. Такой подход к функции как основополагающему элементу социальных систем недопустим с точки зрения определения свойства латентности функций [5].

Проблема неоднозначности взглядов на явление функции в социальных системах неоднократно отмечалась многими учеными. В частности, И. Л. Бачило еще в 1976 году обратила внимание на то, что «учение о функциях управления остается недостаточно разработанным участком теории и практики управления» [9, с. 26]. Спустя 27 лет к проблеме функций с точки зрения системы государственного управления обратилась Н. И. Глазунова, которая отметила, что «проблема оптимального функционально-структурного построения государственного управления ждет своего исследователя (в общетеоретическом плане в конкретной сфере деятельности), может составить цель научного поиска исследователя и привести к результату общественной значимости» [11, с. 43]. Как видно, проблема определения функций в теории управления, озвученная А. Файолем, так и осталась неразработанной. Более того, отсутствие даже попыток решения этой проблемы и «устранение» понятия функций из теории управления привело к серьезным противоречиям в теории и практике управления.

Так, В. П. Сальников, В. Е. Аврутин, А. И. Александров констатировали общепринятое мнение ученых о том, что «в управлении любой организацией место, отведенное функциям, принято обозначать через взаимную обусловленность основных категорий социального управления: цель – задача – функция – структура» [11, с. 57–58].

В то же время, как отмечалось выше, имеет место подход, исключающий понятие функции из теории управления или ограничивающих их состав в социальных системах. Отсюда возникает вопрос о том, каким образом при отсутствии функций как элементов системы можно создавать структуры систем. Результатом таких научных противоречий относительно функций социальных систем является непрекращающееся реформирование государственных органов и органов внутренних дел, не приносящее ожидаемых результатов.

С учетом вышесказанного целесообразно возвратиться к анализу работы А. Файоля в контексте научных достижений в области теории социальных систем.

Рассматривая группы операций (функций), Файоль на эмпирической основе фактически создал прообраз функциональной структуры горнорудной промышленности [1, с. 9–10]. Однако в силу отсутствия научных положений теории социальных систем Файоль не смог определить ее как структуру системы горнорудной промышленности. Вместе с тем на основе этого прообраза на конкретных примерах фабрики и рудника (разные производственные системы) он раскрыл понятие социально-го организма данных предприятий.

Другими словами, с точки зрения теории систем можно утверждать, что А. Файоль эмпирически описал функциональную структуру органов (системных подразделений) и показал, что в своей основе они могут быть идентичны или иметь различия и довольно существенные, «что объясняется тождественностью или различием функций» [1, с. 65–67]. При этом исследователь отмечал, что «органами социального организма являются органы, выполняющие шесть существенных функций» [1, с. 69]. Используя терминологию, принятую в теории управления сегодняшнего дня, можно констатировать, что А. Файоль вел речь о структурно-функциональных подразделениях социальной системы.

Таким образом, А. Файоль установил, что любой «орган социального организма» произведен от функции, и предопределил обоснование детерминации элементов социальных систем. Однако этот непонятый тезис в силу недостаточного его обоснования был «забыт». В связи с этим можно говорить о том, что основной причиной существования описанных научных противоречий является «пренебрежение» к историческому аспекту исследования теории управления.

По мере развития теории управления и сопутствующих ей наук данный аспект должен учитываться учеными в части возврата к общенаучным положениям, поскольку «невосприимчивость к идеям классиков может обернуться неподготовленностью к осмысленному восприятию современной теории» [13].

Развивая эту идею применительно к детерминации элементов социальных систем можно утверждать, что устранение из теории управления одного из основополагающих элементов социальных систем – функции – приводит к возникновению еще одной проблемы – отсут-

ствия в системе государства таких структурных элементов, как органы управления.

Обращаясь к истории можно видеть, что в шести группах операций (функций) А. Файоль ввел функцию администрирования. Данный термин в переводе с французского может толковаться и как управление, что, вероятно и он подразумевал.

А. Файоль, раскрывая вспомогательные функции, отнесенные им к группе администрирования, отмечал: «Предвидение, организация, координирование и контроль составляют в обычном понимании бесспорную область управления» [1, с. 11]. «Управление – это функция, разделяемая между головой и членами социального тела (то есть социальной системы. – Прим. авт.) подобно другим существенным функциям» [1, с. 12]. Таким образом, автор скорее вел речь не об административной функции, а о функции управления.

В связи с этим относительно функции «управления» в соответствии с детерминацией элементов социальных систем возникает вопрос о том, каким структурным подразделением в государственных органах реализуется указанная функция. В современной науке данный вопрос, к сожалению, не рассматривается [12], а в работе А. Файоля можно найти косвенную попытку ответа, который описан на эмпирической основе и напрямую не связывается с функциями.

Сравнивая структуры фабрики и рудника, Файоль в структуру дирекции включает «директора» и «главный штаб» [1, с. 66, 67, 70]. «Главный штаб» в данном случае является результатом эмпирической (латентной) реализации функции управления. Этот термин, по-видимому, был частично заимствован из армейской терминологии и единственной в мире социальной системы, в которой функция управления реализуется специальным структурным подразделением (штабом, генеральным штабом), занимающимся только вопросами управления. Именно по причине эмпирической (латентной) реализации функции управления, а не функциональной полномочия штаба не в полной мере определялись функцией администрирования.

Проблему исследования реализации функций социальных систем с учетом исторического аспекта мы можем рассмотреть еще на одном примере необоснованного забвения научных взглядов А. Файоля.

Как известно, в основах теории национальной безопасности до сих пор не сформировано единое мнение относительно определения понятия безопасности, рассматриваемого как состояние системы, что не соответствует его определению как системного элемента, которым согласно логике и теории систем он должен являться.

Решение этого вопроса мы также можем получить, обратившись к работе А. Файоля с позиций диалектики и теории систем. В числе выделенных автором групп операций (функций) была названа и страховая операция, содержание которой он определил как «функцию, призванную охранять от всяких препятствий, могущих нанести ущерб ходу и даже жизни предприятия, обеспечивающую предприятию безопасность, а персоналу – необходимое ему душевное спокойствие» [1, с. 11]. Другими словами, безопасность должна была обеспечивать страховая функция, при трактовке перевода которой («*fonction de securite*») логичнее было бы применить вместо термина «страховая функция» категорию «функция безопасности» [1, с. 8].

Подводя итог рассмотрению проблем теории и практики управления социальными системами, связанных с историческим аспектом формирования науки управления и научно-практическим наследием А. Файоля, можно утверждать, что:

– в формировании теоретических основ управления исследование исторических аспектов играет существенную роль для науки сегодняшнего дня;

– научные работы А. Файоля в сфере теории управления опередили свое время и по-прежнему остаются актуальными;

– явление управления в социальных системах должно рассматриваться как элемент, функция социальных систем и реализовываться соответствующим структурным подразделением в той или иной социальной системе;

– явление «безопасность» также должно определяться как общая функция государственной системы и реализовываться соответствующими структурными подразделениями в системе государства и ее подсистемах.

Литература

1. Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1923.
2. Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: монография. Краснодар, 2016.
3. Костюченко Н. И. Многозначность определения понятия «управление» в теории управления и административного права и проблемы управления социальными системами (на примере органов внутренних дел) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33).
4. Проблемы классификации функций социальных систем с точки зрения построения и реформирования структуры организации // Научный вестник Луганск. ун-та внутренних дел им. Дидоренка. Спец. выпуск. 2013. № 3.
5. Костюченко Н. И. Свойство латентности функций как причина существующих расхождений в формировании понятия функций управления // Науч. вестн. Днепропетровск. гос. ун-та внутренних дел. 2012. № 3 (62).
6. Тейлор Ф. У. Научная организация труда. М., 1925.

Bibliography

1. Fayol A. General and industrial management. Moscow, 1923.
2. Kostyuchenko N. I. Classification of the functions of social systems: theoretical and legal basis: monograph. Krasnodar, 2016.
3. Kostyuchenko N. I. The ambiguity of the definition of the concept of «management» in the theory of management and administrative law and the problem of management of social systems (on the example of internal affairs) // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (33).
4. Problems of classification of functions of social systems in terms of building and reforming the structure of the organization // Scientific Bulletin of Lugansk University of the Interior named after Didorenka. Special issue. 2013. № 3.
5. Kostyuchenko N. I. The property of the latency of functions as the cause of existing discrepancies in the formation of the concept of control functions // Scientific Bulletin of Dnepropetrovsk state University of Internal Affairs. 2012. № 3 (62).
6. Taylor F. U. Scientific organization of labor. Moscow, 1925.

7. Глазунова Н. И. Государственное управление: учеб. для вузов. М., 2004.

8. Бурганова Л. А. Теория управления: учеб. пособие. URL: <http://www.infra-m.ru>.

9. Бачило И. Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976.

10. Глазунова Н. И. Система государственного управления. М., 2003.

11. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. В. П. Сальникова. М., 2002.

12. Костюченко Н. И. Неоднозначность соотношения понятий «организация» и «управление» как причина проблем теории и практики управления // Краснодар. университет МВД России. Общество и право. 2017. № 2 (60).

13. Мифы о системе научного менеджмента Ф. У. Тейлора // Проблемы теории и практики управления. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16692699/>

7. Glazunova N. I. Public Administration: textbook for universities. Moscow, 2004.

8. Burganova L. A. Theory of management: a tutorial. URL: <http://www.infra-m.ru>.

9. Bachilo I. L. Functions of management bodies (legal problems of design and implementation). Moscow, 1976.

10. Glazunova N. I. The system of public administration. Moscow, 2003.

11. Fundamentals of management in internal affairs: textbook / ed. by V. P. Salnikov. Moscow, 2002.

12. Kostyuchenko N. I. Ambiguity of the relationship between the concepts of «organization» and «management» as a cause of problems in management theory and practice // Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Society and law. 2017. № 2 (60).

13. Myths about FU Taylor's system of scientific management// Problems of Management Theory and Practice. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16692699/>

Ким Вадим Олегович
Kym Vadim Olegovich

старший преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России.
Senior Lecturer, Department of Physical Training, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation.
Тел.: 8 (918) 596-26-60.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Problems of national security at the present stage of development of society

В настоящей статье описываются основные угрозы национальной безопасности, возникающие перед всем мировым сообществом, а также факторы, влияющие на состояние национальной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность, проблемы национальной безопасности в России, ОВД в обеспечении национальной безопасности.

This article describes the main threats to national security that arise before the entire world community, as well as factors affecting the state of Russia's national security.

Keywords: national security, problems of national security in Russia, internal affairs in ensuring national security.

В процессе развития цивилизации перед человечеством встают сложные, подчас неразрешимые проблемы мирового масштаба, которые в полной мере проявились во второй половине прошлого века, но особенно остро они актуализировались именно в наши дни. В данной статье рассмотрим лишь на некоторых из них.

Итак, рассмотрим проблему экономических отношений «Север – Юг» [6, с. 11–19]. Ее основной посыл, на наш взгляд, заключается в том, что для преодоления пропасти между уровнями экономики и социального развития данных государств развивающиеся требуют от развитых стран различных уступок, в том числе доступе товаров, производимых в развивающихся государствах на рынки развитых стран, инвестиции в их производства, а также списание долгов и предоставление льготных кредитов.

Актуальна сегодня и проблема бедности, под которой понимается невозможность обеспечивать необходимые для комфортного проживания людей условия. Гигантские масштабы бедности, особенно в слаборазвитых странах, угрожают не только национальному, но и мировому стабильному существованию.

Продовольственная проблема связана с неспособностью некоторых стран в полной

мере обеспечить себя жизненно необходимыми продуктами питания. Ни для кого не секрет, что ее решение зависит не только от научно-технического прогресса, но и рационального использования полезных ископаемых и поддержки со стороны государства. В последнее время актуальна так называемая энергетическая проблема, основной причиной которой можно считать ускоренные темпы потребления топлива.

Можно отметить, что Российской Федерации эта проблема коснулась в меньшей степени, нежели остальные страны мира. Причиной является то, что россияне научились рационально использовать энергию. Так, по данным International Energy Agency. IEA Statistics (Международное энергетическое агентство), Россия находится на 28 месте по потреблению электроэнергии на душу населения с показателем 6430.623 Квт/ч. Первое место занимает Исландия. Ее показатель составил 51439.909 Квт/ч. Данный факт может свидетельствовать о том, что сознание наших соотечественников существенно возросло. На фоне появления новых угроз национальной безопасности были существенно пересмотрены и скорректированы способы противодействия им [1, с. 82].

Не только Россия, но и все мировое сообщество обеспокоено появлением новых уг-

роз, таких как создание «Исламского государства»* и проникновение его группировок, как раковых метастаз, во все страны; объединение террористических группировок на базе ИГИЛ и активизация их действий в Сирии, а также миграционные процессы на территории европейских государств, включая Германию, Францию, Австрию и другие, грозящих перерасти в массовые беспорядки. Российская Федерация – неотъемлемая часть мирового сообщества. Она испытывает воздействие со стороны других стран, но и оказывает свое влияние на них. Внешнее воздействие сопровождается как положительными, так и отрицательными результатами.

Нельзя не отметить еще одну важнейшую проблему мирового сообщества – возрастающую миграцию населения. Мигранты из Африки стремятся в Европу в надежде спастись от голода, нищеты, бесправия, засилья террористических структур. Миграция – это сложное многоаспектное явление, оказывающее радикальное давление на жизнь мирового сообщества. При этом, как показывает мировая история, миграция населения способна стереть с лица Земли целые народы и государства, обратить регионы в зону варварства и вандализма.

Для России проблема борьбы с «Исламским государством» имеет особое значение. Не секрет, что среди боевиков встречаются выходцы из нашей страны. В сентябре 2014 года террористы ИГИЛ в социальных сетях на русском языке угрожали дестабилизацией обстановки на Северном Кавказе.

Основными этапами конфронтации на территории России в современных условиях могут быть: стимулирование сепаратистских вооруженных действий с доведением их до тотального хаоса и распада страны; раскол элиты и общества, ценностной системы или системы смыслов как финальная стадия направленного кризиса; одновременная активизация различных форм и моделей информационной войны, массовых панических настроений, полная деморализация ключевых институтов государственности [7].

Какова же роль и место органов внутренних дел Российской Федерации и Национальной гвардии в обеспечении обществен-

ной безопасности в создавшейся ситуации? Полагаем, что каждый из видов названных угроз требует от указанных органов порядка эффективного, дифференцированного и специального реагирования, что вызывает необходимость глубокого анализа и оценки их действий в указанных условиях. Следует также обратить внимание на готовность сил и средств к действиям в условиях резко меняющейся обстановки. Появление новых задач и функций, безусловно, потребует изменения и уточнения правового регулирования действий органов внутренних дел и войск Национальной гвардии Российской Федерации [10, с. 37–39].

Существенное значение также будет иметь и обеспечение тесного взаимодействия органов местного самоуправления и полиции.

Решение возникших проблем национальной безопасности, несомненно, невозможно без применения специализированных мер, которые призваны обеспечить устранение угроз. В качестве основной меры предлагаем использование комплексного, системного подхода. Любая система представляет собой совокупность взаимосвязанных для достижения поставленной цели структурных и функциональных компонентов. В основу этого положено соотношение целого и части, причем в качестве целого выступает сама система национальной безопасности, а к частным элементам следует отнести национальные интересы, угрозы национальной безопасности и систему обеспечения национальной безопасности. В. Л. Райгородский справедливо подчеркивает, что эти элементы представляют собой относительно независимые, саморазвивающиеся системы, образующие «ось» всей системы национальной безопасности.

Соответственно, системный подход к проблемам национальной безопасности предполагает исследование ее составных элементов, объединенных в единый, целостный механизм. В своих работах, посвященных системе национальной безопасности, И. Б. Кардашова определяет механизм ее обеспечения как систему, позволяющую преобразовать принятую государством стратегию в области обеспечения национальной безопасности в скоординированную деятельность органов государственной

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

власти, общественных объединений и граждан на основе законодательства.

Система национальной безопасности базируется на Конституции РФ, федеральных законах, правовых актах Президента РФ и Правительства РФ, определяющих основу, приоритеты, механизм реализации национальной безопасности, а также векторы ее обеспечения и развития.

Система национальной безопасности государства является статичной институциональной, существует в идеальном состоянии, а система обеспечения национальной безопасности – это динамичная функциональная система, которая постоянно работает в режиме реального времени по отражению внешних и внутренних угроз, минимизируя ущерб от них и обеспечивая государству успешную реализацию его интересов и целей.

Национальные интересы характеризуются как объективно значимые потребности личности, общества, государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. Содержание национальных интересов формируется на базе национальных ценностей, имеющих более стабильный характер под влиянием долгосрочных тенденций общественного развития. Выработанная система ценностей в обществе имеет вид совокупности определенных правовых норм, с помощью которых регулируются общественные отношения, обеспечивается национальная безопасность.

Наряду с национальными интересами, важнейшим системообразующим фактором формирования и функционирования системы обеспечения национальной безопасности являются угрозы национальной безопасности, представляющие собой совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам. Они многоплановы по своему содержанию, по относимости к различным областям общественной жизни, по характеру наносимого ущерба объектам безопасности России, имеют различные источники, механизм воздействия на эти объекты, что предполагает необходимость формирования различных по характеру задач и направлений обеспечения национальной безопасности, а также соответствующих подсистем в системе обеспечения безопасности [5, с. 77–80].

В Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности» система обеспечения национальной безопасности определяется как «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов».

Функционирование системы национальной безопасности зависит от правильного определения ее субъекта и объекта. Несомненно, субъективная составляющая системы обеспечения национальной безопасности должна быть четко установлена, поскольку только точная и слаженная работа всех органов позволит достичь основополагающей цели – обеспечения национальной безопасности Российского государства. Указанная стратегия называет в качестве основных субъектов обеспечения федеральные органы исполнительной власти, другие государственные органы, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и институты гражданского общества. Объектом же выступает личность, общество и государство, находящиеся в тесном взаимодействии. Для каждого из них можно выделить конкретный предмет, удовлетворенность в использовании которого будет выступать показателем уровня национальной безопасности.

Субъект обеспечения национальной безопасности и объект взаимно предполагают друг друга, а различие между ними создается в процессе возникающих между ними правоотношений. При этом субъекты воздействуют на объекты в целях формирования у них определенных качеств и свойств.

Методы обеспечения национальной безопасности, используемые субъектами, позволяют реализовать главную цель обеспечения национальной безопасности – создание и поддержание необходимого уровня защищенности национальных интересов и стратегических приоритетов и, кроме того, обладают чертами государственного управления:

- осуществляют управляющее воздействие субъектов обеспечения национальной безопасности на объекты;

- организуют происходящие в системе обеспечения национальной безопасности процессы и способствуют достижению общих целей совместной деятельности субъектов;

– являются наиболее подвижным элементом в системе обеспечения национальной безопасности и носят альтернативный характер;

– являются инструментами государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

Для максимально подробного изучения системы обеспечения национальной безопасности личности нужно привлекать все известные методы, хорошо зарекомендовавшие себя при изучении социальных систем. Но при этом следует учесть, что безопасность личности и составляющие ее элементы относятся к классу сложных систем. Именно поэтому изучение системы обеспечения безопасности личности, ее структурных и функциональных компонентов – подсистем всегда должно охватывать значительное число разнообразных методов получения, обработки, анализа и обобщения эмпирических данных [11, с. 112–116].

История свидетельствует, что всегда главный акцент национальной безопасности делается на военной составляющей. Однако в конце XX – начале XXI века спектр угроз и опасностей существенно расширился. Многие из них по своим разрушительным последствиям стали сравнимы, а некоторые даже превосходят военные угрозы и опасности. Безусловно, наличие ядерного и других видов оружия массового поражения, достаточно высокая мощность и точность поражения обычных вооружений, помноженные на стремление различных социальных сил добиваться целей не без помощи оружия, обуславливают сохранение в ряду существенных военных угроз и опасности. Однако речь идет не о возможности возникновения мировой войны, а о военных конфликтах регионального и местного уровней.

Отсюда смещение акцентов военной безопасности с глобального уровня отношений к региональному и местному. Причем наряду с существующей системой международной и региональной безопасности встает задача формирования такой системы безопасности, которая обеспечивала бы равную безопасность для всех государств, народов, сообществ.

Современный мир постепенно становится многослойным; вертикально проведенные границы, отделяющие одно государство от другого, теряют свое традиционное значение. И, напротив, приобретает особую значимость принадлежность человека к одному из гори-

зонтальных слоев, образуемых в экономике – транснациональными корпорациями, а в политико-правовой сфере – партиями, едиными стандартами прав человека, трансграничными элитами в самом широком смысле.

Транснациональные корпорации становятся одной из распространенных областей жизни людей, принадлежащих к различным этническим группам и обладающим различной политической ментальностью [9]. Например, компания «Сименс» фактически уже не является немецкой с предприятиями и рынками сбыта за рубежом, а выступает своего рода экономической империей с собственными интересами, необязательно совпадающими с целями Германии, и с делопроизводством не на немецком, а на английском языке – это черта современной эпохи. Понятие «корпоративная культура» – это уже не просто красивый оборот, применяемый отделами по работе с общественным мнением, а термин, обозначающий явление, сравнимое с культурой национальной. В этой связи символично создание в крупных компаниях собственных образовательных организаций, в том числе так называемых корпоративных университетов. В европейско-американской культуре именно университеты являлись одним из основных носителей традиций [4, с. 21–25].

Вместе с тем каждое государство, этническая группа, нация имеют свои особые, неповторимые потребности и интересы, реализация которых может вступать в противоречие с интересами других социальных и институциональных образований.

Это значит, что наряду с важностью международной и региональной безопасности, как никогда ранее, усиливается значение национальной безопасности. Именно обеспечение национальной безопасности сохраняет индивидуальность (социальной, этнической группы, государства, нации) в единообразном мире. Поэтому важнейшим аспектом безопасности выступает обеспечение, прежде всего, национальной безопасности.

Важно подчеркнуть тот факт, что наряду с институционализированным миром государства, их коалиции, надгосударственные институты власти (ЕС, ООН и т. п.) формируют другой мир, который получил название «сетевой».

Если в первом мире принципиальную роль играет иерархия власти, где высшая власть

принадлежит ООН, а ее рычаги позволяют справляться с угрозами и опасностями, исходящими от государств, наций, то *во втором мире* – «сетевом» ситуация совершенно иная. Отсутствует единый центр власти, она рассредоточена, то есть существует многообразие власти, ее независимость от подобной другой, а каждый участник сетевого мира – это самостоятельный центр силы. И если *в первом мире сохраняются* единые нормы поведения (юридические, социокультурные и т. п.), то *во втором они отсутствуют*. Функционирование этого мира несет с собой огромные опасности и угрозы, справиться с которыми практически невозможно в условиях однополярного мира. Поэтому важнейшим современным акцентом безопасности является поиск возможностей и моделей эффективного противодействия опасностям и угрозам, исходящим от второго мира.

На современном этапе развития актуальной является проблема противодействия терроризму. Под терроризмом в политической практике понимается применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить и даже свергнуть правительство и вызвать политические изменения в государстве. Он направлен на дестабилизацию государственных режимов, возбуждение у населения обеспокоенности из-за своей незащищенности перед лицом насилия, смену государственной власти в стране, осуществление иных политических, религиозных или этнических требований.

Терроризм появляется как ответная реакция на длительное затягивание решения политических проблем. Фактически терроризм вырастает на основе значимых общественных противоречий. К террористической борьбе приводят конфликты политического, социального, территориального, национального, мировоззренческого характера.

Для нагнетания страха террористы могут применять поджоги и взрывы жилых домов, магазинов, вокзалов, мест общественного пользования, штаб-квартир политических партий и т. п. В современных условиях террористы практикуют захват заложников, угоны самолетов.

Террористические действия всегда носят публичный характер и направлены на общество или на власть. Одновременно террористы

быстро осознают ряд особенностей нашего времени: власть сильно зависит от выборов и, следовательно, от общественного мнения; есть мощные СМИ, падкие на «террористические сенсации» и способные мгновенно формировать массовое общественное мнение; люди в большинстве стран отвыкли от политического насилия и боятся его. Поэтому общественный резонанс на террористический акт необходим террористам для изменения общественных настроений. Теракты воздействуют на массовую психологию. Террористические организации демонстрируют свою силу и готовность идти до конца, жертвуя как собственными жизнями, так и жизнями жертв. Террорист громко заявляет, что в этом обществе, в мире есть сила, которая ни при каких обстоятельствах не примет существующий порядок вещей и будет бороться с ним до победы или до своего конца [12, с. 260–264].

В современное время наиболее эффективным методом террора является насилие не в отношении представителей власти, а против мирных, незащищенных и, что крайне важно, не имеющих отношения к «адресату» террора людей, с обязательной демонстрацией катастрофических результатов посредством СМИ. И, наконец, предъявление через СМИ обществу и лидерам мотивов террора и условий его прекращения. Главное условие такого террора – бурная реакция средств массовой информации.

Для борьбы с терроризмом используются оборонительная и наступательная стратегии, государства действуют индивидуально и коллективно. Коренной проблемой борьбы с терроризмом является то, что в данном случае речь идет не об известном на протяжении столетий противостоянии государств, а о борьбе государств с негосударственными организациями, интернациональными по составу, глобальными по географии базирования, охвату проводимых ими операций, действующими подпольно и использующими средства борьбы, запрещенные большинством государств мира.

У террористической угрозы нет обратного географического адреса. Поэтому в борьбе с терроризмом оказывается неэффективной действовавшая веками стратегия сдерживания. Терроризм нельзя победить лишь угрозой нанесения ответного удара по конкретной территории. Террористов трудно обнаружить и

разгромить с помощью классических методов ведения вооруженной борьбы, поскольку они прячутся за спинами гражданского населения. Именно по этой причине небольшой по составу, относительно слабо вооруженный фронт транснационального терроризма на протяжении ряда лет успешно противостоит могуществу самых современных государств.

Одна из первоочередных задач антитеррористической борьбы – это обеспечение внутренней безопасности, то есть охрана гражданского населения, инфраструктуры, объектов, принятие законов, правил, осуществление профилактических мер и процедур, призванных выявить террористов и их намерения, предотвратить совершение террористических актов. В этом задействованы все структуры государственной власти, прежде всего силовые ведомства, а также гражданское общество. В то же время обеспечение внутренней безопасности не должно коренным образом менять основные принципы функционирования гражданского общества и государства, поскольку подобные изменения, наряду с прочим, означали бы частичное поражение перед лицом терроризма. Как правило, террористам труднее всего действовать в тоталитарных или авторитарных странах. Но скатывание к тоталитаризму и авторитаризму является непропорционально высокой ценой в борьбе с терроризмом, которая неприемлема для большинства стран мира. Нахождение правильного баланса между ограничительными мерами безопасности и сохранением завоеваний в области прав человека является трудной, но необходимой задачей [13].

В последние годы большинство стран существенно ужесточило контроль на границах, в аэропортах, поездах, в местах скопления большого числа людей. Особое внимание уделяется разведывательным и контрразведывательным операциям по выявлению террористов и их пособников. Существенно повышено финансирование силовых ведомств, на которые возложены эти задачи. Принято много законодательных актов, призванных усовершенствовать правовое поле борьбы с терроризмом. Идет процесс мобилизации гражданского общества на поддержку этой борьбы.

Указанные меры можно проиллюстрировать на примере мероприятий по обеспечению

внутренней безопасности в Соединенных Штатах после терактов 11 сентября 2001 года. Первой реакцией было массовое проявление патриотизма, объединение общества вокруг политического руководства страны и демонстрация готовности поддержать борьбу с терроризмом. Развернувшееся публичное обсуждение среди специалистов и экспертов позволило сформировать достаточно широкий консенсус относительно уроков этого события, нового качества как возникшей угрозы, так и мер, призванных ей противостоять. Многие сравнивали атаку на Международный торговый центр в Нью-Йорке по глубине воздействия на общество и государство с нападением на Перл-Харбор в 1941 году [3].

Учитывая, что терроризм приобрел транснациональный характер, неизбежно встала задача создания широкой международной антитеррористической коалиции. Кроме того, проведенные различными государствами оборонительные по своему характеру мероприятия, направленные на укрепление внутренней безопасности, требовалось дополнить наступательной стратегией на искоренение террористической инфраструктуры и организацию независимо от того, где они находились.

Повышенное внимание стало уделяться задаче предотвращения возможностей попадания в руки террористов оружия массового уничтожения и средств его доставки. В апреле 2004 года принята и активно реализуется резолюция Совета Безопасности ООН 1540, предусматривающая действия на национальной и международной основе по пресечению распространения ОМУ, средств его доставки и связанных с ними материалов во имя главной цели – недопущения их попадания в руки негосударственных субъектов, прежде всего террористов. 14 сентября 2005 года была открыта к подписанию Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Она обязывает участников одобрить законы, предусматривающие уголовное преследование и наказание виновных в совершении таких актов. Взаимодействие осуществляется как на многосторонней, так и на двусторонней основе.

Помимо разработки нормативной основы и согласования направлений стратегии антитеррора в рамках ООН, примером эффективного многостороннего сотрудничества в этой

сфере служит операция по ликвидации основной базы «Аль-Каиды»* в Афганистане в 2001 году. Важными инструментами многостороннего сотрудничества регионального масштаба являются такие структуры, как созданный в 2000 году Антитеррористический центр СНГ, системы антитеррористического взаимодействия Организации договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества.

Надо заметить, что наряду с расширением и углублением сотрудничества в указанных направлениях между членами международной антитеррористической коалиции возникают расхождения и противоречия. В некоторых странах, формально присоединившихся к этой коалиции, как отмечалось, сохраняются настроения, согласно которым террористы в определенных ситуациях все еще рассматриваются как борцы за свободу. Некоторые государства не располагают достаточными средствами для ведения антитеррористической борьбы на своей территории. Другие пытаются добиться негласного взаимопонимания с террористами с тем, чтобы они не осуществляли теракты на их территории, объективно «канализируя» таким образом активность террористов на другие страны.

Не менее серьезным расхождением в рядах антитеррористической коалиции является различное видение путей и методов конкретной борьбы с терроризмом. Как известно, российское руководство неоднократно обвиняло

некоторые западные страны в «двойных стандартах», в частности, при подходе к антитеррористической операции, которую РФ ведет в Чечне и других республиках Северного Кавказа. Прежде всего, это касается предоставления рядом западных стран террористам, их пособникам и спонсорам убежища на своих территориях.

При всех трудностях консолидации антитеррористической коалиции, расхождении и открытых разногласиях между ее участниками необходимость укрепления единства перед лицом общей угрозы все же остается преобладающей императивой. Учитывая новое качество и глобальные масштабы современного терроризма, можно предположить, что это долгосрочная угроза. Она оказывает и будет оказывать самое серьезное влияние на различные аспекты формирования новой системы международной безопасности. В то же время необходимо соразмерно определять место и удельный вес угрозы международного терроризма в комплексе других угроз международной безопасности. Несомненным успехом в борьбе с терроризмом является формирование широкой антитеррористической коалиции. Она в значительной степени сглаживает противоречия между государствами по ряду других конфликтных проблем международной безопасности. При этом, однако, такие противоречия нередко ослабляют единство антитеррористического блока [2].

Литература

1. Головкин В. А., Лавриченко Р. К. Современные проблемы национальной безопасности // *Философия права*. 2016. № 4.
2. Зеркин Д. П., Игнатов В. Г., Понедельков А. В. Управленческие и кадровые условия обеспечения национальной и региональной безопасности на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2000.
3. Капинус О. С. Прокуратура в системе национальной безопасности России: учебное пособие / О. С. Капинус, И. Б. Кардашова, В. П. Рябцев. М., 2012.
4. Кардашова И. Б. Общественная система обеспечения национальной безопасности Рос-

Bibliography

1. Lavrichenko R. K., Golovko V. A. Modern problems of national security // *Philosophy of law*. 2016. № 4.
2. Zerkin D. P., Ignatov V. G., Ponedelkov A. V. Administrative and personnel conditions of ensuring national and regional security in the North. Rostov-on-Don, 2000.
3. Kapinus O. S., Kardashova I. B., Ryabtsev V. P. Prosecutor's office in the system of national security of Russia: manual. Moscow, 2012.
4. Kardashova I. B. Public system of ensuring national security of the Russian Federation // *Administrative law and process*. 2016. № 11.
5. Kochesokov Z. H. A problem of radical re-

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

сийской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 11.

5. Кочесоков З. Х. Проблема радикального религиозного фундаментализма в контексте национальной безопасности современной России // Научный портал МВД России. 2015. № 2 (30).

6. Лубский А. В., Лубский Р. А. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4 (56).

7. Лубский Р. А. Государственность в России: проблемы изучения в контексте методологии системного исследования // Философия права. 2011. № 4 (47).

8. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.

9. Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1999.

10. Пилогина Т. В. Национальная безопасность на уровне региона как фактор снижения напряженности в обществе и формирования толерантности // Российский следователь. 2012. № 21.

11. Палухина Е. С. Миграция и ее влияние на национальную безопасность России // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. Ростов н/Д, 2015. Ч. 2.

12. Майоров Р. Г. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные вопросы науки и практики: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов: в 3 т. Краснодар, 2016. Т. 2.

13. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под ред. проф. А. В. Опалева. М., 2004.

religious fundamentalism in the context of national security of modern Russia // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. № 2 (30).

6. Lubsky A. V., Lubsky R. A. Adaptation of the people of the South of Russia to social transformations: research methodology problems // Scientific thought of the Caucasus. 2008. № 4 (56).

7. Lubsky R. A. Statehood in Russia: studying problems in the context of methodology of a system research // Philosophy of law. 2011. № 4(47).

8. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian realities: abstract of dis. ... PhD in philosophy. Rostov-on-Don, 1999.

9. Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian realities: dis. ... PhD in philosophy. Rostov-on-Don, 1999.

10. Pilyugina T. V. National security at the level of the region as a factor of decrease in tension in society and formations of tolerance // Russian investigator. 2012. № 21.

11. Palukhina E. S. Migration and its influence on national security of Russia // Prospects of state and legal development of Russia in the 21st century: materials of the All-Russian scientific-theoretical conference of cadets and students of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, students of liberal arts colleges, graduates in a military academy, graduate students and applicants. Rostov-on-Don, 2015.

12. Mayorov R. G. Extremism as threat of national security of the Russian Federation // Topical issues of science and practice: materials IV of the All-Russian scientific and practical conference of cadets, listeners and students: in 3 vols. Krasnodar, 2016. Vol. 2.

13. Legal basis of ensuring national security of the Russian Federation: the monograph / under the editorship of the prof. A. V. Opalev. Moscow, 2004.

Лихтер Павел Леонидович
Likhter Pavel Leonidovich

доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета
кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University, PhD in Law.
E-mail: lixter@mail.ru

ХОЛИЗМ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РЕДУКЦИОНИЗМ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

The holism of ancient greece and reductionism contemporary world: legal aspects

В статье рассматриваются правовые аспекты античного холизма и современного редукционизма. По мнению автора, концепции Платона и Аристотеля не утратили своего значения для теории государства и права. Актуальность исследования определяется потребностью современного общества в формировании позитивных устойчивых ценностей в эпоху глобальных трансформаций. В статье проводится анализ развития холизма в истории нашего государства и зарубежных стран, рассматриваются его тенденции в свете глобализации и дезинтеграции современного мира. Автором ставится вопрос о необходимости закрепления категории «общее благо» в действующем законодательстве в целях сохранения баланса частных и общественных интересов.

Ключевые слова: античный холизм, редукционизм, Платон, Аристотель, теория права, общее благо.

The article examines the legal aspects of ancient holism and modern reductionism. According to the author, the concepts of Plato and Aristotle did not lose their significance for the theory of state and law. The relevance of the research is determined by the need of modern society in the formation of positive sustainable values in the era of global transformations. The article analyzes the development of holism in the history of our state and foreign countries, examines its trends in the light of globalization and the disintegration of the modern world. The author raises the question of the need to consolidate the category of "common good" in the current legislation in order to maintain a balance of private and public interests.

Keywords: antique holism, reductionism, Plato, Aristotle, theory of law, common good.

1. Реминисценция холизма в современной правовой науке

Развитие права обусловлено не только трансформацией общественного сознания, но и обновлением философско-правовой мысли. Параллельно с преобразованием общественных отношений возникают новые теоретические взгляды на общие для философии и права категории, понятия, принципы. Одновременно появляются подходы к философскому наследию Античности, уже оказавшему влияние на все без исключения политические и правовые институты современной цивилизации. Отдельные аспекты концепций Платона и Аристотеля сохранили свою актуальность до настоящего времени и продолжают вызывать живые дискуссии.

Вариативность развития правовой науки, ее постнеклассическая направленность и другие тенденции вызывают необходимость поиска

непротиворечивой методологии, которая будет играть роль якоря во избежание правового хаоса. Дальнейшее использование методов, сформировавшихся в конце прошлого века, вызывает вопросы об их эффективности.

Методология холизма (от древнегреч. *ῥος* – целый, цельный) сформировалась в Древней Греции в целях разьяснения отдельных явлений в их связи с целым. В широком смысле под холистическим методом понимается разностороннее изучение предмета (явления) и исключение любого одностороннего подхода.

Значимость холистического метода для юриспруденции обусловлена возможностью многоуровневого применения (от всей системы права до решения отдельных казусов); конгруэнтность научного знания при многообразии объектов исследования; ориентация на системность объектов изучения, что дает возможность построения определенных иерар-

хичных моделей (например, иерархии ценностей) и межотраслевых структур.

Преимущества холизма обусловили его распространение во многих школах современной науки: феноменологии, гештальтпсихологии, социальной философии и т. д. Но генезис холизма уходит корнями в концепции Платона и Аристотеля о государстве и праве.

По Платону, основная цель идеального государства состоит в обеспечении баланса между индивидом и обществом, способностями отдельного человека и публичными интересами. Одним из основных путей достижения подобной гармонии, по мнению философа, является разделение труда и правильное распределение обязанностей. Право должно содействовать благоденствию всего государства, а не какого-нибудь слоя населения, ведь благо целого полиса превышает его частей [6, с. 301].

Само происхождение государства объясняется Платоном следующими устремлениями:

«... – Государство возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?»

– Нет, ничему иному.

– Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

– Конечно.

– Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше?

– Несомненно...» [6, с. 130].

По мнению древнегреческого философа, в правильном государстве каждый человек стремится к реализации своих наилучших качеств и удовлетворению своих потребностей посредством справедливого разделения труда, которое выгодно всему обществу.

Аристотель соглашается со своим учителем в том, что государство первично по сравнению с отдельным человеком или семьей, так как целое всегда предшествует части: «Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому, как мы говорим,

«каменная рука»; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой... Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение, или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством» [1, с. 379].

Античные мыслители создали философию холизма, в которой подлинной реальностью и самостоятельностью обладает лишь целое, которое определяет свойства частей. Противоположное холизму направление – редукционизм (элементаризм, атомизм) предполагает приоритет (или равенство) частей над целым, так как именно они детерминируют свойства целого и обладают самостоятельной реальностью.

Практической задачей права на основе различных философско-правовых концепций является обоснование оптимального баланса государственных интересов, общественных и личностных потребностей.

2. Холизм и редукционизм в истории государства и права России

Право всегда отражает политическую и правовую культуру общества, которая в России имеет сложносоставной характер и представляет собой совокупность различных ориентаций, сформированных на протяжении всей истории государства. Эти ориентации не обязательно являются однородными и могут по содержанию быть индивидуалистскими или коллективистскими, демократическими или авторитарными.

Принято считать, что современная политико-правовая культура россиян на протяжении последних тридцать лет является переходной от авторитарной к демократической, стремится к образцу, распространенному в евроатлантическом мире. Одновременно многими политиками ставится знак равенства между западнодемократическими ценностями и экономическим благополучием. Однако события 90-х годов XX века и современные кризисные явления опровергли данное упро-

щение. Бездумное закрепление в законодательстве России ценностей, чуждых российскому менталитету, приводит к правовому нигилизму и апатии.

Зачастую медлительность реформ объясняют инертностью и пассивностью населения, его привычкой к патернализму со стороны государства. Превозносятся такие качества, как инициативность, самостоятельность, самоорганизованность, присущие чиновникам, прибывшим на государственные посты из бизнеса. Не всегда принимаются во внимание такие правообразующие факторы культурно-мировоззренческой среды России, как этикоцентризм, коллективизм, без учета которых невозможно формирование доктрины современного российского конституционализма и осуществление конституционной модернизации.

Однородное осмысление развития России исключительно с философско-правовых позиций индивидуализма и либерализма влечет игнорирование базисных социокультурных факторов жизни населения, своеобразия его правосознания. Подобное упрощение приводит к отраслевым деформациям, в результате которых рыночно-экономические начала конституционно-правовых институтов становятся доминирующими, а социальные – нивелируются.

История нашей страны доказывает, что кардинальные социально-экономические изменения далеко не всегда ведут к преобразованию базовых особенностей традиционного общественного уклада.

До 1917 года община (мір) имела решающее влияние на жизнь большей части российского населения. Здоровый дух коллективизма проявлялся в совместной деятельности людей, объединенных общим делом и устремлениями.

Сформировавшиеся ценности единения и открытости во многом обусловили тот факт, что России не свойственен изоляционизм на уровне дома, общины и нации. Вл. Соловьев видел миссию страны в том, чтобы «...положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, совершенного и вселенского единства человеческого рода...» [8] Ф. М. Достоевский в своей «Пушкинской речи», произнесенной 8 июня 1880 года, призывал граждан «... стать братом всех людей, всечеловеком» [3, с. 147].

После 1917 года черты коллективистской ориентации сохранялись в российском сознании. Академик В. С. Степин отмечает, что разрушение русской общинной жизни, произошедшее при советской индустриализации, не разрушило идеалы соборности и не атомизировало индивидов [9]. Во многом традиции общинного взаимодействия продолжились за счет образования производственных коллективов. К сожалению, в действующем законодательстве понятие «трудовой коллектив» заменен нечетким термином «работники», который не отражает всего своеобразия рассматриваемого феномена. Вопрос об отсутствии правосубъектности трудового коллектива не решен однозначно, хотя наличие у него реальных прав и интересов очевидно. По нашему мнению, правовой статус трудового коллектива требует формального закрепления.

Именно сегодня одним из наиболее существенных последствий крайнего индивидуализма могут стать ограничения в профессиональном развитии, обусловленные отсутствием коллектива. Несмотря на активное развитие дистанционного обучения, оно не может обеспечить сохранение всех граней традиционного образования. Выдающийся нейролингвист Т. В. Черниговская утверждает, что вкус к чтению сложной, интересной литературы невозможно привить дистанционно; «... человек идет учиться искусству к конкретному мастеру для того, чтобы сесть на интеллектуальную иглу. Есть много факторов, которые электроны не передают» [11]. Социальное общение является питательной средой для формирования образа мышления и действий.

Еще Аристотель утверждал, что добродетель и профессионализм отдельных граждан являются важнейшими факторами достижения общественного блага. По мнению Стагирита, хорошо делать свое дело, к которому есть способности, – это не просто обязанность перед государством, но одна из основных добродетелей всей человеческой жизни [1, с. 64].

Возведение индивидуальной свободы человека в основополагающие ценности не подразумевает автоматического установления правового государства, а при безответственном восприятии порождает проблемы с профессиональной реализацией, правовой нигилизм и повышение уровня преступности. Ориентация на коллективные формы реализации свободы,

а не ее индивидуализацию скорее свойственна для российской традиции.

При этом степень свободы в России всегда определялась и подчинялась категории справедливости. Во многом это влияние христианского учения, отсекающего нравственную границу свободы границей свободы другого человека: «не причиняй другому того, что нежелательно тебе самому от других». Золотое правило нравственности известно прежде всего из текста Евангелия от Матфея, но и за 400 лет до рождения христианской религии у древнегреческих мыслителей встречается подобное понимание свободы человека в обществе. В диалоге «Критон» Платон указывает на несправедливость ожидать от другого человека тех поступков, которых ты сам не совершаешь, а также тезис о том, что «...не надо ни отвечать на несправедливость несправедливостью, ни делать кому бы то ни было зла, даже если бы и пришлось от кого-то пострадать» [6, с. 97–111]. У Аристотеля встречается ответ в духе золотого правила нравственности на вопрос: «Как вести себя с друзьями?» Стагирит отвечает: «Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с вами» [2, с. 211].

Платон был одним из первых, кто доказал неразрывную связь идей справедливости, законности и общественных интересов людей. В диалоге «Законы» философ отмечает, что в государстве, где право существует в интересах нескольких человек, нельзя говорить о государственном устройстве, а только о внутренних расприх, и «...то, что считается там справедливостью, носит вовсе это имя» [6, с. 167].

Конституционализм, безусловно, является неизбежным продолжением и составной частью национальной культуры. Он же способствует развитию целей, идеалов и принципов будущего правопорядка в общественном сознании, но только при условии адекватного отражения реальной политико-правовой ситуации.

Приоритет публичных интересов над частными, общинность, коллективизм, патернализм – те явления социального развития, которые столетиями проецировались на важнейшие правовые институты (от генезиса органов государственной власти до основ функционирования гражданского общества).

В определенной мере можно рассматривать российский социоцентризм как антитезу за-

падному персонцентризму. Климатические, культурные, религиозные и иные факторы объективно обусловили формирование и сохранение общинного сознания в нашей стране. Профессор А. В. Поляков в рамках коммуникативной теории права отмечает, что социальные противоречия частного и общего снимаются в высшем синтезе, основанном на приоритетных духовных ценностях. Для российской правовой традиции свойственно стремление к такой коммуникации, которая, не ограничиваясь формальным взаимодействием, открывает возможности для духовного взаимопонимания, основанного на со-чувствии, со-участии и сопереживании. По мнению А. В. Полякова, именно этим объясняется антииндивидуалистический и коммуникативный дух русской культуры, соборное начало в ее философии и общинность в социальной практике [7, с. 7].

Дальнейший конституционный прогресс в России трудно представить без осмысления исторических аспектов объективного хода отечественного конституционно-правового развития.

3. Холизм в свете глобализации и дезинтеграции

Примеры успешных экономических моделей некоторых восточных стран доказывают, что индивидуализм и либерализм не являются единственно возможными идеологиями для достижения приемлемого уровня жизни населения. В данном контексте под термином «либерализм» скорее следует понимать совокупность господствующих сегодня в политической философии идеологических предпосылок неолиберализма с его пренебрежением гражданскими правами ради экономических целей.

В Японии, Южной Корее и ряде других государств традиционный приоритет общественных интересов перед личными не остановил их социально-экономическое развитие.

Сегодня в нашей стране происходит наглядное умаление общественных интересов не только перед отдельными индивидами, но и перед интересами транснациональных корпораций. При слабой защите национальным законодательством миллионы работников международных структур руководствуются корпоративными интересами и локальными регламентами.

Влияние транснациональных корпораций на экономические, политические и социаль-

ные вопросы неуклонно растет. Сегодня свыше 2/3 внешней торговли и более половины промышленного производства приходится на транснациональные корпорации [13]. Благодаря финансовому могуществу и политическому лоббированию крупнейшие корпорации могут последовательно отстаивать свои интересы, которые не всегда синхронизируются с интересами слабо защищенных социальных слоев и общества в целом.

Экономическая глобализация вполне может развивать отдельные направления хозяйственного взаимодействия между государствами, упрощать доступ стран к передовым достижениям человечества и обеспечивать экономию ресурсов. Однако подобные преференции касаются закрытого перечня стран, расширение которого активно сдерживается различными методами протекционистской и санкционной политики.

Все большее влияние приобретают такие наднациональные субъекты права, чьи корпоративные нормы носят обязательный характер и напрямую затрагивают права отдельного человека (например, Международный олимпийский комитет, Всемирное антидопинговое агентство, ассоциации спортивных федераций и т. п.).

В определенных обстоятельствах международные корпоративные структуры с легкостью отказываются от правила недопустимости коллективной ответственности и наказывают целые группы, сообщества, государства. Так, легкоатлеты из России не были допущены к Олимпийским играм 2016 года по решению Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF). Спортивный арбитражный суд в Лозанне подтвердил правомерность подобного решения, в том числе в отношении спортсменов, никогда не употреблявших допинг [5].

Очевидно, что слабое государство, неспособное защитить интересы отдельных социальных групп правовыми способами, также не обеспечит и права отдельного человека. В этом случае при условии правового закрепления приоритета личных интересов на первое место выходят такие способы защиты, как необходимая оборона, самозащита и так далее.

Действия наднациональных институтов при нарушении прав отдельных категорий граждан являются фактически проявлением но-

вой по форме, но олигархической по содержанию власти, об опасности которой предупреждали древнегреческие философы.

В современном мире приоритет идей индивидуализма и редукционизма приводит к тому, что восемь самых богатых людей в мире обладают таким же состоянием, как половина населения земли (3,6 млрд человек) [12]. Соотношение богатых и бедных слоев населения в России имеет сходное математическое значение. Согласно информации Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, разница в доходах богатых и бедных последние 25 лет постоянно увеличивается. Поэтому дальнейшее развитие права невозможно без контроля мотивирующих выплат чиновникам и членам органов управления государственных корпораций, без развития институтов социальной ответственности бизнеса, без расширения списка социальных программ и так далее.

Платон в «Государстве» предупреждает об опасности крайнего расслоения доходов населения, так как подобный процесс неизбежно влечет столкновение интересов различных групп населения, порождает социальные конфликты и в итоге разрушает государство. Древнегреческий философ предлагает решение обозначенной проблемы за счет сложного алгоритма перераспределения властных полномочий, изменения финансово-денежных отношений и регулирования социальных перемещений [6, с. 190].

Рассуждая о подобных перекосах в мировой и российской экономической системе современности, В. Д. Зорькин отмечает, что они происходят из-за нарушения базового принципа сущности права. Речь идет о том, что В. С. Нерсисянц называл мерой свободы, «...которая заключается в юридическом равенстве, принципом эквивалента, идущим еще через осмысление философов права древности. Все мы знаем, чем заканчиваются такие пирамиды, – ограблением одних за счет других» [4].

4. Общее благо как высшая ценность

Теория прав человека является ядром любой конституционно-правовой системы. Один из важнейших вопросов, разрешаемых в ней, объективно связан со структурой взаимодействия государства, общества и человека с точки зрения индивидуализма или коллективизма.

Ключевая статья Конституции России провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, закрепляя приоритет индивидуалистического подхода. Однако корректно ли однозначное понимание второй статьи Основного закона с индивидуалистической позиции? Можно ли считать любого человека (террориста, военного преступника) и его права высшей ценностью? Что делать, если при реализации отдельной категории прав редукционный подход нарушает справедливый баланс интересов государства, общества и человека?

Согласно положениям статьи 29 Всеобщей декларации прав человека от 1948 года каждый имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек может подвергаться установленным законом ограничениям с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Следовательно, отдельные аспекты холизма с его возможным ограничением интересов индивида ради общего блага не противоречат общепризнанным нормам международного права.

Не противоречат они и российскому праву: в соответствии со статьей 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Но как определить границу, за которой обоснованное ограничение интересов отдельной личности превращается в произвол и вседозволенность государства? Системообразующими в данном контексте становятся принципы разумности и справедливости. Древнегреческие философы относят именно справедливость к ключевым понятиям, без которых невозможно представить существование гражданина и общества в целом. Справедливый закон выступает в качестве лучшей гарантии защиты интересов человека от произвола других людей и государственного аппарата.

Аристотель в своих сочинениях наиболее наглядно синхронизирует понятия политической справедливости и права. Вне политического общения свободных граждан полиса

права для него не существуют. Только правопорядок, основанный на справедливости, способен изменить отношение людей к законам, исходящим от государства, и обеспечить достижение такого состояния общества, при котором станет возможным наилучшим способом создать систему защиты прав и интересов человека, а также условия для его полноценного развития [1, с. 159].

Как уже было отмечено, в основном законе нашей страны высшей целью провозглашается человек, его права и свободы. Однако преимущество личных интересов перед коллективными не всегда согласуется с логикой системы конституционных ценностей в целом. В связи с чем правовая наука нуждается в развитии понятия, объединяющего античный холизм и современную конституционную аксиологию как «общее благо».

В Древней Греции общее благо воспринималось как обусловленное политической природой человека благо всех членов социально-политического сообщества на основе признания блага каждого. В действующей Конституции Российской Федерации данное понятие не встречается, но в преамбуле говорится о гражданском мире и согласии многонационального народа нашей страны, соединенного общей судьбой.

Построение строгой конституционно-аксиологической иерархии приблизит государство к балансу наиболее значимых целей и интересов общества. Представляется своевременной постановка вопроса о рассмотрении категории «общее благо» в качестве одного из основных понятий конституционной аксиологии.

5. Заключение и выводы

Холистический метод не потерял своей актуальности для современной науки, он и сегодня способствует раскрытию новых перспектив и требует дальнейшего исследования со стороны ученых. Практическая польза этого метода для права возможна за счет закрепления в конституционно-правовых актах общих принципов, не допускающих умаления целого перед частным.

В процессе правотворчества следует учитывать общесоциальные интересы в области прав человека, территориальной целостности, государственной независимости, национальной безопасности и других сферах с целью

обеспечения благосостояния и прогресса всего общества.

При рассмотрении дел судебными органами ограничение прав индивида следует проводить с учетом понимания его влияния на «общее благо». Уже сегодня есть несколько актуальных вопросов, связанных, например, с возможностью принудительной вакцинация детей: что имеет большую значимость – права родителей на воспитание или эпидемическая безопасность общества?

Дальнейшие попытки переосмысления роли современного государства и права объективно тесно связаны со стремлением обес-

печить баланс общественных и частных интересов, развития содержания правовой категории «общее благо».

После распада СССР завершилась не всеобщая история (Ф. Фукуяма), а активная полемика сторонников и противников преимуществ частных или публичных интересов. Несмотря на политические зигзаги, античный холизм в качестве метода, обладающего той степенью универсальности, которая позволяет использовать его как во благо, так и во зло общества, не потерял своей значимости, а значит, история продолжается.

Литература

1. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1976–1983. Т. 4.
2. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступит. ст. А. Ф. Loseva. М., 1979.
3. Достоевский Ф. М. Пушкин // Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26.
4. Зорькин В. Д. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75).
5. Официальный сайт Спортивного арбитражного суда в Лозанне. URL: <http://www.tas-cas.org/en/general-information/news-detail/article/cas-rejects-the-claimsappeal-of-the-russian-olympic-committee-and-68-russian-athletes-1.html>.
6. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 3.
7. Поляков А. В. Российский правовой дискурс и идея коммуникации: учебное пособие. СПб., 2006.
8. Соловьев В.С. «Русская идея». Брюссель, 1987.
9. Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / сост.: П. Д. Баренбойм и А. В. Захаров. М., 2010.
10. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / сост. П. Д. Баренбойм и А. В. Захаров. М., 2010.
11. Черниговская Т. В. Язык создан для мышления. URL: <https://econet.ru/articles/>

Bibliography

1. Aristotle. Collected works: in 4 vols. Moscow, 1976-1983. Vol. 4.
2. Diogenes of Laertius. On the life, teachings and sayings of the famous philosophers / general. ed. and will enter. art. A. F. Losev. Moscow, 1979.
3. Dostoevsky F. M. Pushkin // Coll. op. Leningrad, 1984. Vol. 26.
4. Zorkin V. D. Philosophy of law: past, present and future // Comparative constitutional review. 2010. № 2 (75).
5. Official website of the Sports Arbitration Court in Lausanne. URL: <http://www.tas-cas.org/en/general-information/news-detail/article/cas-rejects-the-claimsappeal-of-the-russian-olympic-committee-and-68-russian-athletes-1.html>.
6. Plato. Collected works: in 4 vols. Moscow, 1994. Vol. 3.
7. Polyakov A. V. Russian legal discourse and the idea of communication: tutorial. St. Petersburg, 2006.
8. Solovyov V. S. «The Russian idea». Brussels, 1987.
9. Styopin V. S. The value of law and the problems of the formation of a legal society in Russia // Philosophy of Law at the beginning of the XXI century through the prism of constitutionalism and constitutional economics / comp.: P. D. Barenboim and A. V. Zakharov. Moscow, 2010.
10. Philosophy of law at the beginning of the XXI century through the prism of constitutionalism and constitutional economics / comp.: P. D. Barenboim and A. V. Zakharov. Moscow, 2010.
11. Chernigovskaya T. V. The language is designed for thinking. URL: <https://econet.ru/articles/>

116315-tatyana-chernigovskaya-yazyk-sozdan-dlya-myshleniya.

12. Eight billionaires 'as rich as world's poorest half'. URL: <http://www.bbc.com/news/business-38613488>.

13. Impact of Multinational Corporations on Developing Countries. URL: <https://www.ukessays.com/essays/economics/impact-of-multinational-companies-in-developing-countries-essay>.

cles/116315-tatyana-chernigovskaya-yazyk-sozdan-dlya-myshleniya.

12. Eight billionaires 'as rich as the world's poorest half. URL: <http://www.bbc.com/news/business-38613488>.

13. Impact of multinational corporations on developing countries. URL: <https://www.ukessays.com/essays/economics/impact-of-multinational-companies-in-developing-countries-essay.php>.

Пелевина Наталия Александровна
Pelevina Nataliya Aleksandrovna

специалист по информационно-аналитической работе отдела подготовки кадров высшей квалификации Армавирского государственного педагогического университета.

Specialist in Information and Analytical Work, Department of Training of the Top Skills, Armavir State Pedagogical University.

E-mail: mininatalek@gmail.com

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК НАСИЛЬСТВЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

February revolution as forced destruction of social memory

В статье раскрываются понятия «социальная память», «культура памяти», ставя перед собой основной задачей анализ и обобщение фактов насильственного уничтожения памяти народа как одной из основополагающих базисов Русского государства. Статья построена по принципу сравнения после-революционной и современной России, что делает исследование последовательным и завершённым. Автор предлагает основные пути решения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: социальная память, революция, большевики, армия, СССР, Российская империя, концепт.

In this article the author defines the concepts of «social memory», «memory culture», setting themselves the main task – the analysis and synthesis of evidence of violent destruction of people's memory as one of the founding of the Russian state. The article is based on the principle of comparing the post-revolutionary and modern Russia, which makes the study consistent and complete. At the end are the main ways to solve the existing problems are presented.

Keywords: social memory, the revolution, the Bolsheviks, the army, Soviet Union, the Russian empire, a concept.

Революция за два дня прodelывает работу десяти лет и за десять лет губит труд пяти столетий.

Поль Валери

100 лет Россия собирает по кусочкам свою истерзанную память, память, разбросанную по лагерям, каторгам и тюрьмам, память, накрытую алым флагом с запахом пепла и крови.

Больше восьмидесяти лет прошло с начала «страшного суда», но по сей день дух ОГПУ окутывает жизни «недобитых». Множество мнений, фактов, рассказов, заметок, книг, но словно с каждой разгаданной историей врывается новая ветвь тайны, заставляющая как можно глубже проникать в суть проблемы, но что ждет исследователей в конце пути?

Для понимания сложной природы конфликтности концепта «память» следует рассмотреть ее в контексте таких понятий, как «коммеморация», «политика памяти», «историческая политика». Говоря о понятии «культура памяти», которое значительно шире, чем категория «политика памяти», в это понятие можно включить не только официальные дей-

ствия властей, но и неформальные, спонтанные, незапланированные использования людьми того или иного объекта или ритуала, то есть политика памяти может быть официальной, представленной в культурной политике государства, и неформальной, выраженной в культурных практиках по инициативе «снизу» (например, неофициальная практика поминовения жертв катастроф, терактов у посольства той или иной страны). Политика памяти тесно связана с исторической политикой, проводимой государством. Политика памяти в Российском государстве проявляется и в «мемориальных законах», принятых в последнее время, например, Указе Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 года [13].

Одним из факторов частичного или полного стирания социальной памяти, а впоследствии и социальной амнезии является революция, в ходе которой насильственным путем

идет уничтожение старых устоев и традиций. В своем исследовании мы попытаемся проанализировать наиболее яркие приемы стирания социальной памяти поколений на примере Февральской революции 1917 года.

«Мы должны бороться с религией. Это – азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: Надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс»», – В. И. Ленин.

Религия выступала мощной опорой государства Российского, искоренить веру, значило, лишить смысла и «опоры» почти 80 % населения, а с ней и огромного пласта знаний, заключенного в церковных храмах, начиная от богослужебных книг и заканчивая иконописью, развитие которой длилось множество столетий, а пик расцвета пришелся на конец XIX века. Атеизм как мировоззрение был негласно провозглашен одной из основ идеологии Советского государства. 19 марта 1922 года под грифом «особо секретно» В. И. Ленин писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны!) провести изъятие церковных цен-

ностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей

самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимо... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...» [1; 14]. Так началось массовое уничтожение и осквернение церковного имущества. Храмы пе-

реоборудовались в складские помещения, словно метафорически пытались заменить огромный пласт «новым» зерном, написать свою историю кровью, залить ей все стены, придерживаясь выражения: «с глаз долой, из сердца – вон». Практически сразу после революции новая власть развернула кампанию по замене религиозных праздников на советские, менялись не только названия, но и обряды. «Внедрялись так называемые красные крестины, красные Пасхи, красные карнавалы (те, что со сжиганием чучел), которые должны были отвлекать народ от традиций, иметь понятную ему форму и идейное содержание, – отмечает религиовед В. Еленский. – Опирались на ленинские слова о том, что церковь заменяет людям театр: мол, дайте им спектакли, и они воспримут большевистские идеи» [14].

циальных городах фамильные особняки отданы под государственные учреждения. Историческая память пересекается с индивидуальной памятью личности даже через несколько поколений. Так, в городе Новоузенске Саратовской области, в фамильном имении автора статьи, располагается здание РОВД, что ярко иллюстрирует стирание социальной памяти на примере одной семьи. Утрата дома повлекла за собой потерю связи с родственниками, краем и фамильной историей, и только спустя 100 лет потомкам удалось собрать по крупицам и воссоздать историю дома и семьи. Восстановить право на дом, конечно же, не удалось, – документы утеряны во время революционных действий.

Вместе с тем передача частной собственности в руки государства значительно повлияла на утрату «белогвардейской» ценности, архитектурного наследия, которое практически невозможно восстановить. Множество старинных зданий, памятников культуры были переданы муниципалитету, который беспощадно затянул фасады растяжками с рекламными лозунгами и неоновыми гигантами. В провин-

Ярким примером может служить Зимний дворец. После Февральской революции 1917 года в нем работало Временное правительство. В послереволюционные годы в здании Зимнего дворца находились различные ведомства и учреждения. В 1922 году часть здания была передана Эрмитажу [9, с. 51].

Спустя 100 лет мы можем наблюдать в России полную потерю связи поколений. Интер-

нет-источники активно пытаются развивать сайты, посвященные созданию генеалогических древ с конкретным описанием предков, вплоть до седьмого колена, что является практически невозможным в силу «засекреченности» множества документов и недостоверности информации. К сожалению, вести работу самостоятельно в городских архивах тоже крайне проблематично без соответствующих документов. Основные «провалы» в памяти отдельно взятых семей приходится на 30–40-е годы XX века. Огромное количество «утерянных» предков попытались восстановить разработчики сайтов «Мемориал» и «Память народа», в базе которых имеются военные архивы России и ближнего зарубежья. К сожалению, данные источники не могут восстановить всей картины, но они, несомненно, приоткрыли завесу тайну для множества семей, отчаявшихся найти пропавших без вести воинов.

Намного сложнее и проблематичнее обстоят дела с политическими заключенными. Несмотря на то, что срок засекреченности множества дел истек, архивы не дают доступа к политическим «тайникам». В сети Интернет существуют списки оправданных за неимением показаний, но они ничтожно малы по сравнению с общим числом арестов на территории России [5].

Политика Российского государства сегодня направлена на возрождение ценностей семьи. С этой целью создаются огромные социальные проекты, нацеленные на поддержание духовного и нравственного уровня развития современ-

ной молодежи. Становление великой державы не представляется возможным без укрепления веры и памяти предков, которая незыблема для русского человека. Основными задачами, которые должен поставить перед собой каждый молодой человек, являются:

1. Возрождение памяти о подвиге своих предков.

2. Создание и / или возрождение генеалогического древа семьи.

3. Работа в архивах своего села/города/края для воссоздания более полной картины жизни своей семьи и своих предков.

4. Создание интерактивного архива для систематизации знаний и фактов о своей семье.

В заключение приведем абсолютно справедливое замечание А. Ассман: «Повышению социальной чуткости сопутствуют парадигматические перемены в исторической политике. Ранее по окончании войны противоборствующим сторонам предписывалось совместное забвение, призванное нейтрализовать воспоминания, опасные для мирного сосуществования победителей и побежденных. Но забвение не обладает целительной силой для исторических травм, связанных с угнетением людей, массовым уничтожением невинных и беззащитных жертв, поэтому и нет инстанции, которая могла бы простить эти преступления. С такими “преступлениями против человечности” нельзя справиться с помощью забвения; чтобы справиться с ними, они должны остаться в совместной памяти жертв и преступников» [6, с. 368].

Литература

1. URL: <http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotov-dlya-chlenov/>
2. Агаян Ц. П. Андраник и его эпоха. М., 1997.
3. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
5. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2007.

Bibliography

1. URL: <http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotov-dlya-chlenov/>
2. Agayan Ts. P. Andranik and his era. Moscow, 1997.
3. Alexander J. Cultural trauma and collective identity // Journal of sociology. 2012. № 3.
4. Anderson B. Imagined communities. Moscow, 2001.
5. Andreeva E. V. Cultural heritage as the core of cultural memory and its role in preserving the spiritual integrity of the Russian civilization: abstract of dis. ... PhD in philosophy. Rostov-on-Don, 2007.
6. Anikin D. A. Topology social memory:

6. Аникин Д. А. Топология социальной памяти: методологические основания и стратегии репрезентации. Саратов, 2014.
7. Ассман Я. А. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.
8. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994.
9. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // *Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. Т. 6: Культурное наследие: от прошлого к будущему.* М., 2009.
10. Великая Отечественная война в пространстве социальной памяти: материалы Международной науч. конф., посвященной 70-летию Великой Победы. М., 2015.
11. Григорьян К. Э. Грани идентичности. М., 2006.
12. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
13. Указ Президента РФ от 18 мая 2009 года № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». URL: <https://rg.ru/2009/05/20/ukaz559-dok.html>.
14. URL: <http://www.segodnya.ua/life/stories/krasnaya-pasha-kak-prazdnovali-pashu-v-sssr-606788.html>.
- methodological bases and representation strategy. Saratov, 2014.
7. Assman Ya. A. Culture memory: Letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / translation from German M. M. Sokol'skaya. Moscow, 2004.
8. Boronoev A. O., Pavlenko V. N. Ethnic psychology. St. Petersburg, 1994.
9. Vasiliev A. Memorialization and oblivion as the production mechanisms of cultural unity and diversity // *Fundamental problems of cultural studies: materials congress / ed. of D. L. Spivak. Vol. 6: Cultural heritage: from the past to the future.* Moscow, 2009.
10. The Great Patriotic War in the space of social memory: materials of the nauny conference devoted the 70th anniversary of the Great Victory. Moscow, 2015.
11. Grigoryan K. E. Facets of identity. Moscow, 2006.
12. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. 2nd ed. Moscow, 1984.
13. Decree of the President of the Russian Federation of May 18, 2009 № 559 «On the representation of citizens who claim to fill the posts of the federal civil service and federal state employees information on income, property and liabilities of property». URL: <https://rg.ru/2009/05/20/ukaz559-dok.html>.
14. URL: <http://www.segodnya.ua/life/stories/krasnaya-pasha-kak-prazdnovali-pashu-v-sssr-606788.html>

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).

9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.

11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

12. По запросу автора статьи ему может быть предоставлена рецензия.

13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.

14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**